# ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

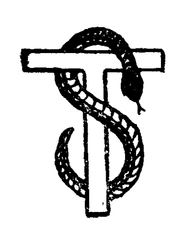
Satyât Nasti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

---

**7 октября.**

**№ 10.**



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1909

Религіозно-философско-научный журналъ

# „ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ“.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

## ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религій, оккультизму, изслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологіи и др. отраслямъ знанія;

2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ;

3) біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей;

4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія;

5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцію журнапа по вопросамъ теософіи, психологіи и др.;

6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8° не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей *А. А. Каменской,* при участіи **Анни Безантъ**, доктора **Рудольфа Штейнера**, *Alba, П. Н. Батюшкова, А. В. Борніо, Н. К. Боянуса, А. Ф. Вельцъ. А. С. Гралевской, С. Н. Даль, Н. Г., М. Каменской, К. Кудрявцева, Е. М. Кузмина, М. Летрэ, Н. Лихачевой, А. Минцловой, Е. Писаревой (Е. П.), М. Станюковичъ, Д. Страндена, О. Д. Форшъ, Б. Ф., А. В. Унковской* и др. Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ іюнь и августъ) журналъ не выходитъ.

Въ теченіе года предполагается помѣстить нижеслѣдующія крупныя статьи: „Законы высшей жизни“ **А. Безантъ;** „Древняя мудрость“, **А. Безантъ** (продолженіе); „Какъ достигается познаніе сверхчувственныхъ міровъ“, **Р. Штейнера** (продолженіе); „Братство“, **Т. Паскаля;** „Смерть и за гробомъ“, **А. Безантъ;** „Звукъ-созидатель“, *Дайна;* **Б'хагаватъ-Гита;** „Великіе посвященные“, *Э. Шюре* (продолженіе).

Цѣна **4** руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Допускается разсрочка: за ½ года—**2** р. **20** к., за 3 мѣсяца—**1** р. **10** к. Отдѣльный №—**50** к. За перемѣну адреса городского на городской—**20** к., городского на иногородній и обратно иногородняго на городской—**40** к. Цѣна за границу **7** руб. Разсрочка не допускается.

Лица, желающія получить вышедшіе листы „Древней мудрости“ **А. Безантъ**, и „Великихъ посвященныхъ“ *Э. Шюре*, вносятъ при подпискѣ дополнительно еще одинъ рубль.

Подписка для иногороднихъ **только черезъ Контору Редакціи**.

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (СПБ., Кабинетская ул., д. 7, кв. 1) ежедневно, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней, отъ 1—4 час. дня и по воскресеньямъ отъ 11—12 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенія цѣны допускается только **до 1 января 1909 г.**

По дѣламъ Редакціи издательница принимаетъ лично по пятницамъ отъ 4—5 часовъ дня.

---

**Отъ Редакціи.** Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

Спб. Городская Типографія. Садовая, 55, уг. Вознесенскаго.

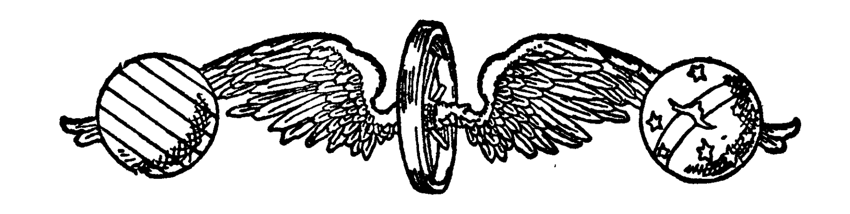
## СОДЕРЖАНІЕ



## Отъ Редакціи.

Въ слѣдующемъ № будетъ дано окончаніе статьи А. Безантъ „Древняя Мудрость".

Въ виду большого притока оригинальныхъ статей, обѣщанная по подпискѣ на 1909 г. статья доктора Паскаля „Древняя Мудрость на протяженіи вѣковъ" будетъ дана въ слѣдующемъ 1910 году.



# Какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ.

Д-ра **Р. Штейнеръ.**

*(Продолженіе* *).

---

## Глава XII.

### Стражъ порога. Жизнь и смерть.

Въ прошлой главѣ описано, насколько важна для человѣка встрѣча съ такъ называемымъ „малымъ Стражемъ порога“, потому, что въ немъ онъ узнаетъ сверхчувственное существо, которое создано имъ же самимъ. Тѣло этого существа состоитъ изъ, ранѣе бывшихъ для него невидимыми, результатовъ его собственныхъ дѣйствій, чувствъ и мыслей. И эти самыя невидимыя для него силы и были причинами его судьбы и его характера.

Теперь для него становится яснымъ—какимъ образомъ въ прошедшемъ онъ самъ возводилъ основанія для своего настоящаго. Его собственная сущность является вслѣдствіе этого до извѣстной степени разоблаченной передъ нимъ. Напримѣръ, у него имѣются опредѣленныя наклонности и привычки. Теперь онъ можетъ понять, *почему* онъ имѣетъ ихъ. Его постигали различные удары судьбы; теперь онъ понимаетъ откуда появлялись они. Онъ начинаетъ познавать, почему онъ любитъ одно и ненавидитъ другое, почему одно доставляетъ ему счастіе, а другое—несчастіе. Видимая жизнь дѣлается для него понятной, благодаря пониманію невидимыхъ причинъ. Также и существенные жизненные факты: болѣзнь и здоровье, смерть и рожденіе разоблачаются передъ

---

*) „Вѣстникъ Теософіи“ 1909 г., № 7—8.

его взглядомъ. Онъ убѣждается, что *до* своего рожденія онъ создалъ тѣ причины, которыя неизбѣжно привели его къ новой земной жизни. И теперь онъ начинаетъ различать въ себѣ ту сущность, которая создавалась въ этомъ видимомъ мірѣ и притомъ въ весьма несовершенномъ видѣ, и что *только* въ этомъ же самомъ видимомъ мірѣ можетъ она быть доведена до полнаго совершенства. Ибо ни въ какомъ другомъ мірѣ не представляется возможности работать надъ выработкой этой сущности. Далѣе онъ видитъ, что смерть разлучаетъ его съ этимъ міромъ, но не навсегда. И онъ долженъ сказать себѣ: „нѣкогда я пришелъ впервые въ этотъ физическій міръ, ибо я тогда былъ такимъ существомъ, которое нуждалось въ немъ, чтобы пріобрѣсти себѣ такія свойства, которыя не могутъ быть пріобрѣтены ни въ какомъ иномъ мірѣ. И я до тѣхъ поръ буду связанъ съ этимъ міромъ, пока не разовью въ себѣ всего, что можно пріобрѣсти въ немъ. И я только въ той мѣрѣ могу сдѣлаться со временемъ полезнымъ сотрудникомъ въ невидимомъ мірѣ, въ какой въ чувственно-видимомъ мірѣ пріобрѣтутся мною нужныя для того способности“. Научиться цѣнить и познавать все значеніе физической видимой природы,—это принадлежитъ какъ разъ къ важнѣйшимъ переживаніямъ посвященнаго. Это познаніе и эта вѣрная оцѣнка дается ему, когда онъ уже проникъ въ сверхчувственный міръ. У кого такого проникновенія еще не было, тотъ легко можетъ умалить значеніе физическаго міра, воображая, что сверхчувственныя области безконечно болѣе цѣнны, чѣмъ видимый міръ. Но кому уже удавалось проникнуть въ эти области, тотъ знаетъ, что человѣкъ безъ переживаній физической дѣйствительности былъ бы совершенно безсиленъ въ мірѣ невидимомъ. Если онъ долженъ *жить* въ послѣднемъ, то необходимо ему имѣть и способности и орудія для этой жизни. Ихъ же онъ можетъ пріобрѣсти только въ мірѣ видимомъ. Онъ долженъ умѣть *видѣть* духовно, если желаетъ, чтобы невидимый міръ открылся для его сознанія; но самая сила зрѣнія, необходимая для „высшаго“ міра, развивается постепенно какъ разъ черезъ переживанія въ „низшемъ“ мірѣ.

Въ духовномъ мірѣ также невозможно родиться съ духовными глазами, не развивъ ихъ предварительно въ мірѣ чувственномъ, какъ невозможно ребенку родиться съ физическими глазами, если послѣдніе не образовались уже предварительно въ утробѣ матери.

Съ этой точки зрѣнія понятно и то, почему „порогъ“ сверхчувственнаго міра охраняется „Стражемъ“. А именно, человѣку

ни въ какомъ случаѣ не будетъ дозволено проникнуть въ тѣ области, пока онъ не пріобрѣтетъ необходимыя для этого способности. Поэтому всякій разъ въ моментъ смерти, если человѣкъ вступаетъ въ иной міръ еще неготовымъ къ работѣ въ немъ, между нимъ и переживаньями этого міра простирается покрывало, онъ увидитъ ихъ не прежде, чѣмъ совершенно созрѣетъ для этого.

Если же ученикъ дѣйствительно вступилъ въ невидимый міръ, тогда вся жизнь получаетъ для него совершенно новый смыслъ, и онъ начинаетъ видѣть въ чувственномъ мірѣ почву для зарожденія высшаго міра.

И въ извѣстномъ смыслѣ этотъ „высшій" безъ „низшаго" представится ему недостаточнымъ. Для него открываются двѣ перспективы. Одна—въ прошедшее, другая—въ будущее. Онъ всматривается въ прошлое, въ которомъ этого физическаго міра еще не было. Ибо онъ уже далеко ушелъ отъ предразсудка, по которому сверхчувственный міръ долженъ развиваться изъ міра чувственнаго. Онъ знаетъ, что сверхчувственное было сначала, и что все физическое развилось изъ него. Онъ убѣждается, что и онъ самъ, *прежде* чѣмъ впервые пришелъ въ физическій міръ, принадлежалъ уже сверхчувственному. Но этотъ нѣкогда бывшій сверхчувственный міръ нуждался въ прохожденіи черезъ міръ чувственный. Дальнѣйшее его развитіе было бы невозможнымъ безъ этого прохожденія черезъ физическія формы. Не прежде, чѣмъ разовьются на физическомъ планѣ существа съ соотвѣтствующими способностями, можетъ сверхчувственное снова продолжать свое движеніе впередъ. И эти существа—люди.

Они, какъ мы ихъ теперь видимъ, изошли изъ несовершенной ступени духовнаго бытія и будутъ въ предѣлахъ этой ступени приведены къ тому совершенству, которое сдѣлаетъ ихъ пригодными къ дальнѣйшей работѣ надъ высшимъ міромъ. И здѣсь открывается перспектива будущаго. Она указываетъ на высшую ступень сверхчувственнаго міра. Въ немъ проявятся плоды, взрощенные въ мірѣ чувственномъ. Послѣдній, какъ таковой, будетъ побѣжденъ, но его плоды воплотятся въ высшемъ мірѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ появляется и уразумѣніе болѣзни и смерти въ физическомъ мірѣ.

Смерть, собственно говоря, ничто иное, какъ выраженіе того, что прежній сверхчувственный міръ пришелъ къ такой точкѣ, начиная съ которой онъ самъ по себѣ не можетъ далѣе развиваться. Всеобщая смерть сдѣлалась бы для него необходимостью, если бы онъ не получилъ новаго притока жизни. И эта новая

жизнь вступила въ борьбу противъ общей смерти. Изъ остатковъ умирающаго, готоваго оцѣпенѣть міра распустились зародыши новой жизни. Поэтому-то и имѣются въ мірѣ жизнь и смерть.

И медленно переходитъ все сущее одно въ другое. Умирающія части стараго міра еще примыкаютъ къ зародышамъ новаго, которое изъ нихъ же и развилось.

Это яснѣе всего выражено какъ разъ въ человѣкѣ. Онъ носитъ на себѣ, въ видѣ своей оболочки, то, что сохранилось изъ того древняго міра; и внутри этой оболочки образуется зародышъ того существа, которое будетъ жить въ будущемъ. Такимъ образомъ человѣкъ—двойственное существо—и смертное, и безсмертное. Смертное находится въ своемъ конечномъ состояніи, безсмертное же—въ начальномъ. Но лишь *внутри* этого двойственнаго міра, находящаго свое выраженіе въ чувственно-физическомъ,—пріобрѣтаетъ онъ для себя способности приблизиться къ міру безсмертія. И вся его задача въ томъ, чтобы изъ смертнаго самому извлечь плоды для безсмертнаго. Если онъ такимъ образомъ взираетъ на свою сущность, какъ онъ ее самъ построилъ для себя въ прошломъ,—онъ долженъ сказать себѣ: я имѣю въ себѣ элементы вымирающаго міра; они работаютъ во мнѣ и только постепенно могу я сломить ихъ власть при помощи вновь зарождающихся безсмертныхъ элементовъ. Такъ идетъ путь человѣка отъ смерти къ жизни. Онъ поучается *черезъ* смерть для жизни. Если бы онъ могъ въ смертный часъ говорить съ собой въ полномъ сознаніи, то онъ долженъ бы сказать: „смертное было моимъ учителемъ. То, что я умираю, есть дѣйствіе всего прошлаго, съ которымъ я тѣсно связанъ. Но поприще смертнаго дало возможность созрѣть сѣменамъ безсмертія. Ихъ я перенесу съ собой въ иной міръ. Если бы все кончилось прошлымъ, то я бы никогда не могъ родиться. Жизнь прошлаго заканчивается въ рожденіи. Жизнь въ физическихъ условіяхъ, являясь зародышемъ новой жизни, тѣмъ самымъ преодолѣваетъ умирающее прошлое, приноситъ побѣду надъ нимъ. Время между рожденіемъ и смертью есть только выраженіе того, насколько новая жизнь поборола умирающее прошлое. И болѣзнь есть ни что иное, какъ продолжающееся воздѣйствіе умирающихъ частей этого прошлаго".

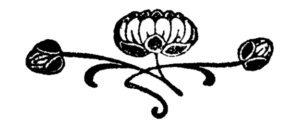
Изъ всего этого получается отвѣтъ на вопросъ: почему человѣкъ переходитъ лишь постепенно отъ заблужденія и несовершенства къ истинѣ и благу. Его дѣйствія, чувства и мысли находятся прежде всего подъ властью преходящаго умирающаго.

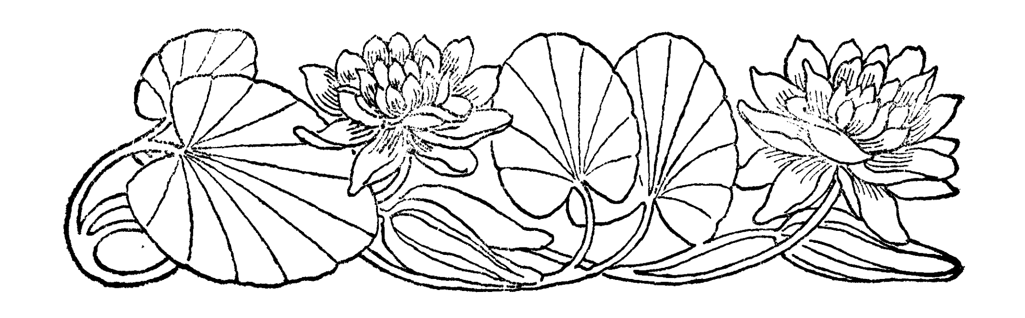
Изъ него образовались его физическіе органы чувствъ. Поэтому и органы эти и все, что служитъ ближайшимъ образомъ къ ихъ побужденію, все это само обречено на уничтоженіе. Не инстинкты, стремленія, страсти и т. д. и служащіе для нихъ проводниками органы представляютъ изъ себя непреходящее, но сдѣлается непреходящимъ лишь то, что составляетъ творческую дѣятельность этихъ органовъ. Не ранѣе, чѣмъ человѣкъ извлечетъ изъ преходящаго все, что подлежитъ извлеченію, не ранѣе будетъ онъ въ состояніи сбросить съ себя тѣ элементы, изъ которыхъ онъ уже выросъ и которые находили свое выраженіе въ физическо-чувственномъ мірѣ.

Такимъ образомъ, первый „Стражъ порога" представляетъ собою образъ и подобіе человѣка въ его двойственной натурѣ, смѣшанной изъ преходящаго и непреходящаго. И ясно становится ученику при видѣ его, чего ему еще недостаетъ для достиженія величаваго, свѣтлаго образа, который сможетъ снова обитать въ чисто-духовномъ мірѣ.

Пер. **В. Лалетинъ.**

*(Продолженіе слѣдуетъ).*





# О настроеніяхъ.

**А. Безантъ.**

---

Какъ извѣстно, Теософическое общество ставитъ своей цѣлью распространеніе въ мірѣ Божественной Мудрости, и многіе изъ насъ вѣрятъ, что истины эти сохранялись для міра — поколѣніе за поколѣніемъ—великимъ союзомъ духовныхъ Учителей, который намъ извѣстенъ подъ именемъ *Бѣлой Ложи*. Учителя эти имѣютъ право на нашу преданность, ибо Они представляютъ изъ себя величайшихъ слугъ человѣчества. Они стоятъ выше всѣхъ остальныхъ руководителей человѣческой расы необъятностью своего самопожертвованія на пользу міра и совершенствомъ, съ которымъ выполняется Ихъ служеніе. Не будетъ преувеличиваніемъ, если мы скажемъ, что самое существованіе Ихъ есть непрестанная жертва. Какъ ни велики интересы, съ которыми Они имѣютъ дѣло, какъ ни всеобъемлюща мудрость, съ которой Они подходятъ къ міровымъ вопросамъ и къ эволюціи человѣчества, тѣмъ не менѣе мы знаемъ — нѣкоторые по наслышкѣ, а нѣкоторые и по личному опыту — съ какой полной и нѣжной симпатіей Они относятся къ индивидуальнымъ усиліямъ отдѣльныхъ личностей. Для насъ почти невозможно себѣ представить, какъ такіе необъятные горизонты могутъ соединяться съ полной отчетливостью частныхъ наблюденій. Сами мы, по мѣрѣ того какъ наши интересы расширяются, бываемъ склонны относиться небрежно къ подробностямъ и смотрѣть на мелочи жизни какъ на недостойныя вниманія. Мы еще не достигли той высоты, когда *совершенство*

производимой работы ставится несравненно выше того значенія, которое эта работа имѣетъ въ глазахъ міра. Для насъ чрезвычайно затруднительно, и именно потому, что мы не достигли еще величія, понять это сліяніе воедино того, что *намъ* кажется противоположнымъ по самой природѣ своей. И, тѣмъ не менѣе, одна изъ глубочайшихъ истинъ вселенной заключается въ томъ, что чѣмъ шире пониманіе, тѣмъ совершеннѣе, нѣжнѣе и любовнѣе отношеніе къ подробностямъ, тѣмъ глубже сочувствіе ко всему, что живетъ и дышитъ. Несомнѣнно, что по ширинѣ кругозора Логосъ нашей системы выше Учителей, которые служатъ по Его указанію, но даже Ихъ тѣсный союзъ съ преданными учениками не столь тѣсенъ, какъ единеніе Бога со всѣмъ міромъ. Въ буквальномъ смыслѣ вѣрно то, что сказалъ Христосъ: „ни одинъ воробей не падетъ мертвымъ безъ воли Отца". Для этой всеобъемлющей Любви и Жизни, все живое, составляющее часть Его самого, безконечно дорого и цѣнно. Въ безграничности Разума, обнимающаго и поддерживающаго все и всѣхъ, всѣ различія исчезаютъ, такъ что мысль поэта: „Онъ ближе къ тебѣ, чѣмъ твое дыханіе, ближе чѣмъ руки и ноги твои"... буквально примѣнимо къ Логосу нашей вселенной. Вѣрно также и то, что Тѣ, въ комъ Его духъ проявился яснѣе, чѣмъ въ насъ, которые одинаково совершенны и въ знаніи, и въ глубинѣ своего состраданія,—болѣе сходны съ Нимъ, чѣмъ мы сходны съ Ними.

Тѣмъ не менѣе, идеалъ, который Они представляютъ собою для насъ, мы должны стремиться осуществлять въ нашей жизни, насколько это для насъ доступно. Ибо какъ разъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ расширяется наше знаніе и углубляются, утончаются и дѣлаются болѣе чуткими наши эмоціи, и мы подвигаемся по пути, который приведетъ насъ къ достиженію Ихъ совершенства. И въ этой статьѣ я хочу показать безконечную важность для каждаго изъ насъ, какъ члена общества, члена націи или семьи,—попробовать соединить воедино и осуществить въ нашей общественной жизни эти два вида и широко охватывающаго, и въ то же время внимательнаго къ подробностямъ, чуткаго и нѣжнаго чувства ко всѣмъ. Въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ мы достигаемъ Мудрости, которая есть осуществленіе Единой Жизни, должны мы проявлять и Любовь, которая выражаетъ собой единство Мудрости, проявленной въ разнообразіи формъ. Соединеніе формъ силою Жизни есть то, что мы знаемъ какъ Любовь; такимъ образомъ, Мудрость—на высшемъ планѣ—есть Любовь на планѣ эмоцій. И по мѣрѣ того, какъ Мудрость начинаетъ распускаться

на высшемъ планѣ, ея отраженіе въ нашихъ эмоціяхъ должно также расцвѣтать. Именно это сознаніе — въ нашей собственной жизни—одинаковой необходимости и знать и любить — создаетъ то стройное совершенство характера, къ которому всѣ мы должны стремиться. Въ прошломъ мы развивались одностороннимъ образомъ: то преимущество въ сторону знанія, то въ сторону любви и симпатіи. Но теперь, когда мы начинаемъ понимать вещи лучше, нашъ долгъ взять всѣ наши эмоціи въ собственныя руки и сознательно руководить нашимъ развитіемъ. И тогда мы увидимъ, что оба эти явленія, которыя кажутся такими различными здѣсь, на землѣ, въ дѣйствительности, являются лишь двумя видами одной и той же Жизни, проявленной на высшихъ планахъ бытія. И по мѣрѣ того, какъ мы будемъ признавать эту истину разумомъ и осуществлять ее въ области чувства, мы начнемъ развивать въ себѣ тотъ видъ характера, который приблизитъ насъ къ возможности Посвященія въ Высшую Жизнь, мы приготовимъ себя для той ступени мудрости, которая откроетъ наше зрѣніе на духовномъ планѣ (Buddhi).

Большимъ препятствіемъ для возрастанія въ насъ мудрости и для очищенія и углубленія нашихъ эмоцій является наше непостоянство, то, что мы называемъ нашими измѣнчивыми настроеніями.

Послѣднія же въ одно и то же время и странны, и поразительны: странны потому, что они измѣняютъ наше отношеніе къ тѣмъ самымъ вещамъ, въ которыхъ мы особенно глубоко убѣждены, и поразительны по той огромной силѣ, которую они имѣютъ надъ нами. Въ весенніе дни, когда облака и солнечный свѣтъ быстро смѣняютъ одно другое, тотъ же самый пейзажъ является то темнымъ, то снова яркимъ, или уже одна его часть свѣтится, тогда какъ другая затемнена облаками и т. д. И по мѣрѣ того, какъ облака смѣняются солнечнымъ свѣтомъ, и вся видимость вещей, то затемненныхъ, то освѣщенныхъ, мѣняется; рѣка, сверкающая подобно серебру подъ лучами солнца, течетъ сѣрая и тусклая подъ навѣсомъ облаковъ. Мы видимъ эти перемѣны и знаемъ, что онѣ зависятъ отъ облаковъ и отъ солнечныхъ лучей, смѣняющихъ другъ друга на поверхности вещей, и именно эта смѣна и производитъ впечатлѣніе огромной внѣшней разницы. То же и съ нами. Эти настроенія, имѣющія такую огромную власть надъ нами, такъ вліяющія на насъ, представляютъ собой чередующіяся облака и солнечное сіяніе умственнаго и эмоціональнаго темпераментовъ, главнымъ образомъ, послѣдняго. Ибо хотя

и вѣрно, что умъ бываетъ иногда смѣтливый, иногда тупой, иногда быстро схватывающій, иногда медленный, то охотно работающій, то наклонный къ лѣни—все же эти измѣненія идутъ въ сущности не изъ природы ума, но вслѣдствіе измѣнчивой игры свѣта и тѣни, возникающихъ при его соприкосновеніи съ эмоціональной сферой. Если мы хотимъ справиться съ набѣгающими на насъ настроеніями, мы должны прослѣдить ихъ происхожденіе въ области эмоцій и научиться, какъ слѣдуетъ обращаться съ ними.

Я ставлю рядомъ настроеніе солнечное и облачное, ибо свѣтлое состояніе точно также настроеніе, какъ и мрачное; они идутъ совмѣстно, какъ „пара противоположностей", и если мы начнемъ наблюдать за собой, мы увидимъ, что въ полномъ соотвѣтствіи съ глубиной угнетенности одного момента, будетъ высота сіянія и радости другого момента. Люди, неспособные на глубокое уныніе, неспособны и на большой восторгъ, и именно тѣ, которые отличаются особенно свѣтлымъ подъемомъ духа, способны въ иное время доходить до необычайнаго отчаянія. Ибо здѣсь все дѣло въ колебаніи эмоцій, и какъ при качаніи маятника, чѣмъ болѣе онъ качнется въ одну сторону, тѣмъ болѣе будетъ его размахъ въ противоположную сторону, — то же самое и съ нашими эмоціями. И нужно замѣтить, что свойство это принадлежитъ преимущественно западнымъ народамъ, и чѣмъ болѣе подвигаемся на Востокъ, тѣмъ болѣе исчезаетъ эта необыкновенная перемѣна настроеній, свойственная Западу; конечно, нельзя сказать, чтобы настроеніе у восточныхъ народовъ совсѣмъ не мѣнялось, но тамъ перемѣны почти не замѣтны для человѣка, привыкшаго къ рѣзкимъ переходамъ у людей на Западѣ. Во время моего пребыванія въ Индіи я сама испытывала большое затрудненіе отъ своихъ западныхъ свойствъ и мнѣ стоило постоянной борьбы, чтобы достигнуть той уравновѣшенности, которая является естественнымъ состояніемъ духа у обыкновеннаго культурнаго Индуса. Я не знаю интимнымъ образомъ другихъ восточныхъ націй, но по всему, что я слышала, можно думать, что той же ровностью настроенія отличаются и остальные восточные народы. Подобная ровность представляетъ огромное преимущество: она не допускаетъ шаткости у человѣка, и если мы знали его преданнымъ опредѣленной идеѣ, можно быть увѣреннымъ, что мы его встрѣтимъ неизмѣнившимся и черезъ долгій промежутокъ времени. Наоборотъ, настроеніе у насъ на Западѣ мѣняется постоянно, даже по отношенію къ нашимъ идеаламъ. Мнѣ хотѣлось бы остановиться на минуту, чтобы разсмотрѣть нѣкоторыя настроенія,

которыя не задѣваютъ насъ особенно глубоко, и выдѣлить ихъ изъ ряда затрагивающихъ насъ значительныхъ настроенiй.

Прежде всего, нѣкоторая часть нашихъ измѣнчивыхъ настроенiй происходитъ отъ нервовъ. Весьма часто угнетенiе и приподнятое состоянiе, раздражительность или спокойствiе—являются въ полной зависимости отъ состоянiя нашихъ физическихъ нервовъ. И тотъ, кто стремится къ самопознанiю, долженъ умѣть отличать настроенiя этого рода отъ болѣе серьезнаго источника.

Всѣ подобныя перемѣны могутъ быть побѣждены, и отъ нихъ можно отдѣлаться достаточнымъ количествомъ благоразумiя, здраваго смысла и вдумчивостью. Прежде всего мы должны отдѣлить ихъ отъ болѣе серьезныхъ настроенiй. Мы должны разбираться въ той роли, которую наше нервное состоянiе играетъ въ измѣненiи нашихъ настроенiй: излишнее напряженiе нервной системы, нѣсколько большая усталость, немного меньше сна, все это и вызываетъ разницу въ настроенiяхъ этого типа. Когда мы придемъ къ заключенiю, что для разумнаго существа необходимо владѣть своими настроенiями, мы будемъ стремиться достигнуть этого, сохраняя здоровымъ наше тѣло, мы будемъ видѣть въ этомъ долгъ относительно себя самихъ и относительно окружающихъ. Когда тѣло наше теряетъ обычную норму своего здоровья, послѣдствiемъ этого — если мы только не очень сильны — будетъ неизбѣжное нервное воздѣйствiе на наше настроенiе. Для того, чтобы предупредить это, мы достаточно сильны, но у насъ не хватитъ силы противиться этому воздѣйствiю и чувствовать себя такъ, какъ если бы нервы наши были въ порядкѣ.

Отсюда является необходимость разумно соразмѣрять наши силы съ нашей дѣятельностью. Дѣло вовсе не въ размѣрѣ совершаемой работы, а въ правильномъ соотношенiи между количествомъ работы и нашей способностью совершить ее. Количество работы, на которую способенъ одинъ, для другого будетъ совершенно иное, поэтому безполезно судить по количеству работы; мы должны размѣрять силы личности, насколько онѣ позволяютъ совершать опредѣленное количество работы безъ вреднаго напряженiя. Вотъ здѣсь-то и требуется вмѣшательство здраваго смысла и мудрости. Мое собственное правило при опредѣленiи размѣра моей работы состоитъ въ томъ, что я, зная размѣръ своихъ силъ, соображаю, *какое* количество обращенныхъ ко мнѣ требованiй я могу удовлетворить, и затѣмъ я уже не выхожу изъ этой нормы, а это бываетъ иногда очень трудно и требуетъ суровой рѣши-

мости не поддаваться чувству и ни въ какомъ случаѣ не выходить изъ начертанной границы. И все-же, это — единственно вѣрное правило для ученика и не только потому, что онъ не имѣетъ права разбивать свои силы, которыя онъ рѣшилъ отдать на служеніе своему Учителю, но и потому, что нашъ „долгъ“ дѣлать только то, что въ нашихъ силахъ; все-же, что не есть долгъ, является ненужной тратой силъ. Это чрезвычайно важный урокъ въ оккультизмѣ: мы не можемъ дѣлать успѣшно болѣе того, что должны *сдѣлать*; если мы пробуемъ дѣлать болѣе, все сдѣланное *внѣ* долга есть лишь потеря времени и труда. Кромѣ того, дѣлая нѣчто, не входящее въ кругъ нашего долга, мы тѣмъ самымъ препятствуемъ другому совершать его долгъ, и дѣлаемъ мы это по большей части изъ самообольщенія, воображая, что другіе не могутъ сдѣлать того-же дѣла не хуже насъ. Въ дѣйствительности, то-же самое могутъ сдѣлать и другіе. Этотъ урокъ изъ оккультной экономіи я совѣтую запомнить всѣмъ, наклоннымъ напрягать свои силы и разбивать ихъ. Это большая ошибка и при томъ мѣшающая эволюціи тѣхъ, кто окружаетъ насъ; они не менѣе насъ нуждаются въ развитіи, и мы не имѣемъ права, отнимая у нихъ благопріятный случай, препятствовать ихъ служенію жизни. И поэтому нервное переутомленіе отъ непосильной работы является безусловнымъ зломъ.

Перейдемъ теперь къ другого рода настроеніямъ, которыя нерѣдко бываютъ очень болѣзненны главнымъ образомъ потому, что мы не понимаемъ ихъ истиннаго смысла. Я имѣю въ виду тѣ настроенія, которыя происходятъ отъ нашей растущей чувствительности къ сверхфизическимъ вліяніямъ, пока мы еще не достаточно подвинулись, чтобы ясно различать, отъ чего они происходятъ. По мѣрѣ того, какъ мы развиваемъ свое астральное тѣло, оно не только получаетъ все болѣе впечатлѣній изъ астральной сферы, но и все чаще передаетъ ихъ физическому тѣлу, и этимъ путемъ на насъ находятъ тяжелыя настроенія, не поддающіяся отчету. Въ дѣйствительности, такое настроеніе бываетъ очень часто тѣнью, идущей изъ астральнаго міра, до которой намъ лично также мало дѣла, какъ потоку до облаковъ, набрасывающихъ на него тѣнь. Эти облака идутъ на насъ изъ астральнаго міра иногда потому, что любимый человѣкъ, находящійся съ нами въ разлукѣ, страдаетъ, иногда вслѣдствіе приближенія какого-либо несчастья, тѣнь отъ котораго предшествуетъ ему; иногда это бываетъ признакомъ бѣдствія не для непосредственно близкихъ намъ людей, а для находящихся недалеко отъ

насъ; отъ надвигающихся бѣдствій идутъ вибраціи, вызывающія въ насъ безсознательный, сочувствующій отвѣтъ, и чѣмъ шире становятся симпатіи, тѣмъ легче подобная причина можетъ повергнуть насъ въ тяжелое настроеніе. Такъ, человѣкъ сильно чувствующій общественныя невзгоды, глубоко заинтересованный въ благѣ большинства своего народа, долженъ тяжко страдать отъ общественныхъ бѣдствій, надвинувшихся на его современниковъ. Возьмемъ въ примѣръ такое явленіе, какъ крупная забастовка. Многіе люди, непосредственно не страдающіе отъ нея, могутъ — тѣмъ не менѣе — испытывать сильное угнетеніе, идущее отъ дѣйствительныхъ страданій рабочихъ, участвующихъ въ забастовкѣ; то-же самое относится ко всѣмъ общественнымъ явленіямъ, надвигающимся или уже наступившимъ.

Что-же остается дѣлать тому, кого одолѣваютъ подобныя тяжелыя настроенія? Единственный правильный способъ отношенія къ нимъ состоитъ въ ясномъ и опредѣленномъ признаніи закона; въ сознаніи, что ничто внѣ этого закона не можетъ коснуться насъ или другихъ; чувство, что все совершающееся дѣйствуетъ для благой цѣли; глубокое внутреннее убѣжденіе, что совершенно такъ-же, какъ личному бѣдствію необходимо противопоставить мужество и терпѣніе, такъ-же должны мы поступать и съ этими неопредѣленными, темными настроеніями.

Ихъ неопредѣленность не должна одолѣвать насъ, ихъ темнота не должна дѣлать насъ слѣпыми къ дѣйствію закона; и мы должны поддерживать въ себѣ такое расположеніе духа, которое всѣ явленія встрѣчаетъ безъ страха, памятуя, что Богъ (Брахманъ) „не вѣдаетъ страха“, и что тотъ, кто желаетъ раздѣлять божественныя свойства, долженъ участвовать въ божественномъ безстрашіи. Выработанный духъ мужества, не знающій страха, поможетъ человѣку стать лицомъ къ лицу съ міромъ, въ которомъ тучи чередуются съ солнечнымъ свѣтомъ, и переносить и то и другое, не допуская унынію овладѣвать имъ, ибо онъ знаетъ, что мы имѣемъ дѣло съ тѣнью, бросаемой на насъ извнѣ, и не должны допускать, чтобы тѣнь эта вліяла на Свѣтъ, пребывающій внутри Насъ.

Спокойное сознаніе, что многое, что вызываетъ въ насъ уныніе, идетъ изъ астральной сферы, ведетъ обыкновенно къ уничтоженію астральнаго вліянія на насъ, и отводитъ для него надлежащее ему мѣсто въ ряду интересныхъ психологическихъ фактовъ, которые *не* должны нарушать ясность нашего духа.

Вотъ къ этимъ двумъ категоріямъ я и причисляю болѣе незначительныя настроенія: тѣ, которыя идутъ отъ нервной системы, и тѣ, которыя идутъ изъ астральной области. И вы всѣ, такъ сильно желающіе развить ваши внутреннія психическія способности, вы должны спросить себя: какимъ образомъ, поддаваясь такъ сильно вліянію лишь тѣней, отбрасываемыхъ астральными явленіями, будете вы въ состояніи стать лицомъ къ лицу съ самими явленіями астральнаго міра? Какимъ образомъ будете вы справляться съ физической жизнью, если въ умѣ вашемъ будутъ постоянно тѣ самыя явленія астральнаго міра, даже тѣнь отъ которыхъ, бросаемая на бодрствующее сознаніе, способна такъ сильно удручать васъ? Поэтому лучше, чтобы ваше внутреннее зрѣніе оставалось закрытымъ до тѣхъ поръ, пока вы не перерастете самую возможность поддаваться такимъ настроеніямъ и не укрѣпите свою вѣру въ незыблемость законовъ. У васъ не осталось-бы ни одной минуты внутренняго покоя, еслибы эта расширенная жизнь стала надвигаться на васъ со всѣхъ сторонъ, вы не съ умѣли бы спокойно встрѣчать темныя стороны и теряли-бы равновѣсіе отъ ея свѣтлыхъ явленій.

— Переходя отъ менѣе важныхъ къ болѣе важнымъ настроеніямъ, посмотримъ, въ чемъ лежитъ причина, что мы временами бываемъ полны энтузіазма, а временами остаемся совершенно равнодушны? Почему бываетъ такъ, что наша теософическая работа является передъ нами тѣмъ единственнымъ, ради чего стоитъ жить, а въ другое время мы бываемъ совершенно равнодушны къ ней, и если говорить вполнѣ честно—у насъ нѣтъ къ ней ни любви, ни стремленія? Испытывать такое настроеніе—вещь очень тяжелая, особенно потому, что это заставляетъ сомнѣваться въ себѣ, заставляетъ полагать какое то страшное паденіе; на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ; болѣе того, это чувство равнодушія къ нашимъ собственнымъ идеаламъ само по себѣ ничего не значитъ. Значеніе имѣютъ наши проявленія: не того, *что* мы чувствуемъ, а какъ мы *поступаемъ* подъ властью подобныхъ чувствъ, вотъ что имѣетъ огромное значеніе и здѣсь — пробный камень для нашего энтузіазма. Поступаемъ ли мы, когда на насъ находитъ такое равнодушіе, совершенно такъ же, какъ если бы его не было? Достаточно-ли мы сильны, чтобы, испытывая эту мертвую полосу, продолжать дѣйствовать совершенно такъ же, какъ въ минуты наиболѣе сильнаго одушевленія? Можемъ-ли мы работать такъ-же напряженно, служить съ такимъ-же самоотверженіемъ, отдаваться съ такою-же полнотой, когда нашъ идеалъ покры-

вается тѣнью и тускнѣетъ, какъ и въ минуты, когда онъ ярко сіяетъ передъ нами? Если мы это можемъ, наша преданность имѣетъ цѣну; если-же нѣтъ — намъ предстоитъ еще многому научиться. Возможность такихъ колебаній въ настроеніи нужно всегда имѣть въ виду; и они снова и снова возвращаются, пока человѣкъ не поднялся очень и очень высоко. Трудно даже опредѣлить, на какой именно высотѣ человѣкъ отдѣлывается вполнѣ отъ кажущагося колебанія въ своемъ внутреннемъ отношеніи къ идеалу.

Какъ-же слѣдуетъ относиться къ подобнымъ настроеніямъ? Прежде всего, слѣдуетъ признать то, что называется Закономъ ритма, на который Е. П. Блаватская указываетъ въ своей „Тайной Доктринѣ", какъ на одну изъ основныхъ истинъ; слѣдуетъ прибавить, что очень мало людей, вполнѣ понимающихъ значеніе этого закона, когда дѣло коснется ихъ собственныхъ переживаній. Что такое эти чередующіяся настроенія энтузіазма и равнодушія, какъ не неизбѣжныя выраженія этого закона періодичности? Всѣ эти смѣняющіяся настроенія эмоціональной и интеллектуальной жизни такъ же неизбѣжны, какъ смѣна дня и ночи. Безъ подобной смѣны мы очутились бы въ положеніи человѣка, пребывающаго или въ постоянномъ дневномъ свѣтѣ или въ постоянной ночной темнотѣ. Но умный человѣкъ долженъ умѣть переносить дневной свѣтъ въ ночную тьму и обратно, что приведетъ его къ тому состоянію высшаго спокойствія, о которомъ говорится въ священныхъ писаніяхъ, къ равновѣсію, удерживаемому при всевозможныхъ условіяхъ. Это вовсе не значитъ, что день и ночь, что тьма и свѣтъ перестали чередоваться въ его душѣ; это значитъ, что душа, познавшая законъ, не подчиняется болѣе этимъ перемѣнамъ, не потрясается ими и не смѣшиваетъ ихъ съ своей собственной сутью.

Намъ необходимо признать этотъ законъ чередованія и быть всегда готовыми спокойно встрѣтить измѣняющееся настроеніе. Когда къ намъ приблизится равнодушное настроеніе, нужно спокойно сказать себѣ: „Я испытывалъ энтузіазмъ, теперь необходимо испытать его обратную сторону". Съ того момента, какъ мы бываемъ способны на такую рѣчь, власть темноты надъ нами уменьшается; темнота остается та же, что и прежде, но мы то сами отдаляемся отъ нея; мы смотримъ на нее, какъ на нѣчто внѣшнее, не касающееся сокровенныхъ глубинъ нашей сути, какъ на нѣчто, принадлежащее нашему измѣнчивому астральному тѣлу. Благодаря самому акту отдѣленія, благодаря признанію закона,

мы начинаемъ вспоминать дневной свѣтъ во мракѣ ночи и вспоминать темноту въ сіяніи дня. Нѣкоторые люди не любятъ вспоминать темноту въ періодѣ свѣта, но если они хотятъ владѣть обоими настроеніями, они *должны* это дѣлать. Они должны обуздывать одинаково и чрезмѣрно восторженныя, и чрезмѣрно угнетенныя настроенія.

Нужно прибавить, что первое даже опаснѣе, ибо какъ разъ во время наибольшей приподнятости мы дѣлаемъ вещи, о которыхъ сожалѣемъ впослѣдствіи; и мы теряемъ ту бдительность, которая поддерживается въ насъ въ періодѣ темноты. Часовой менѣе остороженъ днемъ, чѣмъ ночью, вслѣдствіе чего днемъ его легче захватить врасплохъ. Больше ошибокъ мы дѣлаемъ въ періодъ свѣтлый, чѣмъ въ періодъ темный. Такимъ образомъ, первымъ условіемъ, чтобы владѣть своими настроеніями, является пониманіе закона ритма.

Слѣдующимъ шагомъ будетъ ясное сознаніе, что идеалъ, прекрасный сегодня, останется такимъ же прекраснымъ и завтра, хотя бы его очарованіе и исчезло временно для насъ. Красота остается неизмѣнной, хотя наши глаза—ослѣпнувъ—и не воспринимаютъ ее. Яснымъ свѣтомъ разума должны мы пронизывать сгустившіяся облака, и твердо знать, что бывшее хорошимъ, когда наше зрѣніе было ясно, остается такимъ же, когда тучи нагромоздились вокругъ насъ. И какъ морякъ, направляющій свой корабль по солнцу и по звѣздамъ, когда они не закрыты облаками, руководствуется ими же и тогда, когда небо облачно, также и мы должны руководствоваться солнцемъ и свѣтилами красоты и истины, когда настроеніе наше ясно, и затѣмъ держать свой путь въ томъ же направленіи, хотя бы буря и темнота и скрывали ихъ свѣтъ отъ насъ.

Слѣдовательно, понять законъ періодичности и основывать наши идеалы на разумѣ, а не на однѣхъ только эмоціяхъ (ибо разумъ остается при насъ, когда эмоціи насъ покидаютъ), вотъ два наиболѣе вѣрныя средства, чтобы сохранять тишину и спокойствіе посреди измѣнчивыхъ настроеній. Ибо твердая рѣшимость—изо дня въ день—сознавать себя Вѣчнымъ и Неизмѣннымъ, отстраняя, какъ постороннее, все, что въ насъ мѣняется,—вотъ тотъ навыкъ, который подниметъ насъ выше настроеній къ неизмѣнному миру. Для этого мы должны отдавать нѣсколько минутъ ежедневно утромъ опредѣленному сознанію: „Я есмь Неизмѣнное Вѣчное Я“. Мы должны повторять это снова и снова, пока это сознаніе не сдѣлается неизмѣнной музыкой нашей жизни, слыши-

мой каждую минуту, когда бы мы ни повернули нашъ слухъ отъ шума внѣшней жизни къ безмолвію внутреннему. Сдѣлаемъ изъ этого сознанія обычную для насъ мысль, и она станетъ со временемъ нашей руководящей мыслью, вѣчно напоминающей, что: „Я есмь Неизмѣнное Вѣчное Я". Никто не можетъ даже и вообразить всю силу, всю красоту и всю славу этого состоянія, кромѣ тѣхъ, которые прочувствовали его...

Если бы мы могли навсегда сохранить его, мы были бы какъ бы на небѣ; но даже и минутное прозрѣніе вноситъ миръ и красоту Божественнаго въ нашу мелкую земную жизнь.

Эту мысль не трудно вызывать ежедневно при пробужденіи, и если мы будемъ это дѣлать, мы убѣдимся, какое великое значеніе имѣетъ постоянно повторяемая мысль. Мы дѣлаемся тѣмъ, о чемъ мы думаемъ. Всѣ мудрецы учили этому, Священныя Писанія всего міра провозглашаютъ то же самое. И эта мысль—изъ всѣхъ нашихъ мыслей—наиболѣе истинная. Въ основѣ насъ пребываетъ вѣчное, неизмѣнное, Божественное Я. Эта мысль вноситъ въ душу покой и обезвреживаетъ всѣ наши настроенія, не допуская, чтобы они измѣняли направленіе нашей жизни. Я не хочу этимъ сказать, чтобы перемѣны настроенія совсѣмъ покинули насъ, но мы уже не будемъ ошибаться, отожествляя эти перемѣны съ собою. Мы болѣе уже не будемъ чувствовать: „Я счастливъ" или „Я несчастливъ", „Меня озаряетъ свѣтъ" или „Я погруженъ въ темноту". А мы скажемъ, чувствуя, что наше низшее сознаніе свѣтло или погружено во мракъ, радуется или испытываетъ угнетеніе: „Посмотримъ, *какой* урокъ могу я извлечь для себя и для другихъ изъ испытанія, черезъ которое проходитъ мое низшее я". Ибо для этого мы и находимся здѣсь, на землѣ, чтобы познать все, что можно познать черезъ эти низшія начала, которыя такъ измѣнчивы и непостоянны, такъ неразумны и капризны. Мы должны изслѣдовать все, относящееся до этихъ уроковъ, иначе какимъ образомъ будемъ мы въ состояніи помогать тѣмъ, которые остаются подъ вліяніемъ этихъ измѣнчивыхъ настроеній. Мы не будемъ помогать другимъ, если сами мы, испытавъ ихъ власть, не научились освобождать себя отъ ихъ вліянія, если мы останемся ихъ рабами. Но не испытавъ ихъ на себѣ, мы не могли бы поддерживать другихъ, потому что сочувствовать можно только тому, что когда-либо испыталъ собственнымъ опытомъ. Въ послѣднемъ я убѣдилась, наблюдая надъ восточными народами. Въ нихъ часто не хватаетъ симпатіи къ намъ, благодаря тому, что они сами не испытали тѣхъ перемѣнъ, которыя помогли бы имъ понять наше

измѣнчивое настроеніе. Хорошо узнать личнымъ опытомъ страданія, переносимыя другими, но только узнать, а не быть въ подчиненіи у нихъ. Какъ только мы сами подчиняемся настроеніямъ, мы не можемъ уже помогать. Мы должны научиться одновременно и побѣждать, и помогать; и чувствовать достаточно для того, чтобы симпатизировать, но не для того, чтобы ослѣплялось наше сознаніе; и если мы будемъ въ состояніи относиться къ нашимъ настроеніямъ такимъ образомъ, они немедленно начнутъ терять свою силу и перестанутъ сбивать насъ съ занятой позиціи. Мы убѣдимся, что уже самымъ фактомъ произведеннаго анализа, мы сдѣлались способны отдѣлять свое „я“ отъ нихъ; хотя на первый взглядъ такой анализъ представляется чисто интеллектуальнымъ упражненіемъ, тѣмъ не менѣе мы почувствуемъ себя отдѣленными благодаря самому усилію вообразить себя отдѣльно отъ нихъ. И тогда мы достигнемъ той высшей ступени, о которой такъ часто говорится въ Бхагавадъ-Гитѣ—ступени, поднявшейся надъ „парами противоположностей“, выше „Гу́нъ“ и будемъ въ состояніи владѣть послѣдними, ибо они и являются тѣми великими силами міра, которыя вліяютъ на насъ, тѣми великими энергіями природы, которыми она пользуется въ своей неустанной дѣятельности. Пока онѣ двигаютъ нами, мы ихъ рабы; но когда мы начинаемъ владѣть ими, отъ насъ зависитъ обратить ихъ на самыя благородныя цѣли *).

Всѣ эти настроенія, которыя кажутся намъ такими тягостными, въ сущности наши лучшіе учителя, и когда мы это поймемъ, мы начнемъ цѣнить ихъ и перестанемъ ихъ бояться. Мы узнаемъ тогда, что они наши враги только до тѣхъ поръ, пока мы не подчиняемъ ихъ, по изреченію Бхагавадъ-Гиты: „Для неподчинившагося „я“— „Высшее Я“ становится враждебно подобно недругу“. Дѣло въ томъ, что всѣ эти бури и водовороты въ нашемъ личномъ „Я“ и являются тѣмъ самымъ, ради чего мы живемъ въ земной средѣ, и мы должны понять это; то, что мы считаемъ своими врагами, въ сущности наши лучшіе друзья, они то и содѣйствуютъ нашему росту; они и вырабатываютъ въ насъ силу, способную побѣждать. Чѣмъ болѣе мы будемъ на все смотрѣть въ этомъ ясномъ свѣтѣ Мудрости, тѣмъ покойнѣе станетъ наша жизнь. Чѣмъ болѣе всѣ эти измѣнчивыя настроенія помогутъ намъ понимать и облегчать другихъ, тѣмъ скорѣе мы поднимемся надъ ихъ враждебной силой. „Мы не побѣдили нашего врага, пока мы не превратили его въ

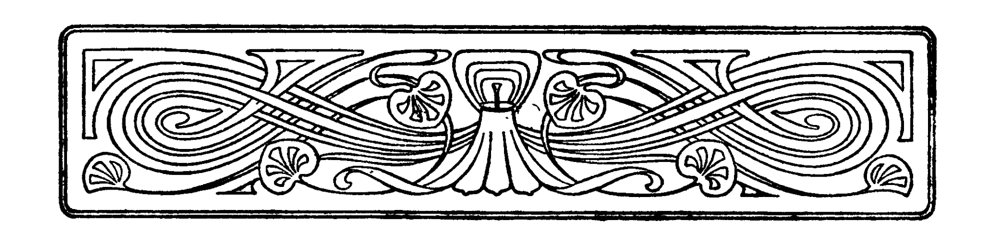
---

*) Три Гуны (Tamas, Rajas, Sattva) слѣпыя энергіи природы: неподвижность, страстность, гармонія. *Прим. Ред.*

нашего друга“, вотъ изреченіе, въ которомъ высказана глубокая правда. Это относится какъ къ нашему „я“, такъ и ко всѣмъ измѣнчивымъ настроеніямъ и ко всѣмъ затрудненіямъ, окружающимъ насъ, и ко всѣмъ испытаніямъ и искушеніямъ, черезъ которыя мы проходимъ. Они, подобно вражескимъ сомкнутымъ рядамъ, препятствуютъ нашему пути; но мы побѣждаемъ ихъ, и тогда они оказываются такою же сомкнутой ратью, но уже позади насъ, готовые подчиниться намъ въ борьбѣ, которая ведетъ къ побѣдѣ „Высшаго Я“.

Таковы нѣкоторые изъ уроковъ, которые я восприняла, проходя черезъ свѣтъ и черезъ мракъ, и притомъ гораздо больше черезъ мракъ, чѣмъ черезъ сіяніе дня. Подъ конецъ я пришла къ тому, что періоды свѣта цѣнны только какъ время отдыха для нашихъ силъ, которымъ предстоитъ новая борьба и новая побѣда, и понявъ это, я начала привѣтствовать періоды мрака какъ время, когда служишь и помогаешь міру болѣе, чѣмъ въ ясные дни. И тогда я поняла, что тьма подобна свѣту, а свѣтъ подобенъ тьмѣ; что тьма не имѣетъ силы надъ нами и что тѣ, которые несутъ съ собой свѣтъ, должны жить въ темнотѣ, что свѣтъ, освѣщающій вокругъ себя, ни что иное какъ темный кусокъ дерева, а когда горитъ дерево, свѣтъ появляется для другихъ, а не для него... И какъ научимся мы проникать въ глубину Мрака, который переживали всѣ Спасители міра, если не научимся переносить проходящій мракъ, который надвигается на насъ отъ времени до времени? Величайшій урокъ, который мы можемъ выучить только въ *этой* земной жизни въ совершенствѣ, состоитъ въ томъ, что желающіе помогать міру должны склоняться и поднимать его на свои плечи, что желающіе приносить сіяніе свѣта другимъ должны всѣ тѣни и тучи принять на себя. Но внутри тучи пребываетъ огонь, а въ огнѣ раздается Голосъ Безмолвія, и лишь тѣ, которые имѣютъ мужество итти черезъ тучи, находятъ за ними сіяющій свѣтъ и славу „Высшаго Я“; и они увидятъ Пламя, и познаютъ въ себѣ носителей пламени, дающихъ свѣтъ, и убѣдятся, что свѣтъ и тьма—однородны, ибо они божественны, и безъ одного не могло бы быть и другого.

Перев. **Е. П.**



# Карма—Іога.

Что такое „*Карма—Іога*“?—Это санскритское выраженіе состоитъ изъ двухъ словъ:—„*Карма*“—дѣйствіе, и „*Іога*“ — единеніе. Такимъ образомъ, выраженіе „*Карма—Іога*“ означаетъ „*дѣйственное единеніе*“.

„*Карма—Іога*“ есть сознательная активная этика, дѣйственное участіе *всѣхъ* отдѣльностей проявленія человѣческой индивидуальности въ единеніи съ человѣчествомъ,—съ міромъ,—съ Логосомъ,—съ Абсолютомъ.

Познавъ, что все, что проявлено, есть только *часть* Единаго, мы поймемъ, почему *все въ мірѣ* несовершенно. — Но, зная, что все въ мірѣ, и мы сами—часть *Единаго*, *Цѣлаго*, *Совершеннаго*, мы поймемъ также, почему мы *можемъ* стремиться къ *совершенству*; поймемъ, почему въ Священномъ Писаніи намъ данъ (такой, повидимому, недоступный) идеалъ:—стать *совершенными*, какъ совершененъ Отецъ Небесный. (См. въ Еванг. Мѳ., V, 48).

Сознавъ глубину этой истины,—мы все-таки задаемся вопросомъ: вопросомъ мучительнымъ, вопросомъ—почему на пути восхожденія къ всесовершенству, почему на этомъ свѣтломъ пути столько страданія, столько паденій? Развѣ нельзя было бы Создателю вести міръ по стезѣ только свѣта, по стезѣ только праведности и блаженства? — Создателю было бы, конечно, легко вести свои созданія по пути „добра“ такъ, чтобы они никогда не сворачивали на стезю того, что мы называемъ „зломъ“. Но какая же была бы тогда цѣнность такого восхожденія? Человѣкъ былъ бы *автоматомъ*, движимымъ силой ему внѣшней. Цѣль міротворчества — *не* созданіе автоматовъ,

слѣпо бредущихъ по готовой тропѣ, а—созданіе сознательныхъ истинныхъ отблесковъ Божества, отблесковъ Логоса міра, обладающихъ *свободной волей,—свободой выбора пути*:—эта свобода воли, эта свобода выбора своего пути — заря проявленія божественности въ человѣкѣ, безъ чего онъ бы не былъ *человѣкомъ*.

Иной стези „возвращенія дѣтей къ Отцу", иного пути къ всесовершенству, какъ пути *познанія „добра" и „зла"*, какъ пути свободной воли духа, пути свободнаго выбора между „добромъ" и „зломъ", другого пути эволюціи для современнаго человѣчества *нѣтъ*.

Нашъ земной путь единенія съ Единымъ есть то, что по санскритски называется *„Карма—Іога"* дѣйственное единеніе, сознательная активная этика, руководимая божественнымъ началомъ человѣка:—его *свободной волей*.

И человѣкъ — не автоматъ, человѣкъ самодѣйственный, свободный, свободно ступаетъ по пути своей эволюціи, по пути боготворчества, встрѣчаясь съ міровыми силами, свойствами проявленія нашего Космоса:—по санскритски ихъ называютъ *„Gunas"* (т. е. качества проявленности).

Внѣ пути единенія съ Единымъ, внѣ „Карма—Іога", человѣкъ безпомощно блуждаетъ въ мірѣ, безпомощно носится по житейскому морю, гонимый волнами двухъ „Гунъ": *Tamas* и *Rajas*:—этимъ двумъ понятіямъ нѣтъ вполнѣ соотвѣтствующихъ на европейскихъ языкахъ.—Попытаемся перевести понятіе *Tamas* словомъ *инерція*, т. е. качество, которое (въ противоположность движенію) даетъ неподвижность (пассивность). Понятіе *Rajas* можно передать словами: энергія, активность.

Эти двѣ „Гуны" (Rajas и Tamas) только, такъ сказать, пути, только развѣтвленія великаго пути совершенствованія, пути человѣкобожества, пути боготворчества. Это тѣ двѣ тропы міровой эволюціи, что извѣстны (въ оккультизмѣ) подъ именемъ путей: *„іеговическаго"* (соотвѣтствующаго Tamas) и *люциферическаго* (соотвѣтств. Rajas).

Дѣйственное единеніе („Карма—Іога), о которомъ мы читаемъ въ діалогѣ Кришны съ Арджуной („Бхагавадъ-Гита"), даетъ человѣку, познающему путь совершенствованія, возможность стать *внѣ* этихъ двухъ „Гунъ" и стать *надъ* ними. Давая познающему возможность стать внѣ и надъ этими двумя „Гунами", *„Карма—Іога"* научаетъ его пользоваться ими на пути его самосовершенствованія:—Tamas (инерція), напримѣръ, можетъ оказать ему здѣсь услугу, какую оказываютъ гири при занятіи гимнастикой, помо-

гая развитію мускуловъ.—Побѣждая Tamas (инерцію, лѣнь, „обломовщину"), человѣкъ укрѣпляетъ мускулы души, необходимые ему для дальнѣйшаго подъема на пути его духовной эволюціи. Въ сферѣ Rajas (активности) „Карма—Іога" научаетъ человѣка ставить *долгъ выше* личнаго удовольствія:—человѣкъ, напримѣръ, ведетъ дѣятельную жизнь, но работаетъ только для удовлетворенія своихъ личныхъ желаній и побужденій (исканіе богатства, славы, награды).—„Карма—Іога" наставляетъ его сознательно утилизировать свою активность *на благо другимъ:* Она побуждаетъ его трудиться во имя *альтруизма*, забывая все личное; и, постепенно, тогда страданіе личнаго лишенія переходитъ въ *сознаніе долга*, а это послѣднее—въ радость:—радость дѣлиться, *радость давать.* И жертва радостная, жертва *сверхличная*, встаетъ надъ суровостью долга. Выполненіе только долга есть жертва неполная:—жертва совершенная — отдать *все.* И познающій отдаетъ человѣчеству (т. е. отдаетъ Богу) всю свою активность, всѣ свои силы и способности, уже *не* довольствуясь отдать только часть (какъ долгъ), но, давая *все*, что онъ имѣетъ:—всю свою дѣятельность, всѣ свои чувства, все свое знаніе.

Только изъ сочетанія двухъ путей боготворчества, изъ сочетанія двухъ „Гунъ":—*Tamas* (инерція) и *Rajas* (активность), можетъ проявиться третья „Гуна":—*Sattva.* Русское слово, которое наиболѣе выражаетъ понятіе „Sattva", есть *гармонія* (мистическое единеніе съ Божествомъ). Качество, въ которомъ заложена причина наслажденія, блаженства того наслажденія, что лежитъ въ основѣ мистической гармоніи; возникнуть оно можетъ только изъ этой гармоніи.

Когда познающій всталъ *надъ* и *внѣ* Tamas и Rajas,—*внѣ* и *надъ* путями: „іеговическимъ" и „люциферическимъ", когда онъ вступилъ на путь „Sattva",—на *путь Христовъ*, то *единеніе съ Единымъ*—единеніе человѣка съ человѣчествомъ,—съ міромъ,—съ Богомъ,—достигнуто. Тогда, урокъ „Карма—Іога" усвоенъ.

Этика „Карма—Іоги" связана съ вопросомъ о *„дхармѣ".*—Что такое „дхарма"?—Это санскритское названіе можно по русски передать выраженіемъ: *„слово внутренняго нравственнаго закона".*

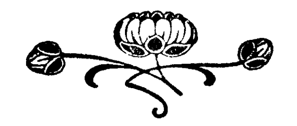
Нравственный законъ *одинъ*, но (на пути эволюціи человѣчества) *его проявленіе растетъ, его слово расширяется.*

Если мы прослѣдимъ эволюцію четырехъ великихъ историческихъ религій (законъ Ману, законъ Зороастра, законъ Будды, законъ Христа), то увидимъ, что „дхармой" религіи *Ману* былъ *долгъ* (сознаніе долга):—„Дѣлай то-то и не дѣлай того-то":—

Когда человѣчество поднялось выше въ своемъ духовномъ развитіи, то въ ученіи *Зороастра* ему было сообщено бо̀льшее слово:—*чистота*:—было сказано:—„Исполняй долгъ, *очистившись*“ (тѣлесно, душевно и духовно). Въ *буддизмѣ* дхармическимъ словомъ стало:—*состраданіе*—(„Исполняй долгъ, очистившись и сострадая“). — Но еще шире и глубже „дхарма“ *христіанства*, слово внутренняго нравственнаго закона въ ученіи Христа, давшаго завѣтъ *Любви*.—(„Исполняй долгъ, очистившись, сострадая и *любя*“ *).

П. Батюшковъ.

24 іюня 1909 года.



## ИЗРЕЧЕНІЯ МУДРЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Малыя страданія выводятъ насъ изъ самихъ себя; великія-же возвращаютъ насъ самимъ себѣ. Треснувшій колоколъ издаетъ глухой звукъ: разбейте его на двѣ части — онъ снова издастъ чистый звукъ.

(Жанъ Поль Рихтеръ).

Только въ бурѣ вполнѣ высказывается искусство мореплавателя; только на полѣ сраженія испытывается храбрость воина, мужество-же человѣка познается только по тому, чѣмъ онъ является въ затруднительныхъ и опасныхъ положеніяхъ жизни.

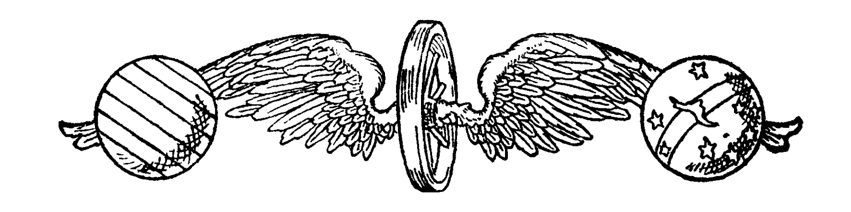
(Даніэль).

Великая любовь неразлучна съ глубокимъ умомъ, широта ума равняется глубинѣ сердца; оттого крайнихъ вершинъ гуманности достигаютъ великія сердца, они же и великіе умы.

(Гончаровъ).

---

*) *Прим. ред.* Эволюцію въ религіяхъ можно признать лишь постолько, посколько мы разсматриваемъ ихъ экзотерически. Съ точки зрѣнія эзотеризма была есть и будетъ лишь единая религія, Божественная Мудрость, лежащая въ основѣ каждой религіозной системы, какъ ея сокровенная часть. Эта часть неизмѣнна.



# Смерть и загробная жизнь.

*(Продолженіе *).*

### Глава II.

#### Участь тѣла.

Человѣческое тѣло подвергается процессу постояннаго разложенія и перестройки. Его астральная форма отпечатывается сперва въ материнской маткѣ и непрерывно со всѣхъ сторонъ прибываютъ матеріалы. Микроскопическія молекулы ежеминутно отдѣляются отъ тѣла, другія же не менѣе микроскопическія вступаютъ въ соединеніе съ нимъ. И эти волны невидимыхъ атомовъ, выходя изъ тѣла, распространяются въ атмосферѣ и служатъ для образованія другихъ тѣлъ, которыя принадлежатъ къ царству животному, растительному, минеральному или человѣческому, ибо физическое основаніе всѣхъ этихъ тѣлъ одно и то же.

„Истинному мистику не претитъ мысль, что человѣческая оболочка, какъ и скалистая земная кора, состоитъ изъ безконечнаго числа другихъ жизней".

„Наука учитъ насъ, что организмъ человѣка и животнаго, мертваго или живого, кишитъ сотнями разнаго рода бактерій. Всякій разъ, какъ мы дышемъ, намъ угрожаетъ извнѣ вторженіе микробовъ, а внутри насъ осаждаютъ лейкоманы, аэробіи, анаэробіи и много другихъ еще. Но наука никогда еще не заходила такъ далеко, какъ оккультная наука, которая утверждаетъ, что наши тѣла, точно также какъ и тѣла животныхъ, растеній и камней, формируются путемъ соединенія этихъ микробовъ, которые до сихъ поръ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе крупныхъ видовъ, не видны въ лучшіе микроскопы. Что касается чисто животной и матеріальной части человѣка, то наука дѣлаетъ такія открытія, которыя подтвер-

*) См. „Вѣстникъ Теософіи" 1909 г., № 9.

дятъ эту теорію. Химія и физіологія —тѣ два великіе мага, которымъ суждено въ будущемъ открыть человѣчеству глаза на эти великія физическія истины. Ежедневно неопровержимымъ образомъ доказывается тождественность между человѣкомъ и животнымъ, между пресмыкающимся и его гнѣздомъ, между скалой и человѣкомъ. Сдѣлано открытіе, что физическіе и химическіе элементы, входящіе въ составъ всѣхъ существъ, тождественны, и химія имѣетъ право сказать, что нѣтъ никакой разницы между веществомъ, изъ котораго состоитъ быкъ и человѣкъ. Но оккультная доктрина разъясняетъ гораздо больше. Она говоритъ: тождественны не только химическія соединенія, но и невидимыя *микроскопическія жизни*, составляющія атомы тѣла, все равно, идетъ ли рѣчь о горѣ или цвѣткѣ, о человѣкѣ или о муравьѣ, о слонѣ или о деревѣ, подъ тѣнью котораго онъ укрывается отъ солнца. Каждая частица, -называется ли она органической или неорганической,—*есть одна жизнь*" *).

Когда эти „жизни" отдѣлены и самостоятельны, онѣ принадлежатъ къ сферѣ пранической (отъ слова Prâna) жизни; при возсоединеніи своемъ, онѣ образуютъ молекулы-клѣточки физическаго тѣла; онѣ безпрерывно выходятъ изъ тѣла и возвращаются обратно во время земной жизни и такимъ образомъ устанавливаютъ связь между человѣкомъ и его окружающимъ. Эти жизни въ свою очередь контролируются „Жизнями огня", называемыми также „Поглотителями", которые заставляютъ ихъ ежеминутно возобновлять клѣточки тѣла; такъ что онѣ работаютъ въ порядкѣ и гармоніи, подчиняясь высшему проявленію жизни въ сложномъ организмѣ, который называется человѣкомъ. Эти „Жизни огня"— въ ихъ направляющихъ и организующихъ функціяхъ—соотвѣтствуютъ въ нашей земной сферѣ „единой жизни вселенной" **), и когда онѣ перестаютъ функціонировать, низшія жизни, потерявъ равновѣсіе, начинаютъ разрушительную работу въ этомъ тѣлѣ, которое до сихъ поръ было цѣльнымъ организмомъ. Во время жизни тѣла ихъ можно сравнить съ ратью, идущей тѣсными рядами подъ командой начальника и дѣлающей различные маневры быстрымъ шагомъ, какъ одинъ человѣкъ. Съ момента смерти онѣ похожи на шумную и безпорядочную толпу, которая, не признавая болѣе никакого начальства, бѣгаетъ туда и сюда, безъ опредѣленной цѣли, опрокидывая и давя другъ друга. Тѣло никогда не бываетъ такимъ полнымъ жизни, какъ при смерти; но оно живо въ отдѣльныхъ единицахъ и мертво въ цѣломъ. Оно живо, какъ совокупность живыхъ существъ, и мертво, какъ организмъ.

„Наука разсматриваетъ человѣка, какъ совокупность атомовъ, временно соединенныхъ таинственной силой, именуемой жизненнымъ началомъ.

---

*) Тайная Доктрина Т. I, стр. 262, примѣчаніе.

**) Idem T. I.

Для матеріалистовъ единственная разница между живымъ и мертвымъ тѣломъ состоитъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ сила эта активна, а во второмъ случаѣ она скрыта. Когда эта сила угасала или совершенно скрылась, молекулы подчиняются болѣе сильному притяженію, которое раздѣляетъ ихъ и разсѣиваетъ въ пространствѣ. Это разсѣиваніе и есть то, что мы называемъ смертью -если вообще возможно себѣ представить смерть тамъ, гдѣ мы видимъ такую интенсивную жизненную энергію молекулъ, которыя составляютъ трупъ. По этому поводу Элифасъ Леви говоритъ слѣдующее: „Перемѣна свидѣтельствуетъ о движеніи, а движеніе есть проявленіе жизни. Трупъ не разлагался бы, если бы онъ былъ мертвъ; всѣ составляющія его молекулы живутъ и стремятся отдѣлиться другъ отъ друга" *).

Тѣ, которые читали „Семь началъ человѣка" **), знаютъ, что эфирный двойникъ есть проводникъ Праны, начала жизни или жизненности. При помощи эфирнаго двойника, Прана, какъ мы уже говорили выше, и контролируетъ и приводитъ въ порядокъ низшія жизни, и когда эфирный двойникъ отдѣляется отъ физическаго тѣла, и послѣдняя слабая связь, которая соединяла его съ нимъ, прекращается, тогда „смерть" торжественно вступаетъ въ свои права.

Этотъ выходъ изъ тѣла былъ наблюдаемъ и очень точно описанъ многими ясновидящими. А. Ж. Дэвисъ, ясновидецъ Путкепси, разсказываетъ о своихъ наблюденіяхъ надъ выходомъ эфирнаго тѣла и описываетъ, что видѣнная имъ магнетическая нить, оборвалась только черезъ тридцать шесть часовъ послѣ видимой смерти. Другіе описываютъ приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ легкій лиловатый туманъ, поднимающійся надъ трупомъ, который, постепенно сгущаясь, принимаетъ форму, совершенно схожую съ умершей личностью; форма оставалась связанная съ этой личностью посредствомъ свѣтящейся нити. Разрывъ этой нити обозначаетъ, что послѣдняя магнетическая связь между физическимъ тѣломъ и другими началами человѣка прекратилась. Человѣкъ избавился отъ своего тѣла, онъ освободился отъ плоти, т. е., развоплотился. У него остается еще шесть началъ, послѣ того какъ седьмое, плотное тѣло, было брошено, какъ изношенная одежда.

И, дѣйствительно, можно сказать, что смерть постепенно разоблачаетъ человѣка, что его безсмертная часть постепенно сбрасываетъ свои наружныя формы точно также, какъ змѣя сбрасываетъ съ себя кожу или бабочка выходитъ изъ кокона и, переходя такимъ образомъ изъ одного состоянія въ другое, человѣкъ достигаетъ ступени болѣе возвышеннаго сознанія.

---

*) Разоблаченная Изида. Т I, стр. 480.

**) Анни Безантъ.

Кромѣ того, вполнѣ установлено, что уже во время земной жизни можно оставить физическое тѣло и перейти въ тѣло желанія, камическое или астральное тѣло, или еще въ болѣе эфирное тѣло мысли, сохраняя при этомъ полное сознаніе. Такимъ образомъ, человѣкъ можетъ освоиться съ состояніемъ развоплощенія и отогнать ужасъ, который окружаетъ неизвѣстное. Будучи въ одной или другой изъ этихъ оболочекъ, онъ можетъ признать себя мыслящимъ существомъ и такимъ образомъ вполнѣ убѣдиться, что жизнь не зависитъ отъ ея функцій въ физическомъ тѣлѣ. Человѣку, которому удалось такимъ образомъ по желанію оставить свое низшее тѣло и убѣдиться въ томъ, что этотъ фактъ не только не приводилъ къ уничтоженію сознанія, но вызывалъ еще несравненно большую свободу и интенсивность жизни, такому человѣку нечего бояться окончательнаго разрыва своихъ оковъ и конечнаго освобожденія его безсмертнаго Эго изъ тѣлесной тюрьмы.

Эта точка зрѣнія на человѣческую жизнь составляетъ существенную часть эзотерической философіи. По своему происхожденію человѣкъ существо божественное—искра божественной жизни. Это живое пламя, проходя черезъ центральный огонь, само облекается въ различныя оболочки и создаетъ себѣ изъ нихъ временное обиталище, становясь такимъ образомъ Тріадой—Atmâ-Buddhi-Manas—отраженіемъ безсмертнаго *Я*. Отъ этого Эго исходитъ лучъ, который проникаетъ въ грубое вещество, въ тѣло желаній или элементы камическіе (отъ слова Kama, страстное начало), а также въ физическое тѣло и въ эфирный двойникъ.

Безсмертный разумъ, нѣкогда свободный, но связанный, теперь сковывающими его узами матеріи, съ большимъ трудомъ и энергіей пробивается сквозь эти оболочки. Въ своей внутренней сути онъ всегда остается свободной птицей, но крылья ея связаны матеріей, въ которую она погружена. Когда человѣкъ сознаетъ свою настоящую природу и онъ научится отъ времени до времени открывать двери своей темницы и выходить изъ нея. Сперва онъ научится сливаться со своей безсмертной Тріадой и подниматься надъ своимъ тѣломъ и страстями въ жизнь чисто-нравственную и ментальную. Тогда онъ познаетъ, что укрощенное тѣло не можетъ больше держать его плѣнникомъ и, открывъ засовы своей темницы, онъ устремляется въ лучезарную и настоящую жизнь души. И когда смерть въ свою очередь возвращаетъ ему свободу, онъ знаетъ, въ какую страну она ведетъ его, потому что по собственной своей волѣ уже былъ тамъ. И, наконецъ, онъ познаетъ фактъ первостепенной важности, что „жизнь“

не имѣетъ ничего общаго ни съ физическимъ тѣломъ, ни съ матеріальной сферой,—что истинное бытіе состоитъ въ сокровенномъ сознаніи своего бытія, и что эта жизнь никогда не прекращается, что иначе и быть не можетъ, и что короткіе промежутки, въ которые человѣкъ живетъ на землѣ, являются только безконечно малой частью его духовной жизни, частью, во время которой онъ менѣе всего живетъ, потому что тяжелыя оболочки обременяютъ его. Только во время этихъ промежутковъ онъ (за рѣдкими исключеніями) совершенно теряетъ сознаніе этого непрерывнаго существованія, потому что онъ окруженъ міромъ чувствъ, и его непрестанно обманываютъ и ослѣпляютъ преходящія вещи, которыя онъ считаетъ постоянными, и иллюзіи, которыя онъ принимаетъ за дѣйствительность.

Свѣтъ солнца освѣщаетъ вселенную, но при каждомъ нашемъ воплощеніи мы отдаляемся отъ этого живительнаго центра и вступаемъ въ сумерки физическаго міра, гдѣ наше зрѣніе ослабѣваетъ во время нашего плѣна; умирая, мы выходимъ изъ нашей темницы и снова возвращаемся въ освѣщенную солнцемъ жизнь и находимся ближе къ дѣйствительности. Періоды сумерокъ коротки, періоды же гдѣ, блещетъ солнце, длинны, но въ періодъ ослѣпленія—сумерки мы называемъ жизнью, и эта жизнь кажется намъ настоящей, а смертью мы называемъ періодъ, освѣщенный солнцемъ, и дрожимъ при одной мысли вступить туда.

Джіордано Бруно, одинъ изъ величайшихъ средневѣковыхъ философовъ, былъ правъ въ томъ, что онъ говоритъ о человѣкѣ и объ его тѣлѣ. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу:

„Человѣкъ находится въ тѣлѣ такъ, что лучшая его часть отсутствуетъ и неразрывнымъ таинствомъ сливается съ божественнымъ, поэтому онъ не чувствуетъ больше ни любви, ни ненависти къ смертнымъ вещамъ. Онъ считаетъ себя господиномъ, и потому не долженъ быть ни рабомъ, ни слугою своего тѣла, на которое онъ смотритъ, какъ на темницу, лишающую его свободы, какъ на клей, которымъ связаны его крылья, какъ на оковы, которыми скованы его руки и ноги, какъ на покрывало, которое мѣшаетъ ему смотрѣть. Онъ не долженъ быть плѣннымъ рабомъ, скованнымъ, лѣнивымъ, угнетеннымъ и слѣпымъ, ибо тѣло, которое онъ можетъ оставить по собственному желанію, не можетъ господствовать надъ нимъ; духъ кажется ему до извѣстной степени тѣлеснымъ міромъ, а матерія подчинена божеству и природѣ“ *).

Когда мы достигаемъ господства надъ тѣломъ и видимъ въ немъ раба, мы становимся свободными и смерть намъ болѣе не страшна, и когда она коснется насъ своей холодной рукой, мы съ

*) Герои энтузіасты. L. Williams.

радостью отдадимъ ей нашу смертную оболочку и будемъ свободны.

Въ этомъ же смыслѣ пишетъ и докторъ Гартманъ.

„По нѣкоторымъ распространеннымъ на Западѣ мнѣніямъ *) человѣкъ — усовершенствованная обезьяна. По мнѣнію же Индусскихъ мудрецовъ, которое согласуется съ мнѣніями древнихъ философовъ и ученіемъ христіанскихъ мистиковъ, человѣкъ есть Богъ, котораго силы страстей на время его земной жизни соединили съ животнымъ (животной природой). Внутренній Богъ одаряетъ человѣка мудростью, животное даетъ ему силу. Послѣ смерти *Богъ самъ освобождаетъ себя отъ человѣка*, покидая животное тѣло. Такъ какъ человѣкъ носитъ въ себѣ это божественное сознаніе, онъ долженъ съ этой божественной помощью бороться противъ животныхъ наклонностей и подняться надъ ними; животное не можетъ этого сдѣлать и потому отъ него этого не требуется".

„Человѣкъ"— если мы возьмемъ это слово въ смыслѣ личности, въ томъ значеніи, которое дано ему во второй половинѣ этой выдержки—только условно безсмертенъ. Когда настоящій человѣкъ, т. е. Богъ, обрѣлъ снова свою свободу, та часть его личности, которая пріобщилась къ божественной природѣ,—соединяется съ нимъ.

Тогда тѣло предоставлено безчисленнымъ жизнямъ, которыя, не будучи болѣе подчинены Пранѣ, дѣйствовавшей черезъ свой проводникъ эфирный двойникъ, распадаются и начинаютъ работу разложенія. По мѣрѣ того, какъ клѣточки и молекулы разлагаются, ихъ невидимыя частицы образуютъ другія тѣла.

Возможно, что при нашемъ возвращеніи на землю, мы опять встрѣтимъ нѣкоторыя изъ этихъ безчисленныхъ жизней, которыя въ прежнемъ воплощеніи временно пребывали въ нашемъ тѣлѣ; но этотъ вопросъ отдалилъ-бы насъ отъ нашего предмета, отъ того, что собственно интересуетъ насъ въ данный моментъ, т. е. разрушенія тѣла, которое покончило свою краткую жизнь, которому суждено совершенно разложиться. Итакъ, для плотнаго тѣла, разсматриваемаго какъ организмъ, смерть означаетъ разрушеніе, разрывъ связи, соединившей безчисленное количество жизней въ одну жизнь.

### Участь эфирнаго двойника.

Эфирный двойникъ есть эфирное подобіе грубаго человѣческаго тѣла. Этотъ двойникъ бываетъ иногда при жизни видимъ возлѣ тѣла; его отсутствіе погружаетъ тѣло въ полулетаргическое состояніе. Такъ какъ этотъ двойникъ является резервуаромъ или

*) Сжиганіе тѣлъ. Theosophical. Siftings. T. III.

проводникомъ жизненнаго начала, его выходъ изъ тѣла сопровождается общимъ ослабленіемъ всѣхъ жизненныхъ функцій даже тогда, когда нить, соединяющая эти два тѣла, находится еще непорванной. Разрывъ этой нити есть смерть тѣла.

Когда эфирный двойникъ окончательно покидаетъ тѣло, онъ не отходитъ далеко и обыкновенно витаетъ надъ нимъ, въ тихомъ дремотномъ состояніи, если только горе и страстныя эмоціи не окружаютъ трупъ, отъ котораго онъ только что отдѣлился. Укажемъ здѣсь, какъ необходимо соблюдать возможно бо̀льшую тишину и сдержанность въ той комнатѣ, гдѣ лежитъ покойникъ, въ то время, какъ эфирный двойникъ отдѣляется отъ тѣла, увлекая съ собой высшія начала, и послѣ его отдѣленія. Ибо въ это время передъ Эго быстро проносится вся его жизнь, какъ это не разъ разсказывали тонувшіе и пережившіе это особое состояніе сознанія въ то время, какъ ихъ тѣло было какъ-бы мертвое. Учитель Востока говоритъ:

„Когда мы переживаемъ послѣднія минуты, вся наша жизнь отражается въ нашей памяти, и давно забытые факты являются во всѣхъ подробностяхъ, одна картина смѣняется другой, одно событіе слѣдуетъ за другимъ.... Часто человѣкъ можетъ казаться уже мертвымъ и тѣмъ не менѣе даже послѣ его послѣдняго вздоха, послѣ послѣдняго сокращенія сердца, послѣ того, какъ тѣло начало остывать, мозгъ продолжаетъ еще думать, и Эго видитъ въ нѣсколько мгновеній всю свою жизнь. Говорите же тихо, вы, которые находитесь возлѣ кровати умирающаго въ торжественномъ присутствіи смерти! Въ особенности же не говорите въ то время, когда смерть дотронулась до умирающаго своей ледяной рукой. Говорите тихо, повторяю я, чтобы не нарушить спокойнаго хода его мыслей и не помѣшать прошлому закончить работу, набросивъ свое отраженіе на покрывало будущаго“ *).

Это тотъ моментъ, когда безчисленные образы мыслей (formes pensées), волновавшіе угасшую жизнь, собираются вокругъ того, кто ихъ создалъ. Они переплетаются и скрещиваются, чтобы создать полный образъ этой жизни, и тогда они всѣ запечатлѣваются въ астральномъ свѣтѣ. Преобладающія склонности, самыя излюбленныя мысли и привычки выступаютъ впередъ и образуютъ характерные признаки, которые появятся снова въ послѣдующихъ воплощеніяхъ, и которымъ даютъ названіе „враждебныя качества“. Эта торжественная минута, въ которую дается какъ-бы отчетъ жизни и происходитъ чтеніе лѣтописей Кармы, очень плохо выбрана родственниками и друзьями для свободнаго выраженія своего горя.

„Въ торжественную минуту смерти **), даже если смерть произошла внезапно, человѣкъ видитъ, какъ передъ нимъ проходятъ сцены изъ его прежней жизни до

*) Ман. Fragments of a Forgotten History, стр. 119—120.

**) Е. П. Блаватская. „Ключъ къ Теософіи“.

самыхъ мельчайшихъ подробностей. На короткое мгновенiе *личность* сливается съ *индивидуальнымъ* Эго, которое всевѣдуще. Но этого мгновенiя достаточно для того, чтобы показать ему связь причинъ, породившихъ всѣ поступки его жизни. Тогда онъ видитъ себя безъ иллюзiй такимъ, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Онъ читаетъ исторiю своей собственной жизни и находится въ положенiи зрителя, смотрящаго на сцену, съ которой онъ долженъ сойти".

За этимъ ослѣпительнымъ видѣнiемъ для большинства смертныхъ слѣдуетъ вышеописанное тихое и дремотное полулетаргическое состоянiе; въ это время эфирный двойникъ витаетъ надъ тѣломъ, которому онъ принадлежалъ и отъ котораго въ данный моментъ совершенно отдѣлился.

Иногда этотъ двойникъ является въ домѣ, или по сосѣдству, если умирающiй сильно думалъ о комъ нибудь изъ оставшихся, или если онъ не могъ окончить чего-нибудь такого, что было близко его сердцу, и онъ безпокоится и волнуется, или еще, если что нибудь особенное нарушило покой его.

При этихъ и другихъ подобныхъ условiяхъ можно видѣть и слышать эфирный двойникъ. У него видъ разсѣянный, задумчивый; онъ молчаливъ и равнодушенъ.

Понемногу пять высшихъ началъ освобождаются отъ своей эфирной оболочки и оставляютъ ее точно такъ же, какъ оставили уже физическое тѣло. Тогда, какъ пятиричная сущность, они переходятъ въ состоянiе, которое будетъ для насъ предметомъ дальнѣйшаго изученiя, оставляя эфирный двойникъ вмѣстѣ съ плотнымъ тѣломъ. Такимъ образомъ эфирный двойникъ дѣлается астральнымъ трупомъ, точно такъ же, какъ тѣло сдѣлалось физическимъ трупомъ. Эти два трупа остаются одинъ около другого и вмѣстѣ разлагаются. Эти эфирные призраки бываютъ иногда видимы ясновидящими на кладбищахъ. Иногда они бываютъ похожи на физическое тѣло умершаго, иногда принимаютъ форму легкаго тумана или слабаго лиловатаго свѣта. Одинъ изъ моихъ друзей увидалъ однажды одинъ изъ этихъ эфирныхъ труповъ въ перiодѣ отвратительнаго разложенiя, ужасное видѣнiе, которое въ подобныхъ случаяхъ дѣлаетъ даръ ясновидѣнiя мало желательнымъ. Это разложенiе продолжается до тѣхъ поръ, пока все физическое тѣло, за исключенiемъ скелета, не истлѣетъ. Разложившiяся такимъ образомъ частицы идутъ на образованiе другихъ тѣлъ.

Одно изъ преимуществъ сожженiя труповъ, не говоря о санитарныхъ мотивахъ, заключается въ томъ, что этотъ способъ скорѣе возвращаетъ матери—природѣ матерiальные и эфирные элементы. Вмѣсто медленнаго и постепеннаго происходитъ уско-

ренное разложеніе, и не остается ни одной частицы, которая могла бы стать источникомъ зла въ сферахъ, къ которымъ эти два тѣла принадлежатъ.

Эфирнымъ трупамъ послѣ смерти можно вернуть мнимую жизнь, но лишь на очень короткое время. Вотъ что говоритъ по этому поводу докторъ Гартманъ:

«Трупъ скоропостижно умершаго человѣка можетъ быть подвергнутъ дѣйствію гальваническаго тока, и такимъ образомъ пріобрѣсти мнимую жизнь. Точно также можно придать искусственную жизнь и астральному эфирному трупу, передавъ ему часть жизненнаго начала медіума. Если этотъ астральный трупъ принадлежалъ умному человѣку, то онъ будетъ говорить разумно, если же это трупъ дурака, онъ будетъ говорить глупости» *).

Это ужасное дѣяніе можетъ быть совершено только въ присутствіи физическаго трупа и черезъ очень небольшой промежутокъ времени послѣ смерти; такіе случаи гальванизаціи эфирнаго трупа на могилѣ умершаго встрѣчаются въ исторіи. Излишне будетъ прибавлять, что это преступленіе, принадлежащее къ области черной магіи.

Если эфирный и физическій трупы не уничтожены быстро огнемъ, ихъ надо оставить въ тишинѣ и мракѣ; безпокоить ихъ—значитъ осквернять ихъ.

## Глава III.

### Kama Loka. —Участь Праны и Камы.

Loka—санскритское слово, которое можно перевести какъ мѣсто, міръ, страна,—такъ что Kama Loka буквально значитъ мѣсто или міръ Камы; Kama же—это названіе, данное той части человѣческаго организма, которая воспринимаетъ страсти, эмоціи и желанія, общія у человѣка съ низшимъ животнымъ **). Въ этой части вселенной находятся всѣ человѣческія существа, у которыхъ больше нѣтъ ни человѣческаго тѣла, ни эфирнаго двойника, но которыя еще скованы тѣломъ эмоцій и страстей. Въ Kama Loka, находится также много другихъ жителей, но въ настоящій моментъ мы займемся только человѣческими существами, которыя только что переступили врата смерти. Изученіемъ ихъ мы и займемся.

Здѣсь я позволю себѣ маленькое отступленіе въ сторону тѣхъ сферъ вселенной, которыя отличаются отъ матеріальной

*) Магія. Бѣлая и черная, стр. 100—110, изд. III.

**) См. Семь началъ человѣка, А. Безантъ.

области и населены разумными существами. Эзотерическая философія утверждаетъ существованія этихъ міровъ, извѣстныхъ адептамъ, а также и нѣкоторымъ людямъ, не адептамъ, на основаніи личнаго опыта. Для изслѣдованія и изученія этихъ сферъ необходимо развитіе нѣкоторыхъ способностей, которыя въ скрытомъ состояніи имѣются у всѣхъ людей.

„Живой" человѣкъ, употребляя общепринятое выраженіе, можетъ оставить свое физическое и эфирное тѣло и, не проходя черезъ врата смерти, изслѣдовать эти сферы.

Такъ, мы читаемъ въ журналѣ „Theosophist", что духъ человѣка можетъ пріобрѣсти и познать многое, если вступитъ, сохранивъ полное сознаніе, въ сношеніе съ духовнымъ міромъ.

Таковъ случай съ однимъ посвященнымъ адептомъ, который возвращался на землю, сохраняя до мельчайшихъ подробностей ясно и точно воспоминанія о тѣхъ фактахъ и свѣдѣніяхъ, которые онъ собралъ въ невидимыхъ сферахъ „Реальностей" *).

Такимъ образомъ сферы эти дѣлаются для него такой же дѣйствительностью, такими же учеными фактами, опредѣленными и достовѣрными, какъ обыкновенное путешествіе въ Африку. Изслѣдовавъ озера и пустыни, онъ вернулся бы домой съ суммой извѣстныхъ познаній и опытовъ. Такого изслѣдователя мало безпокоила бы критика тѣхъ лицъ, которыя никогда не были въ Африкѣ. Онъ просто разсказывалъ бы о томъ, что видѣлъ, описалъ бы животныхъ, ихъ привычки, нарисовалъ бы виды мѣстностей, по которымъ онъ проходилъ, и сдѣлалъ бы такимъ образомъ перечень характерныхъ чертъ и произведеній страны. Если бы лица, которыя никогда не путешествовали, стали бы ему противорѣчить и смѣяться надъ нимъ, онъ не сталъ бы сердиться или огорчаться. Невѣжество ничего не можетъ доказать противъ науки, сколько бы оно ни твердило, что наука ничего не знаетъ. Мнѣніе сотни лицъ о неизвѣстномъ имъ предметѣ ничѣмъ не отличается отъ мнѣнія одного такого человѣка. Свидѣтельство о фактѣ, удостовѣряемомъ многими очевидцами, пріобрѣтаетъ большое значеніе, но одно отрицаніе, повторенное хотя бы и тысячу разъ, не имѣетъ никакой цѣны.

Дѣйствительно, странно было бы думать, что окружающее насъ пространство является какой то громадной пустыней, и что только жители земли единственныя разумныя существа, во вселенной. Какъ докторъ Гексли сказалъ:

---

*) Theosophist, мартъ 1882, стр. 158 (примѣчаніе).

Не выходя за предѣлы того, что мы знаемъ, легко по аналогіи населить вселенную существами все болѣе и болѣе высокими, пока наконецъ дойдешь до того, что въ сущности мало разнится отъ всемогущества, вездѣсущности и всевѣдѣнія.“ *)

Если у этихъ существъ нѣтъ такихъ же органовъ, какъ и у насъ, если ихъ чувства отвѣчаютъ вибраціямъ, отличнымъ отъ тѣхъ, которыя дѣйствуютъ на наши чувства, мы можемъ жить другъ возлѣ друга, встрѣчаться и даже проходить другъ черезъ друга, ничего не зная объ обоюдномъ существованіи.

Круксъ указываетъ намъ на возможность этого скрытаго совмѣстнаго существованія различныхъ разумныхъ существъ, и не надо обладать большимъ воображеніемъ, чтобы согласиться съ его мыслью. Онъ говоритъ:

„Не невозможно, что есть другія существа, одаренныя чувствами, не реагирующими на лучи свѣта, къ которымъ чувствителенъ нашъ глазъ, но которыя способны воспринимать другія вибраціи, къ которымъ въ свою очередь мы нечувствительны. Такія существа жили бы дѣйствительно въ мірѣ, отличномъ отъ нашего. Представьте себѣ, напримѣръ, что бы мы думали объ окружающихъ насъ предметахъ, если бы наши глаза вмѣсто того, чтобы реагировать на дневной свѣтъ, были бы чувствительны только къ вибраціямъ магнетизма и электричества. Стекло и хрусталь стали бы непрозрачными тѣлами. Металлы были бы болѣе или менѣе прозрачными, а протянутая въ воздухѣ телеграфная проволока превратилась бы въ длинную и тонкую дырку, проходящую сквозь непроницаемую среду. Находящаяся въ дѣйствіи динамо-машина походила бы на пожаръ, а постоянный магнитъ осуществилъ бы мечту средневѣковыхъ мистиковъ и сдѣлался бы той неугасимой лампой, которая бы вѣчно горѣла безъ всякаго горючаго матеріала“ **).

Кама-Лока—сфера, населенная, какъ и нашъ міръ, болѣе или менѣе разумными существами и наполненная различными живыми формами и типами, столь же различными, какъ тигръ отличается отъ человѣка. Этотъ міръ и нашъ тѣсно связаны между собой, но такъ какъ ихъ матеріальная субстанція различна, они существуютъ, не зная другъ друга. Только въ исключительныхъ случаяхъ жители этихъ двухъ міровъ могутъ узнать о существованіи другъ друга. Слѣдуя особому методу, человѣкъ можетъ войти въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми получеловѣческими существами Камалока и заставить ихъ повиноваться себѣ. Человѣческія существа, которыя оставили землю и въ которыхъ преобладали камическіе (страстные) элементы, легко притягиваются тѣми же элементами живыхъ людей, и съ ихъ помощью они могутъ вспомнить тѣ мѣстности которыя они только что оставили.

---

*) Essays upon some controverted questiions, p. 36.

**) Fortnightly Review 1872, стр. 176.

Точно также живыя существа могутъ установить способы сношенія съ тѣми, которые уже оставили этотъ міръ, и, какъ мы раньше говорили, научившись по собственному желанію оставлять свое тѣло и развивъ въ себѣ нѣкоторыя способности, они могутъ проникнуть въ сферу Камалока. Необходимо понять, что Камалока есть вполнѣ опредѣленная сфера, населенная очень разнообразными существами, среди которыхъ находятся и развоплощенные умершіе.

Вернемся теперь къ человѣческому существу и къ его судьбѣ. Мы его уже лишили его физическаго и эфирнаго тѣла; теперь разсмотримъ его въ томъ кратковременномъ состояніи, которое немедленно слѣдуетъ за утратой этихъ двухъ тѣлъ.

Коснувшись описанія человѣка послѣ смерти Плутарха, Е. П. Блаватская говоритъ: „Вы видите, что по этому ученію человѣкъ является при жизни семиричнымъ существомъ, а непосредственно послѣ смерти пятиричнымъ въ Камалока" *).

Когда Прана, та часть жизненной энергіи, которую человѣкъ присваиваетъ себѣ во время своего воплощенія—теряетъ свой проводникъ—эфирное тѣло, которое также какъ и физическое тѣло отошло отъ руководящей имъ силы, она принуждена вернуться въ великій резервуаръ космической жизни.

Подобно водѣ въ стаканѣ, опускаемомъ въ сосудъ съ водой, которая, когда стаканъ разбивается, поневолѣ смѣшивается съ окружающей водой, такъ и Прана, потерявъ образовавшія ея видимую оболочку тѣла, снова сливается съ міровой жизнью. Только немедленно послѣ смерти человѣкъ становится пятиричнымъ по своему составу, потому что Прана, какъ человѣческое начало, не можетъ больше существовать послѣ распаденія ея проводника.

Тогда человѣкъ находится только облеченный въ Кама-Рупу или тѣло Камы, тѣло желаній, весьма эфирное астральное вещество, называемое часто флюидомъ, вслѣдствіе легкости, съ которой оно принимаетъ изображеніе проектирующихся на немъ извнѣ или формирующихся внутри него образовъ. Настоящій человѣкъ, безсмертная Тріада, облеченъ теперь въ свою послѣднюю земную оболочку, нѣжную и сенситивную, благодаря которой онъ во время своего воплощенія обладалъ способностью чувствовать, желать, наслаждаться и страдать въ физическомъ мірѣ.

---

*) „Ключъ къ Теософіи".

„Когда человѣкъ умираетъ, три низшія его начала—тѣло, жизнь и проводникъ жизни—эфирный двойникъ каждаго живого человѣка—оставляютъ его на всегда. Тогда четыре его высшія начала—центральное или среднее начало его (животная душа, Кама-Рупа, съ нѣкоторымъ придаткомъ низшаго Манаса) и высшая Тріада—находятся въ Камалока*).

Послѣ смерти тѣло желанія испытываетъ значительныя измѣненія. Вслѣдствіе различной плотности его астральной матеріи, образуется рядъ скорлупъ или оболочекъ, предохраняющихъ сознательное „я" отъ малѣйшихъ соприкосновеній съ внѣшнимъ міромъ. Если сознаніе ничѣмъ не взволновано, оно углубляется въ себя и готовится къ слѣдующему своему шагу въ то время, какъ тѣло желанія постепенно распадается и сбрасываетъ всѣ свои скорлупы или оболочки.

До этого момента, состояніе послѣ смерти приблизительно одинаково для всѣхъ: „полусознательность тихая и мечтательная" въ лучшемъ случаѣ переходитъ безъ пробужденія изъ этого полу-летаргическаго состоянія въ безсознательное состояніе, до—Деваканическое, изъ котораго человѣкъ блаженно пробуждается въ Devakan'ѣ, гдѣ наслаждается отдыхомъ до слѣдующаго воплощенія.

Но здѣсь представляются разныя возможности. Мы сперва опишемъ нормальную эволюцію, которая протекаетъ въ Камалока до того момента, когда человѣкъ достигаетъ порога Devakan'a; потомъ мы разсмотримъ другіе случаи.

Если человѣкъ велъ чистую жизнь и постоянно стремился къ сліянію съ высшей частью своей природы, его эмоціи были слабы и сдержаны. Когда человѣкъ остается облеченнымъ только въ свою камическую оболочку, то эмоціямъ нѣтъ почвы послѣ его отдѣленія отъ физическаго и эфирнаго тѣла и по возвращеніи Праны къ общему резервуару космической жизни. Во время земной жизни Кама и низшій Манасъ тѣсно связаны между собой. Въ томъ случаѣ, о которомъ мы говоримъ, Кама слаба, низшій Manas очень ее очистилъ. Разумъ, который примѣшивался къ страстямъ, эмоціямъ и желаніямъ, очистилъ ихъ, присвоилъ себѣ ихъ лучшую часть, такъ сказать, поглотилъ ее въ себя, такъ что отъ страстей остается остатокъ, отъ котораго безсмертная Тріада, Настоящій Человѣкъ, медленно сосредоточиваетъ свои силы, собираетъ воспоминанія земной жизни, которую она только что оставила, свои привязанности, свои надежды и стремленія и готовится выйти изъ Камалока, чтобы перейти въ счастливый покой Devakan'a, въ „обитель боговъ".

---

*) „Ключъ къ теософіи".

Камалока есть астральное мѣсто, это „Limbus“ схоластической теологіи, это „Hades“ древнихъ; строго выражаясь, это мѣсто только въ относительномъ смыслѣ, такъ какъ у него нѣтъ ни опредѣленной площади, ни точныхъ границъ, но оно существуетъ въ субъективномъ пространствѣ, т. е. за воспріятіемъ нашихъ чувствъ. Между тѣмъ, оно существуетъ, и въ немъ ожидаютъ свою *вторую смерть* астральныя формы всѣхъ живыхъ существъ, включая сюда и животныхъ. Для животнаго эта вторая смерть наступаетъ вмѣстѣ съ разложеніемъ и исчезновеніемъ его астральныхъ частицъ. Для человѣческой формы (eidolon) она наступаетъ тогда, когда Тріада (Atma-Buddhi-Manas) *отдѣляется* отъ низшихъ началъ, отраженія его бывшей личности и впадаетъ въ состояніе Devakan'ическое“ *).

Слѣдовательно эта вторая смерть есть переходъ безсмертной Тріады изъ сферы Кама—тѣсно связанной со сферой земли—къ высшему состоянію Devakan'a, о которомъ мы будемъ говорить дальше. Разсматриваемый нами типъ человѣка проходитъ Камалока въ описанномъ уже спокойномъ летаргическомъ состояніи, и, если ничто его не взволнуетъ, онъ придетъ въ сознаніе лишь послѣ того, какъ переживетъ этотъ періодъ оцѣпенѣнія, и покой его смѣнится блаженной радостью.

Но во все время, что безсмертная Тріада и страстное начало находятся въ сферѣ Камы—будь этотъ періодъ продолжителенъ или кратокъ, будетъ-ли онъ длиться дни или столѣтія—человѣкъ не освободился еще отъ земныхъ вліяній.

Въ только что разсмотрѣнномъ примѣрѣ пробужденіе можетъ произойти подъ вліяніемъ сильнаго горя и желаній оставшихся на землѣ друзей, и эти чувства, сильно потрясающія страсти живыхъ, могутъ сообщить свои вибраціи страстной оболочкѣ развоплощенныхъ и достигнуть и разбудить малый разумъ (низшій Manas), который еще не отдѣлился вполнѣ и не слился еще съ духовнымъ разумомъ, который является причиной его бытія. Тогда онъ можетъ стряхнуть съ себя оцѣпенѣніе и живо представить себѣ земную жизнь, которую онъ только что оставилъ, и если его опечаленные друзья имѣютъ медіума, онъ можетъ прямымъ или косвеннымъ образомъ воспользоваться физическимъ и астральнымъ тѣломъ медіума и писать или говорить съ тѣми, которыхъ онъ оставилъ.

Это пробужденіе часто сопровождается большими страданіями и даже, если нѣтъ этихъ страданій, ходъ освобожденія безсмертной Тріады внезапно пріостанавливается и моментъ окончательнаго освобожденія отдаляется. Говоря объ этой возможности сношеній въ періодѣ, непосредственно слѣдующемъ за смертью, до

*) „Ключъ къ теософіи“.

того какъ освобожденный человѣкъ вступилъ въ Devakan, Е. П. Блаватская замѣчаетъ *):

„Можно было бы спросить себя, выигралъ ли когда-нибудь человѣкъ помимо исключительныхъ случаевъ, когда желаніе умирающихъ вернуться назадъ заставляетъ разумъ бодрствовать съ вполнѣ опредѣленною цѣлью (въ такомъ случаѣ это дѣйствительно индивидуальность, „духъ", входитъ въ сношеніе съ физическимъ міромъ), выигралъ-ли онъ когда-нибудь отъ возвращенія своего въ сферу матеріи. Духъ ослѣпленъ послѣ смерти и скоро впадаетъ въ состояніе, называемое пре-Деваканической летаргіей.

Сильное желаніе можетъ заставить развоплотившееся существо вернуться по собственному желанію къ тѣмъ, которыхъ оно оставило въ слезахъ, но такое сознательное возвращеніе очень рѣдко у лицъ изучаемаго нами типа. Если ихъ оставляютъ въ покоѣ, они обыкновенно засыпаютъ до пробужденія въ Devakan'ѣ и такимъ образомъ избѣгаютъ борьбы и страданій, сопровождающихъ вторую смерть.

Когда безсмертная Тріада совершаетъ свой окончательный полетъ, тогда то, что остается въ Камалока, есть ни что иное, какъ Камарупа, *скорлупа* или безжизненный, постепенно разлагающійся призракъ. Мы будемъ говорить объ этомъ дальше, при разборѣ нормальнаго типа человѣка, т. е. типа человѣка, лишеннаго высокой духовности, но не имѣющаго какой-либо замѣтной порочной наклонности.

При вступленіи въ Камалока духовный разумъ средняго человѣка облеченъ въ тѣло желаній. обладающее еще значительной силой и жизнеспособностью. Малый разумъ, бывшій въ теченіе только-что прекратившейся земной жизни тѣсно связаннымъ со страстнымъ началомъ и пользовавшійся жизнью чувствъ и ея наслажденіями, не можетъ сразу освободиться отъ скованныхъ имъ оковъ и тотчасъ вернуться къ высшему Разуму—источнику его бытія. Отъ этого происходитъ для него значительная задержка въ переходномъ мірѣ Камалока, и это промедленіе длится до тѣхъ поръ, пока желанія настолько ослабѣваютъ, что не могутъ больше удержать душу въ плѣну.

Какъ мы уже говорили, во время пребыванія безсмертной Тріады и Камы въ Камалока связь между развоплощенными существами и живущими на землѣ возможна. Такого общенія даже очень ищутъ тѣ развоплощенныя существа, которыхъ сильно еще притягиваютъ къ землѣ желанія и страсти; разумъ ихъ еще недостаточно развился, чтобы найти въ высшей сферѣ удовлетвореніе

*) „Ключъ къ теософіи".

и полное счастье. Малый Разумъ вздыхаетъ еще по утѣхамъ страсти, по сильнымъ и жгучимъ ощущеніямъ земной жизни, и эти желанія могутъ вернуть его къ сценамъ, которыя онъ оставилъ съ такимъ сожалѣніемъ. Говоря о возможности сношенія между развоплощеннымъ Эго и медіумомъ, Е. П. Блаватская въ своемъ журналѣ „Theosophist“ *) говоритъ, что, по указанію адептовъ, такія сношенія могутъ имѣть мѣсто во время двухъ промежутковъ:

„Первый промежутокъ — тотъ періодъ, который отдѣляетъ физическую смерть отъ перехода духовнаго Эго въ состояніе, извѣстное въ Эзотерической Доктринѣ подъ названіемъ Бардо; мы перевели это названіе „зачаточномъ“, пре-Деваканическимъ періодомъ“.

Нѣкоторыя сношенія, установленныя посредствомъ медіумовъ, имѣютъ мѣсто съ развоплощенной личностью, возвращенной къ земной сферѣ. Это жестокое преимущество, ибо задерживаетъ эволюцію и вводитъ противоестественный элементъ въ то, что должно было бы быть стройнымъ эволюціоннымъ процессомъ.

Періодъ Камалока такимъ образомъ продолженъ, ибо тѣло желаній получаетъ удовлетвореніе и сохраняетъ свою власть надъ Эго, и душа не можетъ обрѣсти своей свободы; „безсмертная ласточка“ удержана плѣнницей въ сѣтяхъ земли.

Что же касается лицъ, которыя вели безнравственную жизнь, думали только объ удовлетвореніи своихъ животныхъ страстей, безмѣрно развивали свои аппетиты и оставляли безъ всякой культуры даже свой малый разумъ, то они очень долго остаются въ Камалока, мучимые страстной тоской по земной жизни и по чувственнымъ наслажденіямъ, которыхъ не могутъ больше удовлетворить послѣ утраты своего физическаго тѣла. Они-то и окружаютъ медіумовъ и сенситивовъ и черезъ нихъ стараются удовлетворить свои желанія; любопытные и легкомысленные люди, стремящіеся къ такому общенію, подвергаютъ себя въ своемъ невѣдѣніи большой опасности.

Къ другой категоріи развоплощенныхъ принадлежатъ по своей и по чужой винѣ или по несчастью преждевременно ушедшіе изъ жизни. Ихъ судьба въ Камалока зависитъ отъ тѣхъ условій, въ которыхъ они находились въ моментъ разставанія съ землей, потому что всѣ тѣ, которые кончаютъ самоубійствомъ, не въ одинаковой степени виновны, и ихъ личная отвѣтственность разнится до безконечности. Ихъ состояніе было описано такъ:

---

*) Іюнь, 1882 г., статья „Seeming Discrepancys“

„Хотя всѣ самоубійцы не совершенно лишены своего шестого и седьмого началъ и хотя они сохраняютъ все свое вліяніе на спиритическихъ сеансахъ, они все-таки отдѣлены пропастью отъ этихъ высшихъ началъ до того момента, когда должна была для нихъ наступить естественная смерть; въ этомъ случаѣ эти начала остаются въ пассивномъ и отрицательномъ состояніи, тогда какъ въ случаѣ скоропостижной смерти высшія и низшія группы взаимно притягиваются. Добрый и невинный Эго непреодолимо тяготѣетъ къ своему шестому и седьмому началамъ и засыпаетъ сномъ, полнымъ блаженныхъ сновидѣній; иногда онъ находится въ глубокомъ снѣ безъ сновидѣній до той минуты, когда пробьетъ его часъ. При вдумчивомъ размышленіи о вѣчномъ порядкѣ и справедливости, которые должны царить во вселенной, легко понять причину этого явленія. Жертва не отвѣтственна за свою смерть, даже если эта смерть является результатомъ совершеннаго въ одной изъ предшествующихъ жизней поступка и, слѣдовательно, есть результатъ закона возмездія, ибо въ такомъ случаѣ она не есть прямой результатъ сознательно совершеннаго въ этой жизни поступка убитымъ Эго. Если бы онъ прожилъ дольше, онъ, быть можетъ, могъ бы искупить свои грѣхи болѣе дѣйствительнымъ образомъ, и когда Эго уплатилъ долги должника, личное Эго уже спасено отъ ударовъ закона возмездія. Dhyan-Choan *) не оказываетъ никакого вліянія на судьбу человѣческаго Эго при его жизни, но охраняетъ слабую жертву, когда она рѣзко выброшена изъ своего элемента въ новый элементъ, для котораго она еще не созрѣла и не достаточно подготовлена".

Всѣ эти самоубійцы или случайно убитые люди могутъ вступить въ сношеніе съ живущими на землѣ, хотя это для нихъ и вредно. Какъ было уже сказано, доброе и невинное существо тихо спитъ до истеченія нормальнаго срока его жизни. Но если жертва несчастнаго случая существо грубое и безнравственное, его участь очень печальна.

„Тѣни несчастныхъ, предавшихся пороку и чувственнымъ наслажденіямъ, блуждаютъ, пока не пробьетъ часъ ихъ смерти **). Оторванные отъ жизни въ разгарѣ своихъ земныхъ страстей, они ищутъ случая, чтобы медіумъ далъ имъ снова вкусить эти ощущенія. Они-то и образуютъ Пишаша, Инкубовъ и Суккубовъ среднихъ вѣковъ, демоновъ страсти, обжорства и жадности; это тѣ хитрыя, злыя и жестокія существа, которыя толкаютъ свои жертвы на ужасныя преступленія и которыя наслаждаются совершающимся зломъ. Эти психическіе вампиры не только губятъ свои жертвы, но, когда для нихъ приходитъ естественный конецъ ихъ жизни, своими адскими стремленіями они уносятся далеко за предѣлы земной ауры, въ сферы, гдѣ они долгое время терпятъ ужасныя страданія и кончаютъ тѣмъ, что совершенно уничтожаются...

Причины, создающія „новое существо" и опредѣляющія характеръ его Кармы суть „Тришна" (Танха)—жажда, желаніе чувственной жизни, „Упадана" или осуществленіе этого желанія „Тришна". Медіумы помогаютъ этому осуществленію, особенно въ случаѣ самоубійства или жертвы несчастнаго случая. Общее правило: всѣ уми-

---

*) Dhyan-Choan—Высокая іерархія духовныхъ Сущностей.

**) Часъ, въ который пробила бы для нихъ настоящая смерть, если бы несчастный случай не ускорилъ ихъ исчезновенія изъ физической области.

рающіе естественной смертью остаются нѣкоторое время—нѣсколько часовъ или нѣсколько лѣтъ—въ сферѣ земного притяженія, т. е. въ Камалока; тѣ же, которые умираютъ скоропостижно или кончаютъ самоубійствомъ, составляютъ исключеніе изъ правила. Такимъ образомъ Эго, которому опредѣлено было жить 80 или 90 лѣтъ, и которое лишило себя жизни или же было случайно убито въ 20 лѣтъ, должно жить въ Камалока не „нѣсколько лѣтъ", а 60 и 70 лѣтъ въ качествѣ „земного призрака", потому что, къ несчастью для него, онъ еще не скорлупа. Счастливы тѣ развоплощенные, которые спятъ долгимъ сномъ и во снѣ витаютъ въ пространствѣ. Горе тѣмъ, которыхъ притягиваютъ къ медіумамъ желанія, и горе медіумамъ, предлагающимъ имъ возможность удовлетворенія! Удовлетворяя ихъ жажду жизни, они помогаютъ имъ строить зародышъ тѣла, которому будутъ присущи еще худшія мысли и страсти, чѣмъ тѣ, что погубили прежнее тѣло. Такимъ образомъ судьба этого новаго тѣла будетъ опредѣлена не только Кармой предыдущаго существованія, но также и Кармой новопорожденныхъ силъ. Если бы медіумы и спириты знали, что каждый разъ, какъ они съ радостью привѣтствуютъ новаго „духа-покровителя", они тѣмъ самымъ вовлекаютъ его въ условія, которыя причинятъ въ будущемъ невѣроятныя муки новому Эго, и что съ каждымъ сеансомъ, особенно при явленіяхъ матеріализаціи, они безконечно увеличиваютъ препятствія къ духовному рожденію несчастнаго Эго или же готовятъ ему воплощеніе, въ которомъ онъ будетъ еще болѣе худшимъ существомъ,—быть можетъ, тогда медіумы были бы менѣе великодушны въ своемъ гостепріимствѣ".

Преждевременная смерть, по причинѣ ли порока, умственнаго переутомленія или самопожертвованія во имя идеи, всегда приведетъ къ нѣкоторой задержкѣ въ Камалока, но состояніе развоплощеннаго будетъ зависѣть отъ причинъ, которыя сократили его жизнь.

„Очень мало людей, если только есть такіе, убѣждены, что, предаваясь пороку, они готовятъ себѣ преждевременную смерть. Такова кара Майа. „Пороки" не избѣгаютъ заслуженнаго наказанія, но наказуется причина, а не послѣдствія. особенно непредвидѣнныя, хотя и вѣроятныя послѣдствія. Иначе можно было бы сказать, что человѣкъ „покончилъ съ собой", если онъ утонулъ во время бури на морѣ, или переутомилъ себя умственно. Вода—стихія, въ которой человѣкъ можетъ утонуть; точно также умственное переутомленіе можетъ привести къ разжиженію мозга н къ преждевременной смерти. При такихъ мысляхъ человѣкъ не принималъ бы даже ванну изъ боязни лишиться сознанія и утонуть (мы знаемъ такіе примѣры); человѣкъ не могъ бы тогда ни исполнять свой долгъ, ни пожертвовать собой какой-нибудь высокой идеѣ. Все зависитъ отъ мотива, и человѣкъ бываетъ наказанъ только въ случаяхъ прямой отвѣтственности. Когда дѣло идетъ о жертвѣ, часъ естественной смерти передвинутъ случайно, но если человѣкъ кончаетъ самоубійствомъ, онъ добровольно вызываетъ смертъ съ полнымъ сознаніемъ вытекающихъ отсюда послѣдствій. Такъ, человѣкъ, лишающій себя жизни въ припадкѣ помѣшательства, не есть самоубійца (къ горю обществъ страхованія жизни), и поэтому онъ не брошенъ безъ защиты соблазнамъ Камалока, а засыпаетъ, какъ всякая другая жертва".

Населеніе Камалока такимъ образомъ пополняется особенно опасными элементами каждый разъ, когда насильственный актъ,

законный или незаконный, отрываетъ физическое тѣло отъ души и посылаетъ ее въ Камалока, облеченную въ тѣло желаній, трепещущую отъ ненависти, страсти, волненія, горящую желаніемъ мести или неудовлетворенной чувственности. Живой убійца,—нежелательный членъ общества, но внезапно выгнанный изъ своего тѣла убійца еще гораздо болѣе опасная сущность: общество можетъ оградить себя отъ перваго, но, при настоящемъ своемъ невѣдѣніи, оно остается беззащитнымъ противъ второго.

Наконецъ безсмертная Тріада отдѣляется отъ тѣла желаній и уходитъ изъ Камалока; Высшій Разумъ призываетъ къ себѣ лучъ, окрашенный событіями земной жизни, и сохраняетъ опытъ, накопленный личностью, которой онъ руководилъ.

Смотря по тому, была ли жатва обильна или нѣтъ, земледѣлецъ, возвращаясь съ поля домой, уноситъ съ собой большіе или малые снопы. Когда Тріада покинула Камалока, она совсѣмъ выходитъ изъ сферы притяженія земли.

„Какъ только Эго вышло изъ Камалока и перешло „Золотой мостъ", переброшенный къ „Семи золотымъ горамъ", оно больше не можетъ сноситься съ медіумами".

Дальше мы укажемъ исключительные случаи, при которыхъ бываетъ возможно общеніе съ однимъ изъ такихъ Эго; но обыкновенные медіумы не могутъ достигнуть такой высоты и вернуть Эго въ земныя сферы. Прежде чѣмъ заняться прогрессивнымъ развитіемъ Тріады, мы остановимся на судьбѣ тѣла желаній, оставленнаго въ данный моментъ въ Камалока, какъ безжизненная скорлупа.

### Камалока—Скорлупы.

Скорлупа есть тѣло желаній, лишенное Тріады, которая совершаетъ свою дальнѣйшую эволюцію: это третье изъ временныхъ одѣяній, которыя душа сбрасываетъ съ себя и оставляетъ въ Камалока.

Если только что окончившаяся земная жизнь была проведена благородно, или если даже она была средней чистоты продуктивности, то скорлупа обладаетъ только небольшимъ количествомъ жизненной силы и послѣ ухода Тріады она быстро растворяется. Но въ періодъ разложенія молекулы ея сохраняютъ полученныя во время земной жизни впечатлѣнія и склонность къ вибрированію въ отвѣтъ на обычныя впечатлѣнія. Всякій, изучающій физіологію, знаетъ, что выраженіе „автоматическое дѣйствіе" означаетъ склонность клѣточекъ повторять вибраціи, порожденныя произ-

вольнымъ дѣйствіемъ; такимъ образомъ получается то, что мы называемъ привычками. Вотъ почему мы машинально повторяемъ дѣйствія, которыя мы сначала дѣлали намѣренно. Тѣло настолько автоматично, что бываетъ очень трудно, какъ извѣстно, отвыкнуть отъ какихъ-нибудь привычныхъ фразъ или жестовъ.

Во время земной жизни тѣло желанія служитъ органомъ воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній и одновременно реагируетъ на нихъ; оно также постоянно находится подъ вліяніемъ малаго разума и реагируетъ на его вибраціи. Точно также какъ рука быстро повторяетъ привычный жестъ, такъ и тѣло желанія повторяетъ всякое привычное чувство или мысль, и когда Тріада оставляетъ его, эта автоматичность продолжается, и скорлупа, безъ участія разума и воли, можетъ выражать чувства и мысли. Многіе отвѣты, полученные на спиритическихъ сеансахъ, исходятъ отъ скорлупъ, привлеченныхъ магнетическимъ сродствомъ къ дорогимъ роднымъ и друзьямъ, они автоматично отвѣчаютъ на волны эмоцій и воспоминаній, такъ часто сопровождавшихъ импульсомъ ихъ земной жизни. Единственныя сообщенія, на которыя способны эти скорлупы, состоятъ изъ фразъ сочувствія, прописной морали или воспоминаній о прошедшихъ событіяхъ; эти сообщенія могутъ получаться довольно обильно при благопріятныхъ условіяхъ и подъ магнетическимъ вліяніемъ живыхъ родныхъ и друзей.

Если Малый Разумъ былъ сильно увлеченъ матеріальной стороной жизни, и если его умственная работа совершалась съ эгоистической цѣлью, то, пріобрѣвши высокій интеллектуальный автоматизмъ, тѣло желаній можетъ дать отвѣты весьма цѣнные.

Не смотря на это, сообщеніямъ этимъ будетъ не хватать оригинальности, и вызванный на сеансъ интеллектъ не дастъ ничего индивидуальнаго; нельзя будетъ уловить никакого признака новой и независимой мысли, а между тѣмъ хорошо одаренный разумъ, работаюшій въ новой средѣ, долженъ бы былъ проявить какое-нибудь творчество. Большинство сообщеній изъ „міра духовъ" отличаются скудостью мысли; отраженіе земныхъ сценъ, условій и комбинацій встрѣчаются тамъ въ изобиліи, но сильную оригинальную мысль, достойную освободившагося отъ ига плоти разума, мы напрасно будемъ тамъ искать. Рѣдко встрѣчаются сообщенія болѣе высокаго типа и въ такихъ случаяхъ они обыкновенно исходятъ отъ нечеловѣческихъ сущностей, привлеченныхъ чистой сферой медіума или присутствующихъ. Въ общеніи съ этими скорлупами заключается большая опасность, потому что, будучи только скорлупами, они отвѣчаютъ на всякое внѣшнее воздѣйствіе и

дѣлаются автоматически лукавыми и даже злобными, если эти вибраціи дурныя. Такимъ образомъ не высоко нравственные медіумы или присутствующіе дадутъ этимъ привлеченнымъ скорлупамъ импульсы мало возвышеннаго характера; всякія плотскія желанія, ничтожныя или глупыя мысли возбудятъ въ этихъ скорлупахъ, соотвѣтствующія вибраціи, которыя дадутъ автоматическіе отвѣты.

Скорлупы эти легко подпадаютъ подъ власть элементаловъ, т. е. тѣхъ сознательныхъ силъ въ различныхъ царствахъ природы, которыя употребляютъ эти скорлупы какъ проводники для своихъ злыхъ продѣлокъ.

Эфирное тѣло медіума и оставленное своимъ безсмертнымъ гостемъ тѣло желанія представляютъ изъ себя матеріалъ для весьма любопытнаго воздѣйствія элементалей. Можно спросить участниковъ спиритическихъ сеансовъ, не объясняются ли знакомыя имъ дѣтскія шалости, дерганье за волосы, щипки, стуки, паденіе или перестановка предметовъ, игра на гармоніумѣ и т. д.—просто игрой низшихъ силъ, а не дѣйствіемъ „духовъ", которые во время своей земной жизни были бы неспособны на такія глупости!

Авторъ „Совершеннаго пути" *) прекрасно объяснилъ настоящій характеръ скорлупъ:

„Настоящій „призракъ" состоитъ изъ внѣшней земной части души, т. е. изъ части, отягощенной заботами, привязанностями и чисто свѣтскими воспоминаніями; часть эта оставлена душой и ведетъ болѣе или менѣе опредѣленное и личное существованіе въ астральной сферѣ, гдѣ она въ состояніи, при помощи медіума, войти въ сношеніе съ живыми. Тѣмъ не менѣе, она ничто иное, какъ сброшенная душою оболочка, не способная существовать долго какъ *„призракъ"*. Душа, т. е. настоящій индивидъ, *anima divina*, освобождается послѣ смерти отъ всѣхъ плотскихъ земныхъ влеченій".

Если мы желаемъ снова найти тѣхъ, кого мы любимъ, мы должны искать ихъ не среди тѣней Камалока. „Зачѣмъ ищете вы живыхъ среди мертвыхъ?"

### Элементары.

Слово элементаръ часто употреблялось такъ неопредѣленно, что получалась большая путаница.

Вотъ какое опредѣленіе даетъ этому названію Е. П. Блаватская **).

„Элементары—это, выражаясь точно, души злыхъ развоплощенныхъ; души до своей смерти отдѣлившіяся отъ своего божественнаго духа и такимъ образомъ

*) The perfect Way, Annie Kingsford, стр. 73—74, изд. 1887 г.

**) Теософскій словарь. Элементары.

потерявшія возможность безсмертія. Однако этимъ именемъ обозначали привидѣнія развоплощенныхъ вообще, т. е. тѣхъ, которые временно обитаютъ въ Камалока... Эти души, отдѣлившись отъ своей высшей Тріады и отъ своего тѣла, остаются въ своихъ оболочкахъ желанія и неудержимо притягиваются къ землѣ, къ тому, чего жаждетъ ихъ грубая натура. Продолжительность ихъ пребыванія въ Камалока измѣняется, но они всегда кончаютъ тѣмъ, что постепенно разсѣиваются, какъ туманъ, въ окружающихъ ихъ элементахъ".

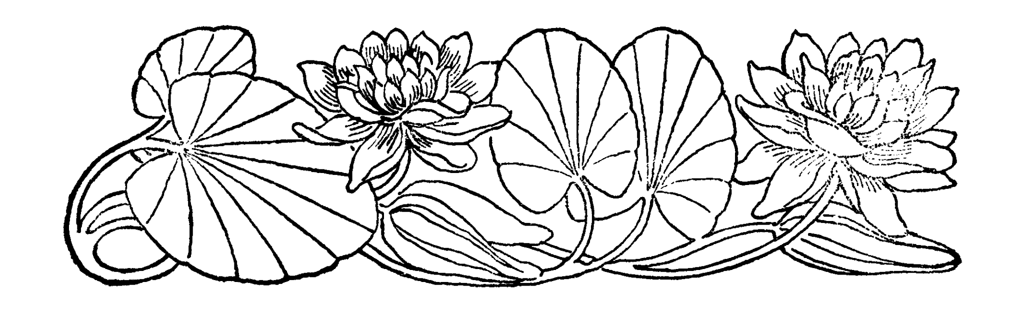
Изучающіе эти вопросы знаютъ, что Малый Разумъ можетъ слиться съ страстнымъ началомъ до того, что совершенно забудетъ о своемъ божественномъ происхожденіи; это то, что въ оккультизмѣ называется „потерей души" *), или другими словами „потерей личнаго Я", которое, отдѣляясь отъ своего Творца, высшаго Эго осуждаетъ себя къ смерти. Отдѣлившись при жизни отъ своей безсмертной Тріады, оставивъ свое физическое и эфирное тѣло, такая душа дѣлается настоящимъ элементаромъ. Облеченная въ тѣло желаній, душа эта живетъ болѣе или менѣе продолжительное время, смотря по свойственной ей жизненной силѣ; это дурное, вредное существо всегда стремится какимъ бы то ни было способомъ, путемъ безумія или просто невѣдѣнія воплощенныхъ душъ, вернуть себѣ уходящую отъ него жизненность. Правда, что судьба такого элементара—разрушеніе, но до этой роковой развязки онъ можетъ еще причинить много зла.

Слово „элементаръ" часто употребляется для обозначенія Малаго Разума, облеченнаго въ тѣло желанія, пока этотъ послѣдній не разстался съ высшими началами и пока первый не былъ вновь поглощенъ виновникомъ своего бытія—Высшимъ Разумомъ. Эти элементары могутъ быть безвредные и вредные.

Другіе писатели тоже употребляютъ это слово какъ синонимъ скорлупы и такимъ образомъ еще больше увеличиваютъ запутанность терминовъ. Названіе элементаръ должно было бы прилагаться только къ тѣлу желанія съ придаткомъ Высшаго Разума въ тѣхъ случаяхъ, когда низшій Манасъ еще не отдѣлился отъ страстныхъ элементовъ человѣка и не слился еще со своимъ источникомъ, а также, когда онъ уже отдѣлился отъ своего высшаго Эго и находится на пути къ своей погибели.

Перев. **А. Борніо.**

*) См. Семь началъ, А. Безантъ, стр. 44—46.



# Звукъ-Созидатель *).

**(Э. Дайна).**

*(Продолженіе **).*

Въ предыдущей статьѣ мы имѣли дѣло съ анализомъ вибрацій звука—производимаго тѣломъ и съ самимъ звукомъ, какъ съ явленіемъ слуха. Являющаяся отсюда *числовая гамма*, взятая отъ вибрирующихъ сегментовъ или отъ „*спектра*" ноты и ея отзвуковъ, представляетъ извѣстныя существенныя черты, которыя мы находимъ, ясно произведенными, въ *спектрѣ* химическихъ элементовъ. Если слышимый звукъ есть до извѣстной степени отголосокъ Первичнаго звука, то можно принять три „аріи" въ спектрѣ химическихъ атомовъ, какъ выраженіе работы породившаго ихъ тройственнаго звука. Во всемъ этомъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чѣмъ-то высшимъ, чѣмъ простая выясняющая аналогія.

Инволюція жизни въ матеріи и „*созданіе*" послѣдней, планъ за планомъ, были описаны по отношенію къ „танматрамъ" и „таттвамъ" древней науки (Evolution of life and Form 127); это даетъ возможность представить себѣ нѣсколько и принципъ, который управляетъ послѣдовательнымъ наростаніемъ аггрегатовъ мелкихъ единицъ въ бóльшія, и этихъ бóльшихъ въ еще бóльшія, и такъ далѣе. Въ обратномъ направленіи физическій атомъ разсматривается какъ содержащій матерію и жизнь астральныхъ атомовъ, въ ко-

*) Статья эта находится въ Theosophical review за 1903 годъ, октябрь № 15. стр. 159, 168 = 201 до 210.

**) „Вѣстникъ Теософіи" 1909 г., № 4. Рисунки см. тамъ же.

торыхъ находятся въ свою очередь матерія и жизнь слѣдующихъ, болѣе тонкихъ атомовъ; и такъ далѣе въ высь, до тѣхъ вибрацій звука въ Акашѣ, породившихъ совокупность всего движенія. Если это помнить, то сочетанія спектровъ представляютъ интересное поле для наблюденія. Нѣкоторые элементы и многія звѣзды дали спектры, линіи которыхъ сгруппировались въ удивительныя красивыя сочетанія. Сочетанія углерода изображены въ прилагаемомъ рисункѣ, къ сожалѣнію не въ краскахъ. Эта совокупность вибрацій представляетъ жизнь самого атома „углерода". Если разсматривать ее, какъ одно цѣлое, она состоитъ изъ 5 группъ различныхъ сочетаній (*оранжево-желтое, зеленое, голубое, синее и фіолетовое*, въ восходящемъ порядкѣ) и они сгруппированы „гармонично". Каждая групповая единица состоитъ изъ отчетливой серіи различныхъ сочетаній, расположенныхъ *какъ свѣтовая нота* съ ея дополнительными тонами, и всѣ эти 5 группъ находятся въ атомѣ углерода. Но и въ свою очередь, каждое индивидуальное сочетаніе, въ своей группѣ, само по себѣ есть собраніе красиво распредѣленныхъ серій линій со своей основной нотой и своими обертонами,—постепенно ослабѣвающими до невидимости.

Углеродъ играетъ очень любопытное и важное значеніе въ органической жизни, дѣйствуя, повидимому, какъ главный каналъ для творческихъ силъ второй волны жизни. Въ виду этого еще болѣе интереснымъ становится прослѣдить звуковое начало, выраженное въ очаровательныхъ сочетаніяхъ спектра, которыя скомбинировались въ гармоническія группы; послѣднія, въ свою очередь, располагаются звукообразно при построеніи химическаго углероднаго атома. Такимъ образомъ въ спектрѣ углерода мы имѣемъ *тройственный звукъ, поющій пятизвучный аккордъ,* который столько же богатъ тонкими обертонами, сколько и красивъ своей стройностью; въ этомъ видѣ онъ замѣчательно символизируетъ тройственную жизнь, проникающую всѣ 5 плановъ нашей проявленной системы.

Въ той или иной формѣ мы набросали признаки звука, созидающаго наши химическіе атомы, и теперь мы можемъ обратиться къ свидѣтельству, которое представляетъ спектръ относительно *характерныхъ „нотъ"* различныхъ простыхъ и сложныхъ тѣлъ. Это свидѣтельство находится въ „ирраціональности" призматическихъ спектровъ, получаемыхъ пропусканіемъ свѣта черезъ вещества, которыя мы хотимъ разсматривать. Если пропустить лучъ бѣлаго свѣта черезъ призму, скажемъ, стеклянную, то онъ выйдетъ изъ нея преломленный, въ видѣ краснаго, оранжеваго,

зеленаго, голубого, синяго, фіолетоваго цвѣта. Но эти цвѣта расположены неравномѣрно, а болѣе или менѣе стягиваются около краснаго съ одной стороны и растянуты со стороны фіолетоваго; въ этомъ-то и заключается „ирраціональность“ разсѣянія лучей свѣта призматическаго спектра. Не касаясь тѣхъ немногихъ веществъ, которыя даютъ совершенно неправильный спектръ съ перемѣщеніемъ выше указаннаго цвѣтового порядка, мы можемъ считать нашу иллюстрацію типичной для ирраціональнаго разсѣянія лучей; горизонтальныя линіи обозначаютъ въ ней центръ каждаго цвѣтового поля, а сжатые К. О. и Ж. представляютъ контрастъ съ значительно растянутыми Г. С. и Ф. Двѣ разныя степени этого уклоненія мы видимъ на иллюстраціи: ихъ разстоянія соотвѣтствуютъ нашей *Нотѣ* съ ея дополнительными тонами (обертонами); эти разстоянія могутъ быть сравниваемы съ двумя нотами одинаковой высоты, но различнаго качества, такъ какъ онѣ даютъ различныя серіи дополнительныхъ тоновъ. Нѣтъ двухъ веществъ, которыя совершенно одинаково разсѣивали бы свѣтъ; будь-то стекло различной плотности или кристаллъ, или газы, жидкости, или растворы въ стеклянныхъ призматическихъ бутылкахъ, или металлъ, еслибъ онъ могъ быть настолько тонкимъ, чтобы быть прозрачнымъ,—каждый имѣетъ свое характерное для него разсѣяніе лучей, каждый имѣетъ, можно сказать, свою собственную ноту. Почему это именно такъ, составляетъ довольно сложный вопросъ, для выясненія котораго необходимо было принять во вниманіе длину различныхъ свѣтовыхъ волнъ, размѣръ молекулъ даннаго вещества, вибраціи и дѣйствіе на эфиръ этихъ молекулъ и т. д. Суть вопроса въ томъ, что различность разсѣянія свѣтовыхъ лучей зависитъ отъ молекулярнаго состава этихъ различныхъ веществъ. Нѣтъ двухъ одинаково построенныхъ веществъ, и нѣтъ двухъ веществъ одинаково разсѣивающихъ свѣтъ. Каждое вещество имѣетъ свое характерное нѣчто въ своей организаціи, въ своей жизни или строеніи, что объясняетъ гармоническое распредѣленіе его особаго разсѣянія.

Такъ какъ всѣ вещества разсѣиваютъ свѣтъ по способу, который мы называемъ „*звуковымъ спектромъ*“, т. е. по образцу основной ноты съ ея дополнительными тонами,—то очевидно, что все построено *звукообразно*, и сложныя вещества, и химическіе атомы. *Звукъ* не только создаетъ формы, но и даетъ имъ *жизнь*, приспособляя одно къ другому. Вотъ почему какъ группы Менделѣева типичныхъ химическихъ и иныхъ элементовъ находятся въ прогрессивномъ порядкѣ, точно также соли, добываемыя изъ

каждой такой группы, представляютъ типическія формы кристалловъ съ осложняющейся варіацией угловъ. Менделѣевъ привелъ систему всѣхъ этихъ физическихъ и химическихъ „качествъ" въ числовую систему „періодическихъ функцій", атомическихъ вѣсомостей. Во истину звукъ, цвѣтъ и число лежатъ въ корнѣ всего.

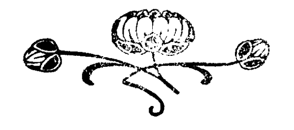
Принимая эти гармоническія размѣщенія какъ указаніе на природу различаемаго звука, мы можемъ найти проявленіе этого звукового принципа въ строеніи и размѣрахъ многихъ знакомыхъ намъ предметовъ. Древняя наука объясняла, что нѣкоторыя ступени проявленной жизни создались постепеннымъ строительствомъ высшихъ формъ матеріи. Такъ, напримѣръ, извѣстная мѣра творческой энергіи, впервые появляющейся какъ *Акаша*, звукъ, намѣчаетъ схему новой формы, опредѣляя такимъ образомъ основныя черты, по которымъ должна быть построена возникающая форма. Затѣмъ форма заполняется; подробности выработаны. Звукъ вызвалъ новую форму, новую „*ноту*" своей торжествующей гармоніи. Такъ какъ все это совершается, намъ говорятъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вокругъ каждаго опредѣленнаго центра или вихря активной энергіи, то интересно изслѣдовать расположеніе всѣхъ рядовъ подобныхъ постепенныхъ размѣщеній вокругъ одного общаго центра. Мы видимъ такое сочетаніе въ слѣдующей иллюстрированной таблицѣ, на которой легко прослѣдить расположеніе по радіусу или спиральное вокругъ даннаго центра рядовъ различной величины. Такимъ образомъ расположенные обертоны образуютъ изображенную здѣсь „звѣзду", которая можетъ служить примѣромъ тѣхъ основныхъ чертъ, по которымъ строится форма. На слѣдующей ступени нѣкоторыя подробности закончены, промежутки заполнены и мы получаемъ знакомую намъ форму раковины. Различныя формы такихъ раковинъ зависятъ отъ различнаго *качества* создавшаго ихъ звука; изъ другихъ обертоновъ произошли бы другія формы. Сегменты спиральныхъ граней разумѣется производятъ новую серію, инымъ образомъ расположенныхъ линій, и эта вторая серія зависитъ отъ первой. Въ далѣе изображенной конической раковинѣ мы видимъ третью серію обертоновъ, возникающихъ отъ подъема ея коловращенія. Три серіи такой раковины соотвѣтствуютъ тремъ серіямъ атома. *Три ноты* служатъ къ созданію какъ атома, такъ и раковины, и цвѣтовая жизнь одного и музыкальная форма другой доказываютъ тройственный звукъ въ каждой изъ нихъ.

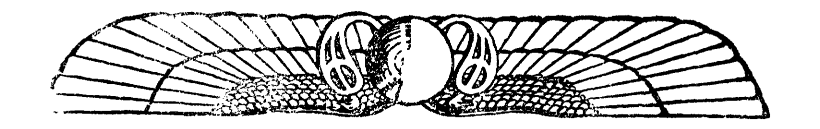
Переходя отъ неорганической жизни атома и разныхъ видовъ раковинъ, мы обратимся къ слѣдующей иллюстрированной

таблицѣ, показывающей видъ папоротника, (Cystopteris fragilis), какъ типъ тѣхъ обертоновъ, которые постоянно встрѣчаются въ ботаникѣ. Справа мы видимъ правильныя разстоянія между парами листьевъ въ восходящемъ постепенномъ порядкѣ—въ видѣ съ уживающейся гаммы; эти серіи листьевъ, разсматриваемыя въ совокупности, могли бы быть выражены числовой формулой, но и каждый отдѣльный листокъ также построенъ звукообразно и, при разсмотрѣніи, могъ бы также указать свою индивидуальную *ноту*, и еще дальше, каждое зубчатое подраздѣленіе каждаго листка поетъ свою особую тоненькую ноту. Въ этомъ спектрѣ папоротника мы встрѣчаемся снова со всѣми особенностями сочетаній атома. Свѣтовой спектръ углерода даетъ всѣ линіи параллельными, и если мы приведемъ въ параллельное положеніе линіи гармоническаго сочетанія папоротника, то онѣ составятъ весьма удовлетворительное подобіе группъ „сочетаній" углерода. Нота съ обертонами низшей пары листьевъ, изъ которой каждая пара выражаетъ обертоны своихъ зубчатыхъ подраздѣленій, вполнѣ помогутъ выяснить эту идею. Мы видимъ звукъ, внѣдряющійся въ каждую подробность и затѣмъ возвращающійся къ себѣ для созданія болѣе сложной формы.

Наши раковины и нашъ папоротникъ только типическіе примѣры того, что постоянно встрѣчается въ природѣ. Раковины молюсковъ являются лишь маленькимъ примѣромъ тѣхъ удивительныхъ звуковыхъ формъ, которыя микроскопъ открываетъ намъ въ Faraminifera, красота и разнообразіе которыхъ превосходятъ всякое воображеніе. Эти самые спирали и распредѣленіе промежутковъ являются опять въ расположеніи бутоновъ и листьевъ растительнаго царства и ихъ геометрическія сочетанія занесены въ разные классы ботаникомъ. Черепицевидная чешуя еловыхъ шишекъ, гадовъ и рыбъ расположены на подобіе тѣхъ же раковинъ. Между тѣмъ, всѣ эти звуковыя формы происходятъ отъ расположенія породившихъ ихъ клѣточекъ. И строеніе всего органическаго міра такого же звукового происхожденія, какъ мы это видимъ въ металлахъ, въ жидкостяхъ, въ стеклѣ, или же въ атомахъ, лежащихъ въ основѣ всего.

Перев. **А. У.**





# Ганга, рѣчная дѣва.

А. Б.

(Легенда изъ Аріаварта).

Великій Богъ Шива спалъ. Онъ спалъ далеко, далеко, среди тѣхъ высокихъ горъ, которыя защищаютъ Аріаварту отъ набѣговъ съ сѣвера. Вокругъ него поднимались въ небо снѣжныя вершины Гималаевъ и во время его сна Царь Морозъ игралъ съ его бурно развѣвающимися волосами, и придворныя дѣвы снѣга и льда навѣсили заледенѣлыя капли на волосы его лица и головы. Шива все спалъ и спалъ: онъ спалъ много вѣковъ, потому что очень усталъ. Во время же его сна солнце палило и жгло поля и долины его страны и все засохло: зеленыя травы и чудныя деревья, все, ибо въ то время рѣки не орошали землю. И народъ сталъ громко молить Шиву о водѣ, а Шива все спалъ.

Въ горахъ же жилъ великій царь, царь Гимаватъ, съ своей супругой, прекрасной Меной, матерью крылатаго Майнака и прелестной дочери, которая была названа Гангой. Гуляя однажды въ ледяномъ царствѣ своего отца, она увидѣла впервые ледяную пещеру. Съ сверкающихъ стѣнъ спадали ледяныя цѣпи; ледяные столбы поддерживали высокіе своды. Она стояла на порогѣ и застѣнчиво глядѣла въ глубь пещеры. Вдругъ въ пещеру ворвался лучъ свѣта и разсыпался семью цвѣтами по стѣнамъ и по своду. Ганга всплеснула руками отъ восторга и вбѣжала въ пещеру. Ее долго всюду искали. Никому не приходило въ голову заглянуть въ ледяную пещеру, образовавшуюся въ волосахъ Шивы. Наконецъ Гимаватъ и Мена нашли ее и стали бранить за долгое отсутствіе; но когда она показала имъ волшебную пещеру, они простили ее и сдѣлали себѣ изъ пещеры жилище.

Однажды Гимаватъ вернулся съ своего путешествія грустный и озабоченный.

„Что съ тобой, царь и мужъ мой?“ прошептала тихо Мена, а Ганга взобралась къ нему на колѣни и обвила его шею нѣжною рукой. Царь сказалъ: „Страна сильно страдаетъ отъ недостатка воды; хлѣба спалены, стада голодны и дѣтямъ нечего ѣсть. Шива спитъ и не заботится о несчастіи; боги не помогаютъ людямъ“.

Онъ смолкъ и ничто не прерывало молчанія. Но вдругъ, какъ будто тихое дуновеніе пронеслось по ледяной пещерѣ; съ золотыхъ волосъ Ганги стала капать вода, и ледяной вѣнецъ на ея головѣ началъ медленно таять. Гимаватъ посмотрѣлъ на нее и закрылъ лицо руками, а она прошептала ему въ ухо: „Развѣ нельзя помочь людямъ?“

Онъ поднялъ глаза, полные слезъ, на свое дитя. „Ахъ, Ганга, можно помочь, да трудно. Если бы дѣва чистая, какъ ледъ, и бѣлая, какъ снѣгъ, оставила свой домъ и сошла бы навсегда въ безплодныя низкія долины, тогда бы отъ свободно отданной ею жизни родилась бы жизнь для погибающаго народа, и имя ея стало бы любимымъ и священнымъ во всей Аріавартѣ“.

Ганга поняла, что великій отецъ молитъ ее принять эту жертву; но она убѣжала и скрылась въ глубинѣ ледяной пещеры. Стоны умирающихъ поднимались къ пылающему небу и доносились до пещеры, но она не двигалась.

Тогда отецъ сталъ ее просить и мать со слезами молила ее отдать свою жизнь людямъ, но Ганга не двигалась. Однажды Гимаватъ вошелъ въ пещеру съ умирающимъ ребенкомъ на рукахъ; его нѣжная кожа изсохла отъ жары, губы почернѣли, уста раскрылись, а стеклянные глаза были неподвижны. Гимаватъ положилъ ребенка на колѣни Гангѣ и сказалъ: „Дитя умираетъ отъ жажды“. Ганга наклонилась надъ дѣтскимъ личикомъ и капля воды скатилась съ ея головы на засохшія уста; они сразу порозовѣли, и дитя съ улыбкой радости раскрыло свои глаза. Ганга вскочила на ноги.

„Отецъ, мать, я пойду, я спасу погибающій народъ, я верну радость дѣтямъ, которыя умираютъ отъ жажды“.

И красота великаго отреченія осѣнила ея лицо. Она вышла изъ ледяной пещеры, въ которой видѣла столько невинной личной радости. Какъ только она вышла, она стала таять; блестящіе золотые волосы и бѣлыя руки ея исчезли и родникъ чистой и нѣжной воды полился, пѣнясь, по золотистому песку. Вода роко-

тала: „Я Ганга, Ганга, я иду благословить жаждущія долины, я несу жизнь умирающимъ отъ жажды по моему потоку".

И куда бы ни явилась Ганга, всюду выростали съ привѣтомъ цвѣты; величественныя деревья склонялись надъ ея водами, ослабѣвшія стада черпали силу, стоя по колѣно въ ея водахъ, дѣти заигрывали съ ея волнами, сильные мужчины купались въ ея потокѣ, красивыя женщины омывали свое тѣло въ ея прудахъ. Дѣва Ганга сдѣлалась матерью Гангой; она давала жизнь, радость и плодородіе широкимъ долинамъ Аріаварт'ы.

Отданная жизнь сдѣлалась источникомъ жизни для всей великой индусской страны. И понынѣ Ганга течетъ къ морю и шепчетъ про себя: „Отдавать себя другимъ—долгъ; распространять счастье вокругъ себя—высшая радость".

До сихъ поръ индусъ, умирающій вдали отъ священной рѣки, молится, чтобы его пепелъ былъ брошенъ въ темнокрасныя глубины Ганги. Съ послѣднимъ вздохомъ уста умирающаго еще шепчутъ: „Ганга! Ганга!", а глаза его въ послѣдній разъ обращаются на чистый величавый потокъ Ганги.

Перев. **Alba.**

## ИЗРЕЧЕНІЯ МУДРЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Хочешь-ли ты Бога видѣть лицомъ къ лицу? Не ищи его за облаками; ты найти Его можешь вездѣ, гдѣ бываешь. Въ жизнь преданныхъ Ему всмотрись и ты узришь Его. Отдавайся Ему самъ и ты найдешь Его въ своей груди.

(Фихте).

По мѣрѣ совершенія мудрыхъ дѣлъ, все болѣе и болѣе жизни прибываетъ къ человѣку.

(Джонъ Рёскинъ).

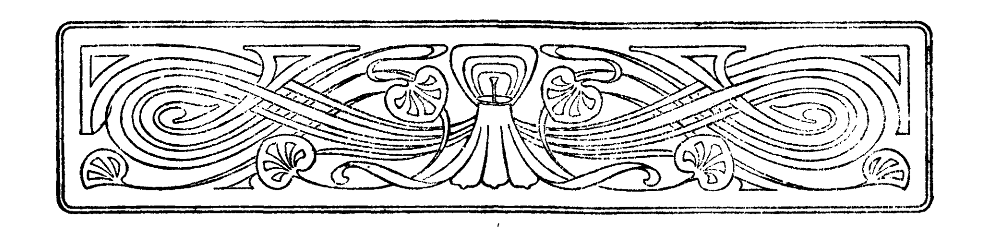
Знать многое и не выставлять себя знающимъ есть нравственная высота. Знать мало и выставлять себя знающимъ есть болѣзнь. Только понимая эту болѣзнь, мы можемъ избавиться отъ нея.

(Лао Тсе).

***

Въ далекихъ небесахъ, въ сіяніи жизни вѣчной
Изъ лона Божьяго родилася душа;
Избравъ сознательно путь скорби безконечной,
Въ нашъ міръ спустилася, сочувствіемъ дыша:
Любви исполнена высокаго завѣта,
Его въ нашъ грѣшный міръ стремилась провести
И ей, поборницѣ Добра, Тепла и Свѣта,
Весь міръ препятствія воздвигнулъ на пути!
И долго суждено на свѣтѣ ей томиться,
Терпя гоненіе отъ пошлости и зла,
Страдая и любя,—пока не возвратится
Въ отчизну дальнюю, откуда отошла.
Когда-жъ, скорбей и мукъ пройдя черезъ горнило,
Свой путь она свершитъ,—нетронута, чиста,
Она вернется въ край, гдѣ блещутъ лишь свѣтила,
Живутъ лишь Истина, Добро и Красота!

**Н. Броницкая.**



# Письмо изъ Парижа *).

(Попытка создать центръ братскаго единенія среди рабочихъ).

Всѣ теософы помнятъ горячій призывъ г-жи Анни Безантъ группироваться и составлять лиги активной борьбы за наши идеалы.

„Орденъ служенія“ вызвалъ много энтузіазма, и въ отвѣтъ на его призывъ создались многочисленныя лиги. Особенно въ Англіи закипѣла работа и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она насчитывала рядъ интересныхъ группъ. Во Франціи дѣло шло медленнѣе и только въ ноябрѣ 1908 г. возникла идея двухъ лигъ: „Лига воспитанія“ и „Association fraternelle du Lotus“. О послѣднемъ опытѣ хочу сказать нѣсколько словъ.

Въ душѣ каждаго человѣка, достигшаго извѣстной ступени развитія, есть идеалистическія потребности. Эти потребности не ограничиваются какимъ нибудь извѣстнымъ классомъ, лишь выражаются онѣ въ различныхъ формахъ. Въ тѣ времена, когда религіозность была еще распространена во Франціи, церковь и молитва отвѣчали на эти требованія; душа, искавшая Бога, находила религіозный идеалъ и служила ему. Времена перемѣнились, послѣдніе годы острой борьбы Государства съ Церковью во Франціи удалили религію изъ школъ и общественной жизни. Церкви, конечно, еще стоятъ, но посѣщаетъ ихъ преимущественно состоятельный классъ, пролетаріатъ въ нихъ почти отсутствуетъ. Если у интеллигентовъ религію могутъ до извѣстной степени за-

*) Помѣщаемъ письмо нашей соотечественницы И. М., по иниціативѣ которой создалось это симпатичное начинаніе. *Прим. Ред.*

мѣнить наука, искусство и филантропія, то рабочему это далеко не такъ доступно. А между тѣмъ, хотя и безсознательно, но идеалистическія потребности въ его душѣ живутъ. Теософія съ ея широтой, съ ея этическимъ богатствомъ, съ ея идеалами и драгоцѣнными психологическими знаніями можетъ удовлетворить самыя разнообразныя требованія. Но еще важнѣе то, что наша идея братства позволяетъ намъ сближаться съ людьми и вызываетъ ихъ довѣріе. Всѣ эти мысли легли въ основу новаго предпріятія. Оставалась практическая сторона. Но и тутъ судьба помогла. Рабочій-механикъ, услыхавъ о возникновеніи этого дѣла, самымъ горячимъ образомъ откликнулся, и своимъ совѣтомъ, своимъ опытомъ, своей принадлежностью къ рабочему классу предохранилъ основателей отъ многихъ ошибокъ и сразу пріобрѣлъ кружку учредителей довѣріе товарищей.

Въ отдаленномъ рабочемъ кварталѣ Plaisance въ Парижѣ было нанято маленькое помѣщеніе, служившее раньше лавкой. Оно состоитъ изъ довольно большой свѣтлой комнаты, маленькой кухоньки и крохотнаго угла, служащаго пріемнымъ кабинетомъ. Снаружи взглядъ прохожихъ привлекается зеленой вывѣской съ бѣлой надписью: „Le Lotus".

Зачѣмъ было выбрано именно это названіе? Кромѣ его символическаго значенія, слово это ясно указываетъ, что не прикрываетъ собой какого нибудь миссіонерскаго предпріятія или политическаго кружка. Очень важно сразу устранить возможность какого нибудь невѣрнаго представленія.

Обстановка тоже отвѣчаетъ этому стремленію. Цвѣта „Лотоса" бѣлый и зеленый; такъ выкрашены стѣны, такого же оттѣнка и камышевая мебель. Красивые эстампы Ривьеры на стѣнахъ, піанино, книжный шкафъ—все придаетъ привѣтливый, не банальный видъ помѣщенію. Уставъ былъ выработанъ вмѣстѣ съ рабочими и цѣлью признано: „Достиженіе всеобщаго братскаго единенія путемъ нравственнаго и умственнаго развитія". Для этого предпринимаются: чтенія, бесѣды, разнаго рода курсы, устраиваются музыкальные вечера, прогулки, разъ въ недѣлю собираются дѣти. Двери Лотоса открыты всегда и для всѣхъ.

Уже съ первыхъ собраній выяснилось стремленіе къ общему сотрудничеству. Устроители не хотѣли вырабатывать готовой программы, которая могла и не соотвѣтствовать даннымъ условіямъ, а ждали спроса, чтобы на него отвѣтить.

Первымъ оказался спросъ на математику! Большинство членовъ были механики, которымъ очень важно знать математику;

знаніе это позволяетъ имъ зарабатывать больше и подвигаться скорѣе впередъ.

Въ теченіе зимы 1909 года работа въ „Лотосѣ" кипѣла и въ іюнѣ, шесть мѣсяцевъ послѣ открытія, жизнь „Лотоса" представляла изъ себя такую картину:

Было около 50 членовъ рабочихъ (объ организаціи ихъ скажу ниже), столько же женщинъ, какъ и мужчинъ; члены изучали кто нѣмецкій, кто англійскій языки, кто математику. Образовался маленькій хоръ, который разъ въ недѣлю собирался въ „Лотосѣ" для спѣвокъ и каждую среду было собраніе съ чаепитіемъ. Въ эти среды бывали интересныя бесѣды на разныя темы (напр. объ идеалѣ счастья каждаго), были прочитаны лекціи по гигіенѣ, морали, праву; были бесѣды о путешествіяхъ, о медицинѣ, объ исторіи и т. д., а послѣ лекцій, за чашкой чая и московскими чайниками, присланными „Лотосу" изъ Россіи, обсуждались всѣ эти вопросы. Вскорѣ родители привели и дѣтей, пришлось ими заняться. Группа эта еще не совѣмъ организована, но уже намѣченъ планъ занятій.

Внутренняя организація такова:

Во главѣ „Лотоса" стоитъ Комитетъ изъ семи лицъ; вокругъ него группируются члены (активные), платящіе 2 франка въ мѣсяцъ, и члены, платящіе 50 сантимовъ въ мѣсяцъ; къ этимъ членамъ и принадлежатъ почти всѣ 50 рабочихъ. Могутъ сказать: но гдѣ же Теософія? Въ узкомъ смыслѣ слова теософической пропаганды не ведется, да вѣдь и сказано: „нельзя *обращать* въ Теософію, нужно *быть* Теософомъ". Но общій духъ настолько отличается отъ духа народныхъ университетовъ разныхъ кружковъ и очаговъ, что стоитъ только разъ побывать въ „Лотосѣ", чтобы это почувствовать. Главное — отсутствіе точно установленной программы. Помощь дается во всѣхъ формахъ. Есть и маленькая вспомогательная касса, которая выручаетъ въ критическій моментъ займомъ, были найдены мѣста и занятія нуждающимся, были даны юридическія и медицинскія консультаціи, были приложены всѣ усилія войти въ положеніе каждаго и помочь, какъ братъ помогаетъ брату. Это отношеніе и есть характерная черта „Лотоса" — довѣріе, близость и всеобщее увлеченіе дѣломъ. Ни одно изъ пессимистическихъ пророчествъ (что въ „Лотосъ" будутъ обращаться только за матеріальной помощью, что будутъ приходить только лодыри и проходимцы, что идеалистическія стремленія во французскомъ рабочемъ отсутствуютъ и, слѣдовательно, „Лотосъ" обреченъ на смерть) не сбылось.

„Лотосъ“ сталъ тѣмъ центромъ, гдѣ родственныя души могутъ встрѣчаться и общаться. Его лозунгъ: стремленіе къ идеалу— и никакая партійность не разбиваетъ это стремленіе. Двери его также широко раскрыты, какъ сердца членовъ; ихъ общая надежда, что этотъ центръ тепла и свѣта будетъ служить все большему и большему числу людей.

**И. М.**

---

## Association Fraternelle du „LOTUS“

Statu s déposés conformément à la loi le 22 Février 1909

*Siège Social: 10, rue des Suisses (XIV-me)*

---

## STATUS

### Article Premier.

Il est fondé une association, dont le siège est à Paris, et qui prend le nom d'Association Fraternelle du „Lotus“.

### Article II.

Le but de l'Association est le développement et la mise en pratique de l'idée de Fraternité universelle, par la culture morale et intellectuelle.

### Article III.

Pour répondre au but qu'elle s'est proposée, l'Association organise: des conférences, causeries, lectures, cours, réunions musicales et littéraires, excursions, visites, garderies d'enfants, consultations médicales et juridiques, ainsi qu'un service d'informations générales, dans la mesure de ses moyens.

### Article IV.

L'Association s'interdit formellement d'adhérer, en tant qu'association, ni à aucune église, ni à aucun parti politique.

### Article V.

L'Association se compose de membres honoraires, donateurs, actifs et adhérents. Les membres honoraires sont nommés par l'Assemblée générale.

Sont membres donateurs les personnes qui, sans participer d'une manière efficace à l'activité de l'Association, ont contribué à son développement par des dons en argent ou en nature, d'une valeur d'au moins 50 francs.

Sont membres actifs les personnes qui participent effectivement à l'activité de l'Association, et qui ont été agréées par le Comité. Les membres actifs versent une cotisation mensuelle de 2 francs. Le nombre des membres actifs ne peut dépasser vingt-cinq.

Sont membres adhérents les personnes payant une cotisation mensuelle de 0,50, agréées par le Comité.

Article VI.

L'Association est dirigée par un Comité de sept membres, nommés pour un an par l'Assemblés générale, et rééligibles.

Ne peuvent être membres du Comité que les membres actifs.

Le Comité choisit dans son sein un Président, un Secrétaire et un Trésorier.

Article VII.

Les membres de l'Association, ou leurs parents s'iles sont mineurs, ainsi que les personnes invitées aux réunions et excursions organisées par l'Association, sont seuls responsables des accidents qui pourraient leur arriver durant ces réunions ou excursions

Article VIII.

Si le Comité juge qu'un membre trouble les réunions de l'Association, ou nuit à son bon renom, il pourra prononcer son exclusion, après l'avoir mis à même de fournir des explications.

Article IX.

L'Assemlée générale est constituée par tous les membres de l'Association; mais ne sont électeurs, et ne prennent part aux votes, que les membres honoraires et actifs L'Assemblée délibère valablement quand elle comprend la moitié plus un des membres honoraires et actifs. Elle se réunit une fois par an sur la convocation du Comité, pour recevoir communication des comptes, entendre un rapport sur l'exercice écoulé, et élire les membres du Comité pour l'exercice suivant.

Les convocations doivent être envoyées au moins huit jours d'avance.

Les résolutions sont prises à majorité des membres présents votants.

Article X.

Les présents Statuts ne peuvent être modifiés que par une Assemblée générale comprenant, au moins, la moitié plus un des membres honoraires et actifs, et à la majorité des membres présents votants.

Article XI.

La dissolution ne pourra être prononcée que par une Assemblée générale compenant la moitié plus un des membres honoraires et actifs et à la majorité des deux tiers des membres présents votants.

Article XII.

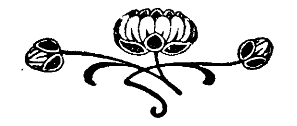
Si l'Assemblée générale prévue aux articles IX, X, XI, ne comprend pas la moitié plus un des membres honoraires et actifs, une seconde Assemblée est convoquée de nouveau à huit jours d'intervalle, laquelle délibère valablement quel que soit le nombre des membres présents.

Article XIII et dernier.

Un règlement intérieur, arrêté par le Comité, détermine les détails de l'Administration et les conditions du fonctionnement de l'Association.

Les clauses de ce règlement ne pourront contenir aucune disposition contraire aux présent status.

*La Présidente,* J. de Manziarly — *Le Secrétaire,* M. Boulet — *La Trésorière,* C. Blanck



## ИЗРЕЧЕНІЯ МУДРЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Чѣмъ глубже спускается человѣкъ въ самого себя и чѣмъ ничтожнѣе онъ представляется себѣ, тѣмъ выше поднимается онъ къ Богу.

О ты, ищущій безсмертной истины; владѣй своими мыслями, если ты хочешь достигнуть своей цѣли, устреми взоръ своей души на тотъ единый чистый свѣтъ, который свободенъ отъ страсти.

(Рамакришна).

Вы должны проникнуться твердой рѣшимостью, чтобы все ваше было Божье, тогда и вы будете Божьи. И вы должны дѣлать это просто и спокойно, думая о себѣ только какъ о существѣ, посланномъ для исполненія Его дѣла, и въ каждую свободную минуту обдумывая то, что вамъ предстоитъ сдѣлать въ слѣдующую.

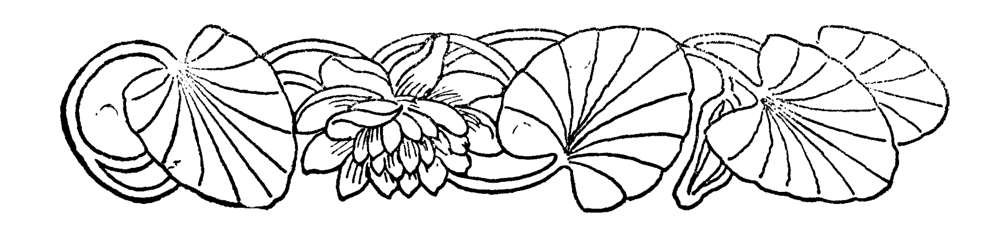
(Джонъ Рёскинъ).

Если-бы мы только постоянно помнили, что Богъ въ насъ—свидѣтель всего того, что мы дѣлаемъ и думаемъ, то мы перестали-бы грѣшить, и Богъ неотлучно пребывалъ бы въ насъ. Давайте же вспоминать Бога, думать и бесѣдовать о Немъ какъ можно чаще.

(Эпиктетъ).

Одинаково недостойно человѣка разумнаго и желать смерти, и страшиться ея.

(Арабская мудрость).



# Изъ дневника Теософа.

Въ прохладномъ утреннемъ воздухѣ прозвучалъ пароходный колоколъ, возвѣщавшій приближеніе къ англійскому берегу. Пассажиры высыпали на палубу. Бѣлыя скалы Альбіона красиво вырисовывались въ голубой дымкѣ, все рельефнѣе выступая намъ на встрѣчу. Сѣрыя волны Сѣвернаго Моря все тише и тише покачивали пароходъ. Еще мгновеніе, и мы причалили къ берегу и насъ окружила совершенно особая, дѣловитая безшумная суета англійскаго порта. Все въ Англіи дѣлается просто, быстро, дѣловито, безъ лишнихъ словъ и безъ того обычнаго шума, который на континентѣ вездѣ сопровождаетъ пароходное и желѣзнодорожное движеніе. Черезъ полчаса мы уже сидѣли въ маленькомъ уютномъ англійскомъ поѣздѣ и летѣли въ Лондонъ.

Лондонъ насъ встрѣтилъ пасмурно; холодная, дождливая погода, свинцовыя тучи и сырой, непріятный воздухъ. Улицы, залитыя дождемъ; сѣрые, угрюмые дома и среди тумана и дождя головокружительное движеніе кэбовъ, омнибусовъ и автомобилей. Несмотря на такое движеніе—порядокъ образцовый. На каждомъ перекресткѣ,—суроваго вида, но чрезвычайно любезные и услужливые полисмэны поднятіемъ и опусканіемъ руки регулируютъ движеніе и, какъ по мановенію жезла, экипажи останавливаются, и пѣшеходы безопасно переходятъ улицу.

Мимо центральнаго парка Hyde-Park, мы мчимся къ Edgware-Road и затѣмъ къ тихому зеленому кварталу Maida Vale.

Одна изъ самыхъ очаровательныхъ особенностей Лондона, это его тѣнистые парки, въ которыхъ пасутся цѣлые стада, а рабочіе завтракаютъ и отдыхаютъ на газонѣ подъ вѣковыми де-

ревьями. Такіе парки находятся во всѣхъ частяхъ города и являются настоящими оазисами среди сѣрыхъ и шумныхъ улицъ современнаго Вавилона. Но еще болѣе изумительны общественные сады, составляющіе съ прилегающими къ нимъ улицами, цѣлые острова зелени. Такимъ островомъ является Maida Vale. Вокругъ нашего сада (здѣсь ютится нашъ пансіонъ) группируется 96 домовъ, выходящихъ своими фасадами на 4 улицы и составляющихъ такимъ образомъ длинный четыреугольникъ, не дающій съ внѣшней стороны никакого представленія о тѣхъ чудесахъ, которыя скрыты за угрюмыми фасадами повидимому однообразныхъ его коттеджей. Внутренній дворъ, составляющій площадь не менѣе въ 1/2 квадр. версты, превращенъ въ цѣлый паркъ съ газонами, ярко-изумрудными кустами и тополями. На лужайкахъ рѣзвятся дѣти, въ густой листвѣ на тысячу ладовъ поютъ птицы и дѣлается почти невѣроятнымъ, чтобы этотъ чудный уголокъ могъ находиться въ Лондонѣ, въ полъ-часа ѣзды отъ центра. Въ дождливые и холодные дни садъ пустѣетъ, но стоитъ дождику ненадолго прекратиться, какъ въ него со всѣхъ сторонъ прибѣгаютъ юные обитатели Maida Vale, и сейчасъ же устраиваются многочисленные крокеты, футъ-бол'ы и лоунъ-теннис'ы. Англійская молодежь веселится какъ-то по своему. По сверкающимъ глазамъ, раскраснѣвшимся оживленнымъ лицамъ и быстрымъ ловкимъ движеніямъ ясно большое увлеченіе игроковъ, но отсутствіе криковъ и суеты поражаетъ, какъ совершенно небывалое явленіе. Здѣсь же можно спокойно читать серьезную книгу, бесѣдовать или углубленно работать.

Maida Vale любимый кварталъ мелкаго чиновничества и скромныхъ интеллигентныхъ тружениковъ. Это также любимый уголъ вегетаріанцевъ-теософовъ. Въ Maida Vale нѣсколько вегетаріанскихъ пансіоновъ, дающихъ за скромную для Лондона плату (отъ 30 до 42 шил. въ недѣлю, т. е. отъ 15 до 21 р.) чистую, уютную комнату, великолѣпный и разнообразный столъ и рядъ чисто семейныхъ удобствъ (пользованіе гостинной, ванной, садомъ). Въ одномъ изъ такихъ пансіоновъ, Hygeia House, мы остановились.

Все въ Hygeia House поражаетъ своей чистотой, порядкомъ и милой простотой. Атмосфера его необыкновенно симпатичная и всѣ чувствуютъ себя, какъ дома. Большинство его обитателей— теософы, постоянные жители Лондона, но есть много и пріѣзжихъ. Всѣ быстро знакомятся другъ съ другомъ, и скоро устанавливаются простыя, непринужденныя отношенія.

— Е-ли-за-ве-та И-ва-нов-на? переспрашиваетъ Англичанка, забавно коверкая русское имя, о какъ трудно! не легче ли просто сказать: „Sister Elisabeth“, можно?

Съ тѣхъ поръ мы другъ для друга: „Sister Vera“, „Sister Elisabeth“, „Sister Isabel“ и это милое нововведенiе насъ еще болѣе сближаетъ.

Моя скромная комната съ большимъ окномъ, въ которое ко мнѣ заглядываютъ птицы и тополя, дѣлается понемногу маленькимъ теософическимъ центромъ, и съ утра привѣтствуютъ меня дорогiе гости. Обыкновенно, около 9 ч., сидя за письменнымъ столомъ, я уже слышу стукъ въ дверь, а затѣмъ появляется одна изъ многочисленныхъ „Sister“.

— Вы работаете? Ради Бога простите и продолжайте, я не буду мѣшать. Возьму книгу и сяду молча рядомъ съ Вами. Можно? Мнѣ хотѣлось побыть нѣсколько минутъ съ моей „русской сестрой“.

Я улыбаюсь и откладываю книгу, заявляя, что считаю самую жизнь и наше общенiе выше всякихъ книгъ. Лучистые глаза „Sister Isabel“ радостно сверкаютъ.

— Какъ хорошо! Я вѣдь то же думаю, но я боялась Вамъ помѣшать. А побесѣдовать хочется о многомъ...

Мой другъ усаживается на коврѣ передъ каминомъ и задумчиво смотритъ въ огонь. Я усаживаюсь рядомъ и любуюсь непринужденной грацiей всѣхъ ея движенiй. „Sister Isabel“, не смотря на свои 50 лѣтъ и свои сѣдые волосы, все еще красавица. Высокая, тонкая, изящная, она всегда производитъ при появленiи своемъ въ обществѣ нѣкоторую сенсацiю. Принадлежа къ старинному шотландскому роду, она получила лучшее воспитанiе того времени и рано вышла замужъ. Ей было суждено потерять горячо любимаго мужа и всѣхъ дѣтей своихъ, въ раннемъ возрастѣ. Отъ горя и потрясенiй здоровье ея сильно пошатнулось и нѣсколько лѣтъ „Sister Isabel“ провела инвалидомъ, странствуя по Европѣ изъ санаторiи въ санаторiю. Ея необыкновенная наружность, задушевная простота и общительный характеръ всюду привлекали къ ней многочисленныхъ друзей и она быстро дѣлалась центромъ всеобщаго вниманiя и поклоненiя, но скорбь пребывала въ ея сердцѣ и жажда чего-то великаго и недостижимаго не давала ей покоя. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она встрѣтила на своемъ пути Теософiю. Душа ея загорѣлась и первый порывъ ея былъ бросить свою свѣтскую жизнь раздать свое состоянiе и пойти къ тѣмъ, кто нуждается въ свѣтѣ и хлѣбѣ насущномъ.

Но перемѣнивъ свой великолѣпный домъ на маленькій коттеджъ и начавъ самый скромный образъ жизни, она почувствовала вмѣстѣ съ большимъ облегченіемъ и большую отвѣтственность. „Съ чѣмъ я пойду къ нуждающимся? спросила она себя. Развѣ я готова? Развѣ я имѣю, что сказать имъ? Развѣ мнѣ самой не надо еще учиться и подготовить себя къ служенію?" Самые сложные и неожиданные вопросы нахлынули на нее со всѣхъ сторонъ и она стала учиться... Скоро она заняла видное мѣсто въ Теософическомъ движеніи Шотландіи и домъ ея сдѣлался маленькимъ очагомъ свѣта и тепла для всѣхъ томимыхъ жаждой духовной. Но „Sister Isabel" продолжала чувствовать себя неудовлетворенной. „Отчего общеніе происходитъ въ такомъ замкнутомъ кругѣ? спросила она себя. Отчего мы такъ мало знаемъ людей другихъ классовъ? Отчего они не приходятъ къ намъ?" И со свойственной ей рѣшимостью она сказала себѣ: „Если они не приходятъ, то я должна сама къ нимъ пойти, я должна найти нуждающихся". Съ этого момента она стала особенно зорко приглядываться къ людямъ, которые встрѣчались на ея пути, и какъ только замѣчала въ нихъ признаки горя или тревоги, то шла имъ на помощь со всей силой своей царственно-великодушной природы. Приведу одинъ изъ случаевъ такой помощи, ибо дѣло не въ томъ, что она помогала (помогаютъ многіе), а въ томъ, *какъ* она помогала.

На одномъ изъ теософическихъ собраній былъ поднятъ вопросъ о томъ: какъ можно помочь человѣку, озлобленному жизнью, если онъ не желаетъ слушать никакихъ утѣшеній и совѣтовъ? О Теософіи, очевидно, съ нимъ говорить нельзя. „Sister Isabel" сразу заинтересовалась и пожелала узнать, о комъ идетъ рѣчь. Ей сказали, что рѣчь идетъ объ одной учительницѣ, проведшей много лѣтъ въ качествѣ воспитательницы въ чужихъ домахъ и необыкновенно раздражительнаго и необщительнаго характера. Она потеряла мѣсто, искала занятій, но при ея нервномъ состояніи ей бы скорѣй слѣдовало полечиться, чѣмъ браться за новую работу. Она была такъ горда, что предложить ей какую-нибудь матеріальную помощь было почти немыслимо.

„Sister Isabel" отправилась къ ней. Она увидѣла молодую еще дѣвушку съ умнымъ и энергичнымъ лицомъ, нѣсколько надменнаго вида. „Sister Isabel" не смутилась.

— Вотъ что, сказала она, не удивляйтесь, если я съ Вами буду говорить совершенно откровенно, но ужъ таковъ мой нравъ, да и кромѣ того, я теософка; это значитъ, что для меня не существуетъ обычныхъ перегородокъ между людьми. Я очень оди-

нока: я потеряла мать, мужа и всѣхъ дѣтей. Я хотѣла попросить Васъ пожить со мною, пока Вы не найдете себѣ занятій".

Молодая дѣвушка подняла брови.

— Въ качествѣ кого-же?

— Да пока просто въ качествѣ моей гостьи. Можетъ быть Вы со временемъ и поможете мнѣ въ хозяйствѣ или въ другомъ чемъ, но прежде намъ надо приглядѣться другъ къ другу и Вы увидите насколько мой домъ Вамъ подойдетъ. Конечно, если Вы найдете себѣ какое-нибудь выгодное занятіе, я Васъ не буду удерживать. Денегъ, видите-ли, я совсѣмъ не могу Вамъ предложить. Мои средства очень скромныя.

— Ахъ, вотъ какъ! изумилась дѣвушка и подозрительно оглядѣла свою загадочную посѣтительницу. Такъ Вы меня приглашаете за столъ и комнату?

— Да; только первое время, первый мѣсяцъ я бы просила Васъ быть у меня просто гостьей и абсолютно ни во что не вмѣшиваться. Таковы мои условія.

— Что-же я буду дѣлать этотъ мѣсяцъ?

— Знакомиться со мной и съ моимъ домомъ.

Дѣвушка усмѣхнулась.

— Странное предложеніе. Хорошо, я принимаю его. Я сейчасъ безъ мѣста и рада и этому, но только если мнѣ что не понравится въ Васъ и въ Вашемъ домѣ, или если я найду себѣ опредѣленныя занятія, я сейчасъ же уйду отъ Васъ.

— Вы совершенно свободны.

— Хорошо. Когда мнѣ приходить?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Меня одиночество тяготитъ.

— Да, спохватилась дѣвушка, но не думаете-ли Вы, что я буду Вашей компаньонкой, буду занимать Васъ разговорами или чтеніемъ? Эта роль не подходитъ мнѣ, а компаньонка я очень нежелательная, предупреждаю Васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, первый мѣсяцъ Вы совершеннно свободны. Бесѣдовать будемъ только по Вашему желанію. Мнѣ дорого будетъ одно Ваше присутствіе въ домѣ.

— Очень странное мѣсто, удивилась снова дѣвушка, но выбирать мнѣ сейчасъ нѣчего. Сегодня вечеромъ я буду у Васъ.

Sister Isabel съ трудомъ скрыла улыбку торжества и весело отправилась домой.

Она сейчасъ-же позвала свою горничную, старую Джэнъ.

— Видите-ли что, Джэнъ, объявила она, ко мнѣ сегодня вечеромъ пріѣзжаетъ очень дорогая гостья, miss Elton. Останóвится

она въ моей комнатѣ; я хочу, чтобы ей было очень хорошо и уютно. У нея была тяжелая жизнь; ей надо отдохнуть немного. Вы должны помочь мнѣ устроить ее какъ можно лучше.

— Будьте спокойны, милэди. Но что-же я могу сдѣлать?

— Постарайтесь узнать ея вкусы и привычки. Предупредите, что утромъ къ ея услугамъ ванна; затопите каминъ, приготовьте ужинъ и снесите въ спальную; спросите, что она предпочитаетъ утромъ: кофе, чай или молоко? Предложите ей позавтракать въ постели. Вообще, помогите мнѣ поухаживать за нею. Это очень дорогая для меня гостья, Джэнъ.

Умная старая Джэнъ давно уже перестала удивляться всему, что видѣла и слышала въ домѣ своей госпожи. Она дѣятельно занялась ужиномъ и уборкой.

Вечеромъ подъѣхала карета, и изъ нея вышла очень скромно одѣтая дѣвушка. У нея былъ маленькій чемоданъ и корзинка. Джэнъ ее привѣтливо встрѣтила и повела въ большую свѣтлую комнату. Въ каминѣ горѣлъ огонь. На столѣ стояли свѣжіе цвѣты. Дѣвушка удивленно обвела комнату глазами.

— Это моя комната? спросила она.

— Да, миссъ, это будетъ Ваша комната. Сейчасъ я принесу Вамъ ужинъ. Не желаете-ли взять ванну? Утромъ и вечеромъ у насъ горячая вода.

— Спасибо. Я съ удовольствіемъ возьму ванну. А гдѣ миссисъ Kirby?

— Ея сейчасъ нѣтъ дома. Она очень просила Васъ извинить ее. У нея сегодня дѣловое засѣданіе, но завтра утромъ она надѣется Васъ повидать. Не хотите-ли завтра позавтракать въ постели? Вы съ дороги устали, миссъ?

— Я не привыкла къ такимъ нѣжностямъ, рѣзко отвѣтила Миссъ Elton, но буду рада позавтракать у себя въ комнатѣ, если можно.

— Хорошо, миссъ. Ванна уже готова.

Послѣ ванны миссъ Эльтонъ поужинала и легла спать. Уютная, тихая и простая обстановка успокаивающе подѣйствовала на ея нервы, и скоро она сладко и глубоко заснула.

Проснувшись рано утромъ, она по привычкѣ хотѣла соскочить съ постели, но вспомнила, что она на положеніи „гостьи“, которой полагается вставать позже и даже завтракать въ постели. Она обвела глазами комнату, въ которую уже врывались веселые солнечные лучи, и усмѣхнулась.

— Странное мѣсто, прошептала она, но условія очень культурныя, это несомнѣнно.

Она нѣкоторое время лежала неподвижно, предаваясь необычной нѣгѣ и думамъ. Въ дверь постучали, и вошла съ завтракомъ сама хозяйка.

— Здравствуйте, весело сказала она, ставя подносъ на столикъ и ловко подвигая его къ кровати, хорошо-ли Вы спали? Вамъ будетъ полезно первые дни завтракать въ постели, а послѣ завтрака немного пройтись. У насъ тутъ по близости паркъ...

Раньше, чѣмъ изумленная миссъ Эльтонъ успѣла отвѣтить, хозяйка уже скрылась.

Въ теченіе первыхъ дней гостья почти не видѣла ее. Только утромъ она являлась съ завтракомъ, молчаливо его ставила на столъ у постели и съ веселымъ привѣтствіемъ скрывалась. Днемъ Джэнъ ухаживала за миссъ Эльтонъ, приносила ей обѣдъ, чай, готовила ванну, предлагала пройтись въ паркѣ. На всѣ ея вопросы она отвѣчала, что госпожа ея очень занята, что она извиняется, но выйти къ ней не можетъ.

Странное волненіе овладѣло дѣвушкой. Необычное отношеніе будило въ ней какое-то новое, смутное, мягкое чувство; вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней закипалъ гнѣвъ: не думаетъ-ли эта теософка „благотворительствовать“ ей?

На пятое утро, когда хозяйка, поставивъ подносъ, собиралась удалиться, она рѣзкимъ жестомъ ее остановила.

— Скажите, пожалуйста, спросила она, что это за комедію мы съ Вами играемъ?

— Комедію? Я не понимаю Васъ.

— Да, комедію. Развѣ я не вижу, что у Васъ какой-то замыселъ? Но я не желаю, чтобы со мной играли безъ моего вѣдома и согласія.

— Вамъ не хорошо у меня?

— Да, мнѣ очень не хорошо, отрѣзала миссъ Эльтонъ, потому что я люблю, чтобы все было просто и ясно. Предупреждаю Васъ: предметомъ филантропіи я не желаю быть.

— Какой филантропіи? Господь съ Вами! Вы просто — моя гостья. Развѣ такъ благотворительствуютъ?

— Это правда, что не такъ, усмѣхнулась миссъ Эльтонъ, но ради чего Вы все это продѣлываете? Вѣдь должны-же Вы имѣть какой-нибудь мотивъ?

— Мотивъ простой: Вамъ надо отдохнуть и успокоиться. У меня есть домъ и нѣкоторыя удобства. Вполнѣ естественно, чтобы Вы ими воспользовались.

Дѣвушка широко раскрыла глаза.

— Естественно? переспросила она. Нѣтъ, это что-то необыкновенно. Можетъ быть это вытекаетъ изъ Вашего ученія?

— Да, вытекаетъ. Слушайте, миссъ Эльтонъ; Вы человѣкъ умный и широкій, я это сейчасъ почувствовала. Бросимъ всѣ эти условности и офиціальности и будемъ говорить по душѣ. Для меня Вы—сестра, посланная мнѣ Богомъ, и я должна все сдѣлать, чтобы этой сестрѣ было хорошо у меня. Но не думайте, чтобы я все это даромъ дѣлала, я отъ Васъ ожидаю большой помощи.

— Ага, я все ожидала... Какой?

— Видите, Вы опытны, много пережили и передумали. Я жила замкнуто и плохо знаю жизнь и людей. Сердце мое горитъ желаніемъ служить Богу, но я еще не умѣю. Разскажите мнѣ свою жизнь, подѣлитесь своимъ опытомъ, или лучше: позвольте *мнѣ* разсказать Вамъ *свою* жизнь и помогите мнѣ разобраться въ мучающихъ меня вопросахъ.

Миссъ Эльтонъ засмѣялась.

— Вы просите *моей* критики, *моего* мнѣнія? А знаете-ли Вы, что я жестока и безпощадна? Что я вижу прежде всего все дурное въ людяхъ, что я отравлена людской несправедливостью и что слово мое холодное и жесткое, какъ сталь?

— Да, я это знаю, но такое суровое слово мнѣ и нужно. Вы сдѣлаете доброе дѣло, говоря мнѣ правду, и мы будемъ съ Вами квиты.

Дѣвушка съ минуту молчала.

— Очень необыкновенное предложеніе, сказала она; жизнь дѣлается положительно интересной. Отчего мѣсяцъ и не прожить въ такой сказочной обстановкѣ? Но знаете-ли Вы, что сдавленныя во мнѣ годами горечь и злоба могутъ вылиться на *Васъ* и доброта Ваша можетъ вызвать изъ бездны притаившіяся чудовища?

— Все это возможно, но я вѣрю, что любовь все побѣждаетъ. Послѣ всколыхнувшихся мрачныхъ волнъ пережитаго все освѣтитъ солнце и будетъ хорошо и Вамъ и мнѣ. Я не боюсь правды, я нуждаюсь въ ней. Друзья только балуютъ меня, а не помогаютъ.

Миссъ Эльтонъ загадочно смотрѣла на говорившую.

— Много-ли теософовъ „блаженныхъ“? спросила она неожиданно дрогнувшимъ голосомъ.

— Не знаю, дорогая; если стремленіе осуществить братство значитъ быть блаженнымъ, то мы, пожалуй, всѣ „блаженные“.

— Оставьте меня, я устала, промолвила миссъ Эльтонъ, поворачиваясь къ стѣнѣ.

Sister Isabel тихонько вышла.

Съ этого дня начались между ними странныя бесѣды. Миссъ Эльтонъ допрашивала, какъ самый суровый судебный слѣдователь. Sister Isabel разсказывала свою жизнь и раскрывала всю свою душу. И не было такого слабаго мѣста, такого неосвѣщеннаго уголка въ жизни Sister Ïsabel, который бы не подвергся анатомическому ножу ея гости.

— Вы удивляетесь, что у Васъ мало общенія съ другими классами? говорила миссъ Эльтонъ. Сколько въ Васъ дѣтской наивности! Да неужто Вы думаете, что къ Вамъ посмѣетъ подойти какая-нибудь швея или работница и откроетъ Вамъ свою душу?

— Да почему-же нѣтъ?

— Потому что Вы изъ другого тѣста... У Васъ и манеры, и рѣчь другая. А наружность! Чего стоятъ одни Ваши шляпы съ страусовыми перьями!

— Видите, Вы вспыхнули! какая Вы тщеславная! Вамъ непріятна моя критика. Вы привыкли къ однимъ комплиментамъ, конечно. Но Вы должны совершенно отказаться отъ тщеславія, если хотите сближаться съ людьми.

— Благодарю Васъ, я постараюсь, промолвила Sister Isabel, я сама думаю, что надо опроститься. Я уже многое измѣнила въ своей жизни, но видно многое еще придется измѣнить.

— Да, не мало... Вы такая великолѣпная лэди! Вы подавляете своей величественностью.

— Неужто? огорчилась Sister Isabel. Ахъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось опроститься!

— Это совсѣмъ не трудно, но дѣло не въ одних туалетахъ и манерахъ, а и въ Вашемъ внутреннемъ отношеніи къ людямъ. Вы слишкомъ даете чувствовать свое великодушіе. Это невыносимо для гордыхъ натуръ...

Sister Isabel искренно испугалась.

— Боже мой, какъ-же это сдѣлать? воскликнула она.

— Да поменьше гладить себя по головкѣ и не думать: Вотъ я сдѣлала добро, какая я хорошая... Или: онъ меня обидѣлъ, а я его прощу; какая я великодушная! Вѣдь есть это у Васъ, что ни говори, а есть, я вижу...“ Неумолимо рѣзалъ анатомическій ножъ, и подъ ударами его Sister Isabel не разъ вздрагивала отъ боли. Но всегда она принимала слово своей гости смиренно, какъ урокъ, и на слѣдующій день опять являлась сіяющая къ ней.

— Вы были совершенно правы, говорила она, все это я нашла въ скрытомъ видѣ вь своемъ сердцѣ. Какъ я Вамъ благодарна! Говорите еще, указывайте, Вы мнѣ страшно много даете...

Миссъ Эльтонъ усмѣхалась и продолжала свой безпощадный анализъ.

Но однажды она встрѣтила Sister Isabel хмуро и раздраженно.

— Долго будетъ продолжаться это истязаніе? рѣзко спросила она.

Sister Isabel встрепенулась·

— Да, истязаніе, грубо продолжала гостья; вѣдь Вы дали мнѣ не легкое дѣло. Мнѣ кажется, что я достаточно пороковъ нашла въ Васъ. Не довольно-ли?

— Ахъ нѣтъ, пожалуйста продолжайте!

— Да что Вы, съума что-ли сошли? Вы не видите, кто передъ Вами? Вы можетъ-быть наслаждаетесь чувствомъ превосходства и моей низостью?

— Ага, Вы испугались? Наконецъ-то! А Вы все не понимали! Нѣтъ, Вы теперь дослушайте до конца, Вы вглядитесь въ меня и поймите наконецъ, что за человѣкъ передъ Вами. Или Вы совсѣмъ ослѣпли? Вы не видите, что это жалкій, ничтожный въ своей злобѣ человѣкъ, отравленный своей собственной злобой, затоптанный жизнью, не терпящій принужденій и не выносящій никакого превосходства! И Вы, прекрасная, великодушная, свѣтлая, хотѣли согрѣть эту змѣю на своемъ сердцѣ и теперь поражены, что она ужалила Васъ? О, какъ я Васъ ненавижу! Уходите! Уходите! Я не ручаюсь за себя... Я могу Васъ убить...

Но Sister Isabel не уходила. Блѣдная и дрожащая подошла она къ своей гостьѣ и обняла ее.

— Что Вы дѣлаете?—простонала миссъ Эльтонъ.—Вы безумная, Вы не понимаете, какого звѣря Вы вызываете...

— Человѣкъ,—и звѣрь, и Богъ. Богъ въ Васъ просыпается...

— Богъ! какой Богъ? что можетъ пробудить Бога во *мнѣ*?

— Любовь! Я Васъ люблю, Модъ, люблю какъ самую дорогую, близкую сестру; не даромъ Господь послалъ мнѣ Васъ!

Дѣвушка сдѣлала изступленный жестъ, хотѣла отшатнуться, гнѣвно закричать, но глаза ея встрѣтились съ глазами Sister Isabel. Она не выдержала ихъ свѣта и упала, рыдая, къ ней на грудь. Ненависть ея навсегда была побѣждена любовью. И въ тотъ день сквозь слезы и рыданія Модъ разсказала всю свою горькую жизнь, покаялась во всѣхъ своихъ грѣхахъ. Съ этого дня ихъ соединила самая тѣсная дружба. Проживъ годъ у своего друга,

Модъ, физически и нравственно окрѣпшая, поѣхала снова на мѣсто.

Говоря о Модъ (въ настоящее время Модъ уже давно теософка и принимаетъ дѣятельное участіе въ движеніи), Sister Isabel всегда прибавляетъ:

„Принявъ ее къ себѣ въ домъ, я поняла, что приняла самого Христа".

Такова Sister Isabel.

Всегда недовольная собой, она не перестаетъ искать лучшихъ, высшихъ путей. Осуществленіе братства ея idée fixe. И потому неудивительно, что она постоянно къ ней возвращается. „Вѣдь мы, теософы, должны жить въ полномъ духовномъ единеніи, говоритъ она сегодня, несмотря на различіе нашихъ темпераментовъ, воспитанія и другихъ особенностей, а мнѣ все кажется, что настоящаго единенія у насъ еще нѣтъ. Мы какъ будто больше *мысленно* объединяемся, чѣмъ *въ духѣ*. Понимаете?"

— Понимаю, но вѣдь всякій идеалъ требуетъ времени и усилія для осуществленія. „Царство Божіе" нудится. Мы должны *научиться* по новому жить.

— Да, да. Вотъ почему мнѣ такъ хорошо въ этомъ скромномъ международномъ пансіонѣ. Здѣсь и Русскіе, и Шведы, и Голландцы, и Французы, готовое ядро братства... Охъ, какъ бы хотѣлось имѣть достаточно духовной силы, чтобы сломать всѣ, всѣ эти искусственные барьеры, которые мѣшаютъ людямъ понимать другъ друга!

— Да вы ихъ уже ломаете вашимъ активнымъ отношеніемъ. Смотрите, какъ крѣпнетъ нашъ братскій союзъ. Вѣдь насъ уже здѣсь цѣлая международная семья и какъ тепло и хорошо всѣмъ. Вѣдь это *Вы* насъ соединили.

— Я? что Вы? Я только маленькій проводникъ Вашихъ Силъ, я очень ничтожна и очень мало, что могу сдѣлать, но вотъ что я поняла глубоко, Sister Ellen: пока мы не разобьемъ условныхъ стѣнъ,—между нами никакого единенія не будетъ, и потому я стараюсь, да всѣми силами стараюсь ихъ разбивать. А знаете, вѣдь для Англичанки, воспитанной въ школѣ полнаго самообладанія и сдержанности, это совсѣмъ не такъ легко.

Она засмѣялась.

— Да, а намъ Русскимъ трудно бываетъ при встрѣчѣ съ англійской непроницаемостью, но съ Вами сразу ледъ разбитъ и мы начинаемъ понимать, сколько теплоты и ласки скрыто за сдержанной англійской улыбкой и неизмѣннымъ офиціальнымъ „How

do you do?“ Мы черезъ Васъ начинаемъ понимать и любить Англію.

„Sister Isabel“ вся засвѣтилась.

— А я черезъ васъ люблю Россію, горячо заговорила она, и мнѣ интересно не только все, что Вы мнѣ разсказываете, но и все, что я получаю въ общеніи съ Вами. Вы всѣ какіе-то особенные, ни одинъ изъ васъ не похожъ на другого, между тѣмъ есть между вами какое-то неуловимое сходство, что-то для насъ новое и страшно интересное... О, это большая разница прочесть все это въ нашихъ лекціяхъ и книгахъ, или соприкоснуться съ вами на яву, конкретно, на физическомъ планѣ. Въ Теософической литературѣ вѣдь много указаній на особую миссію славянъ. Это мнѣ всегда казалось довольно туманнымъ, но теперь, когда я узнала васъ, нѣсколькихъ Русскихъ, это для меня вполнѣ реальный, живой фактъ.

— Какъ Вы чувствуете это „новое“ въ насъ?

— Это очень трудно передать словами; это какая-то глубокая, объединяющая сила, именно та, что помогаетъ разбивать всѣ стѣны между людьми.

— Любовь?

— Да, какая-то новая, активная любовь, та что осуществитъ „Царствіе Божіе“ на землѣ.

— О если-бы такъ!...

Новый стукъ въ дверь и въ комнату быстро входитъ “Sister Nelly“. Юная тонкая фигура и смуглое лицо ея съ сверкающими черными глазами полны южнаго огня. Она недавно пріѣхала изъ Индіи и горитъ желаніемъ служить дѣлу Теософіи.

— А, Вы уже бесѣдуете? Какъ хорошо! Позвольте и мнѣ примоститься къ Вамъ на коврѣ!... Какъ славно! Я никогда не чувствую себя такъ просто на стулѣ или диванѣ, какъ на полу. Вы замѣчали какъ легко сбрасываются въ такомъ положеніи всѣ условности?

— Nelly, это очень просто объясняется, говоритъ улыбаясь „Sister Isabel“; Вы въ прошломъ воплощеніи навѣрное были Индусской.

Не смотря на свою молодость „Sister Nelly“ уже пережила скорбную долю. Пораженная какимъ-то таинственнымъ недугомъ, она пролежала неподвижно нѣсколько лѣтъ въ постели. испытывая мучительныя нервныя боли. Вся ея юность прошла въ этихъ тяжелыхъ переживаніяхъ. Вставъ съ постели слабая и очень нервная, она вся отдалась своему призванію—музыкѣ. Но не прошло и трехъ лѣтъ, какъ въ разгарѣ своего увлеченія искусствомъ она

почувствовала странную боль въ рукѣ; скоро рука совсѣмъ отнялась и дѣвушка была принуждена бросить свое любимое занятіе. Во время этого тяжелаго кризиса своей жизни она встрѣтила Теософію. Теософія помогла ей побороть страданіе и воскресила ее къ новой жизни, раскрывъ ей высоты, на которыхъ сіяетъ красота подвига духовнаго. Въ настоящее время, не смотря на свое слабое здоровье, „Нелли"—дѣятельный членъ Теософическаго Общества.

— Вы думаете? задумывается Нелли. Да, это очень вѣроятно. Ужъ очень меня тянетъ къ жгучему солнцу и къ яркому небу Юга... Но о чемъ Вы говорили?

— Мы говорили о единствѣ, Нелли, и о необходимости осуществленія братства въ самой жизни... Вѣдь это миссія наша.

— Да, это самая главная задача; о, какъ, я это чувствую! восклицаетъ Нелли. Ничто не замѣнитъ этого. Если этого не будетъ, то всѣ наши ученія и все наше знаніе ни къ чему: безплодное дерево... Но Вы замѣчаете, сколько уже признаковъ единства въ самой жизни? Какъ много возникаетъ новыхъ разныхъ теченій въ церкви, въ искусствѣ, въ наукѣ, которыя безсознательно идутъ тоже къ единству? Вѣдь это тоже своего рода Теософія, правда?

— Да, это удивительное знаменіе времени; Теософія уже начинаетъ свое побѣдоносное шествіе въ мірѣ и къ ней примыкаютъ, сами того не подозрѣвая, самыя разнообразныя движенія.

— Вотъ объ одномъ я хотѣла сейчасъ Вамъ сказать, горячо заговорила опять Нелли. Вы знаете что-нибудь о духовномъ движеніи, которое группируется вокругъ Mr. Campbell'a, автора „Новаго Богословія?—

— Немножко знаю, это общественно-религіозное движеніе?

— Да, Mr. Campbell священникъ, одухотворенный самыми широкими интересами, онъ постоянно занятъ гуманитарными задачами. Онъ создалъ большое движеніе, которое стремится ввести глубокія реформы въ соціальную жизнь Англіи. По четвергамъ отъ 12—1 ч. онъ говоритъ проповѣдь въ City Temple, гдѣ собираются его слушать приказчики и клерки дѣлового Лондона. Это удивительный проповѣдникъ. Онъ затрогиваетъ всѣ язвы и всѣ назрѣвшіе вопросы жизни. Иногда онъ громитъ аудиторію, иногда онъ съ нею плачетъ. Впечатлѣніе отъ его рѣчи не передашь никакими словами. Въ сущности онъ теософъ, только самъ этого не подозрѣваетъ. Всѣ его толкованія Евангелія глубоко мистичны: въ немъ ничего нѣтъ отъ мертвой буквы, онъ весь— духъ живой.

— Какъ Вы меня заинтересовали! Нельзя ли его послушать?

— Я собственно и пришла Васъ звать, заявляетъ Нелли. Мнѣ кажется, что мы, теософы не должны замыкаться въ рамки своего движенія, а чутко прислушиваться ко всему, что дѣлается кругомъ насъ.

— Да, и привѣтствовать Теософію всюду, гдѣ она является, и подъ какимъ бы именемъ она ни являлась, добавляетъ Isabel со своей свѣтлой улыбкой. Пойдемте, господа. Вѣдь сегодня четвергъ. Мы какъ разъ его услышимъ.

— Только не забудемъ и другихъ позвать съ собой, спѣшитъ напомнить Нелли; можетъ быть и наши „Французскія сестры" пожелаютъ послушать Mr. Campbell.

— Ну, это мы Вамъ поручаемъ, Нелли. Сзывайте всѣхъ. Когда надо собираться?

— Не позже 11 ч. Въ Сити ѣхать далеко, а желающихъ слушать Mr. Campbell очень много. Мы можемъ остаться безъ мѣстъ.

Около 11 ч. оживленная группа теософовъ отправляется въ Сити, сперва на имперіалѣ омнибуса, а затѣмъ въ автомобилѣ. Въ Лондонѣ общественные автомобили почти уже вытѣснили конки и омнибусы. Ѣзда выиграла несомнѣнно въ скорости, но зато шумъ и грохотъ на улицахъ еще увеличились; къ этимъ отрицательнымъ свойствамъ надо еще прибавить тряску и отвратительный запахъ керосина и бензина, разливающійся въ атмосферѣ.

Изъ Maida Vale часъ скорой ѣзды до City. Въ дѣловой части Лондона, въ которой сосредоточены всѣ банки и почти всѣ конторы, улицы значительно съуживаются и кэбы и омнибусы образуютъ настоящее столпотвореніе, но не смотря на это головокружительное движеніе, порядокъ поддерживается образцовый.

City Temple—небольшая, но высокая церковь съ большимъ органомъ, хорами и готическими разноцвѣтными окнами, на которыхъ начерчены красивые символическіе рисунки.

Надъ нѣсколькими окнами мы замѣчаемъ древній Индусскій крестъ свастика*).

Церковь полна преимущественно мужчинами.

Мы только успѣваемъ размѣститься на хорахъ, какъ органъ начинаетъ играть и на каѳедру всходитъ Mr. Кемпбель.

Странное впечатлѣніе производитъ его красивое лицо съ глубокими, проникновенными глазами. Лицо молодое, блѣдное и полное огня, волосы—сѣдые.

---

*) Такой крестъ начерченъ и на стѣнахъ Кіевскаго Софійскаго Собора. *Прим. Ред.*

Органъ замолкаетъ. Онъ встаетъ и называетъ гимнъ.

Всѣ встаютъ съ молитвенниками въ рукахъ. Мы тоже встаемъ и ищемъ въ книжечкахъ, лежащихъ передъ нами, гимнъ 101. Это благодарственный гимнъ, поклоненіе Красотѣ и Славѣ Божьей. Подъ звуки органа собравшіеся славятъ все, что Богъ послалъ на радость міру. Молитва умолкаетъ. Воцаряется глубокое молчаніе и священникъ тихо произноситъ молитву Господню, а за нимъ въ полъ-голоса всѣ прихожане. Опять молчаніе. Священникъ начинаетъ свою проповѣдь.

Онъ говоритъ о компромиссахъ, о томъ, что нѣтъ дня и часа, когда бы мы не совершали какого нибудь компромисса, и о томъ, что наше оправданіе можетъ быть только въ томъ, что мы активно работаемъ надъ перестройкой міра, надъ тѣмъ, чтобы приблизилось то время, когда не нужно больше будетъ дѣлать никакихъ компромиссовъ.

Слово его льется пламенно и убѣжденно, призывая слушателей къ преображенію своей жизни и къ горячей соціальной работѣ.

„Только активнымъ служеніемъ, работой на пользу всѣхъ и отреченіемъ отъ себя можете вы искупить то зло, которое ежедневно, ежечасно, ежеминутно вы, всѣ слушающіе меня, совершаете своими компромиссами съ жизнью! Опомнитесь! Проснитесь! Начните новую жизнь добра и свѣта! Имѣйте мужество побороть свой животный страхъ и свой эгоизмъ! Подумайте о тѣхъ, которыхъ такъ безжалостно топчете“... Громитъ священникъ. Аудиторія явно потрясена. Большинство утираетъ глаза. Многіе мущины плачутъ, какъ дѣти, сложивъ голову на руки.

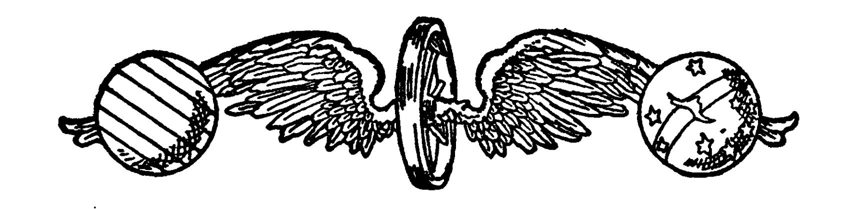
„Помолимся теперь, чтобы Господь намъ далъ силу обновленія и воскресенія!“ заканчиваетъ священникъ и снова вся церковь въ полъ-голоса повторяетъ за нимъ святыя слова.

Органъ играетъ. Молящіеся снова поютъ благодарственный гимнъ и священникъ, поднявъ руки, благословляетъ собравшихся и говоритъ „Аминь“. Прихожане отвѣчаютъ также „Аминь“, органъ даетъ послѣдній величественный аккордъ, звуки замираютъ, и священникъ медленно сходитъ съ каѳедры. Тихо и благоговѣйно расходятся прихожане.

„Здѣсь въ этой церкви иногда проповѣдуетъ и г-жа Анни Безантъ, говоритъ „Sister Isabel“. Mr. Кемпбель ее иногда приглашаетъ говорить“...

**Alba.**

*(Продолженіе слѣдуетъ).*



# Обозрѣніе теософической литературы.

Сентябрьскій № „Teosophist'a" даетъ очеркъ Н. Гернетъ „Школа музыки въ современной Россіи", посвященный личности и дѣятельности талантливаго автора „Цвѣто-Звукъ-число" А. В. Унковской.

Въ этомъ же № есть бѣглая замѣтка Президента о необыкновенномъ числѣ выдающихся дѣтей нашего времени. Она указываетъ на русскую одиннадцатилѣтнюю скрипачку и композиторшу Ирену Горяйнову, успѣвшую уже проявить настоящій музыкальный геній.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ портретъ и очеркъ, посвященный Бертраму Китлей, бывшему нѣсколько лѣтъ генеральнымъ секретаремъ Индусской Секціи, а позже Великобританіи. Получивъ блестящее образованіе, Б. Китлей съ раннихъ лѣтъ интересовался философскими и религіозными вопросами. Прочитавъ книгу г. Синнет'а, „Эзотерическій буддизмъ", онъ занялся изученіемъ Теософіи и скоро вступилъ въ Теософическое Общество. Онъ былъ преданный ученикъ Е. П. Блаватской и помогалъ ей всѣмъ, чѣмъ могъ, при изданіи ея „Тайнаго Ученія": Онъ переписывалъ ея рукопись, читалъ корректуры, редактировалъ англійскій текстъ, хлопоталъ о подпискѣ. Во всемъ, что она предпринимала для Теософіи, онъ былъ ея дѣятельнымъ помощникомъ. Въ 1890 г. Е. П. Блаватская поручила ему организовать Индусскую Секцію. Онъ блестяще выполнилъ свою миссію и былъ выбранъ представителемъ Индіи. Позже онъ вернулся и сталъ секретаремъ Теософическаго Общества въ Англіи. Онъ также принималъ дѣятельное участіе въ организаціи Европейской Теософи-

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи", февраль, 1909 г.

ческой Федераціи, образовавшейся 7 лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время онъ снова работаетъ въ Индіи.

Продолжаются статья А. Безантъ „Наука мира“ и „Таинственныя племена“, Радда-Бай.

Въ статьѣ „Голосъ безмолвія“ г. Ледбитеръ подробно останавливается на двухъ главныхъ школахъ буддизма—„Магаяна“ и „Хинаяна“, что въ переводѣ означаетъ Большое и Малое Колесо. Извѣстно, что сѣверный буддизмъ примыкаетъ къ Магаян'ѣ, а южный — къ Хинаян'ѣ. Сѣверный буддизмъ обнимаетъ Китай, Японію и Тибетъ; южный царитъ на Цейлонѣ, въ Сіамѣ, Бирмѣ и Камбоджѣ. Но въ Индіи есть 5 разныхъ толкованій этихъ школъ:

1. По одной версіи „Магаяна“ является бо́льшимъ носителемъ буддизма лишь вслѣдствіе своего языка, санскрита. „Хинаяна“ даетъ буддійскій канонъ на языкѣ пали.

2. По другой версіи „Хинаяна“ есть внѣшнее ученіе; „Магаяна“—болѣе глубокое, сокровенное.

3. По третьей версіи „Магаяна“ есть самъ буддизмъ, „Хинаяна“ же охватываетъ всѣ остальные пути спасенія: брахманизмъ, зоростріанизмъ, яйнизмъ и др. религіи.

4. „Магаяна“ толкуется также какъ высшая ступень „Хинаяны“.

5. Наконецъ, „Хинаяна“ разсматривается какъ путь личнаго спасенія, а „Магаяна“ какъ путь служенія міру, путь Бодхисатвы.

Въ миѳологическомъ отдѣлѣ—легенда „Вѣчнаго жида“ въ новой поэтической формѣ. Актъ полнѣйшаго отреченія и чистой любви освобождаетъ Агасфера, и онъ наконецъ умираетъ.

Въ „Adyar Bulletin“ открылся новый отдѣлъ „Theosophy the world over“ (Теософія по всему свѣту), въ которомъ даются сжатыя извѣстія о всемірномъ теософическомъ движеніи.

Кэтъ Броунинъ продолжаетъ описывать окрестности Адіара.

Заканчивается серія „Дочери Европы“, Н. Гернетъ. Очеркъ посвященъ тремъ женщинамъ: знаменитой Маруси, воспѣтой Маркомъ Вовчекъ; сестрѣ милосердія, спасшей на груди русское знамя, и Балтійской героинѣ, съ опасностью жизни отвлекавшей вниманіе цѣлаго непріятельскаго флота.

Статья Ч. Ледбитера „Малыя Тревоги“ даетъ интересный психологическій анализъ состоянія тревоги, освѣщая его оккультно. Наше астральное тѣло находится почти въ безпрерывномъ колебаніи. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ духовно развивается, эти

колебанія сводятся все къ меньшему числу разнородныхъ вибрацій, но обыкновенный человѣкъ на Западѣ обладаетъ не менѣе 10 различныхъ видовъ вибрацій въ разныхъ сочетаніяхъ. Есть случаи гораздо худшіе. Люди безпокойнаго и тревожнаго темперамента рождаютъ сотню разныхъ вибрацій и производятъ въ себѣ и вокругъ себя постоянные вихри и скрещивающіеся токи, которые приходятъ въ конфликтъ и еще увеличиваютъ его волненіе. Астральное тѣло, которое такимъ образомъ вибрируетъ на сотню различныхъ ладовъ, представляетъ изъ себя оккультно очень некрасивое явленіе; и, кромѣ того, оно производитъ непрерывныя потрясенія атмосферы, которыя дѣйствуютъ на болѣе сенситивныхъ окружающихъ, вызывая въ нихъ безпричинное раздраженіе. Человѣкъ, который позволяетъ себѣ приходить въ такое тревожное состояніе, вредитъ и другимъ и себѣ, ибо постоянные астральные вихри разрушающе дѣйствуютъ на эфирное тѣло и, по реакціи, на физическую нашу оболочку. Большинство нервныхъ заболѣваній происходитъ оттого, что человѣкъ не умѣетъ бороться со своими эмоціями и всецѣло имъ отдается. Человѣкъ, который хочетъ быть здоровымъ, долженъ научиться прежде всего быть господиномъ своего астральнаго тѣла. Вниманіе, постоянно обращенное на Вѣчное, а не на преходящее, постепенно поможетъ человѣку подняться надъ личными тревогами и волненіями.

Очеркъ „Урокъ любви“ Э. Северса проводитъ ту мысль, что любовь дѣлается благословеніемъ только тогда, когда человѣкъ перестаетъ что-либо просить для себя. Пока онъ еще жадно протягиваетъ руку, любовь неминуемо принесетъ ему страданіе, ибо миссія Любви научить человѣка давать, а не брать.

Въ „Theosophy in Australasia“ начинается рядъ статей, посвященныхъ христіанству первыхъ вѣковъ. Авторъ Г. Стэнвай знакомитъ съ основами „высшаго критицизма“, съ историческими данными, на которыхъ Дж. Мидъ основываетъ свои гностическія изслѣдованія, перечисляетъ греческіе источники (единственные, которые сохранились) Новаго Завѣта, принятаго Христіанской Церковью, и останавливается на общинѣ Ессеянъ, въ которой Іисусъ провелъ свою юность. Это была секта необыкновенной чистоты и высоты. Члены ея славились дарами пророчества и исцѣленія. Вступающіе въ нее раздавали свое имѣніе бѣднымъ и произносили обѣтъ бѣдности. Любовь къ ближнему была основной нотой ихъ ученія. Они отдавали себя служенію бѣднымъ, немощнымъ и больнымъ. Имъ было запрещено клясться или

божиться; рѣчь ихъ была всегда кротка и правдива. Они отрицали войну, рабство и роскошь, но боролись со зломъ любовью.

Въ статьѣ „Превращеніе“ проф. Содди и проф. Рутерфордъ высказываютъ мнѣніе, что неистощимая энергія радія должна привести современныхъ ученыхъ къ ряду неожиданныхъ открытій, которыя радикально измѣнятъ позицію позитивизма.

„Lotus Bleu“ (Revue Théosophique Française) даетъ рѣчь г-жи А. Безантъ „Духовная и свѣтская власть“, произнесенную ею два года тому назадъ въ Англіи и недавно вышедшую въ сборникѣ лекцій и рѣчей Президента, подъ названіемъ „London Lectures“. Въ этой рѣчи авторъ указываетъ на то, что свѣтская и духовная власть, соединенныя въ рукахъ царей посвященныхъ на зарѣ человѣчества, должны были раздѣлиться въ процессѣ его эволюціи, чтобы въ концѣ историческаго процесса снова слиться, когда человѣчество черезъ самую широкую демократію придетъ къ признанію свободной теократіи (черезъ монархію, поліархію и анархію къ синархіи).

Переводъ двухъ статей „Theosophist“'а (Видѣнія, Ч. Ледбитера и его же „Въ сумерки“) знакомитъ читателей съ нѣкоторыми оккультными переживаніями теософовъ. Ч. Ледбитеръ указываетъ, съ какой осторожностью человѣкъ, при раскрытіи своихъ психическихъ силъ, долженъ относиться къ новымъ впечатлѣніямъ изъ невидимаго міра и какъ тщательно контролировать получаемыя имъ сообщенія. Онъ приводитъ нѣсколько случаевъ ошибокъ трагикомическаго характера.

Въ „The Theosohie Messenger“ Анни Джэксъ разсказываетъ о своемъ послѣднемъ свиданіи съ Еленой Петровной Блаватской. Передъ отъѣздомъ въ Америку А. Джэксъ пришла проститься. Е. П. внимательно на нее посмотрѣла и сказала: „Ну, дѣточка, мы больше не увидимъ другъ друга въ этихъ тѣлахъ“. А. Джэксъ воскликнула: „Развѣ я скоро развоплощусь?“—„Нѣтъ, не Вы, а я“, отвѣтила Е. П.—„Кто замѣнитъ Васъ?“ спросила А. Джэксъ. Съ минуту Е. П. смотрѣла на нее молча и затѣмъ сказала: „Анни Безантъ. Не говорите объ этомъ, но Учитель ужъ мнѣ ее указалъ, и когда наступитъ время, я Его кольцо передамъ ей“.—„Какъ можетъ эта холодная и интеллектуальная женщина Васъ замѣнить?“ спросила опять А. Джэксъ. Е. П. съ улыбкой отвѣтила: „Она духовно раскроется, нѣжная и прекрасная, и совершитъ бо̀льшую работу, чѣмъ я могла сдѣлать“.

„Какъ была права Е. П.!“... заканчиваетъ А. Джэксъ свою замѣтку.

Статья В. Стэда, издателя „Review of Reviews", посвящена А. Безантъ и заканчивается краткимъ хронологическимъ отчетомъ ея жизни:

1847 г. 1 октября А. Б. родилась (17 сентября русскаго стиля).

1867 г. бракъ.

1880 г. Начало работы на платформѣ „Свободная Мысль". Встрѣча съ Ч. Брэдлау.

1884 г. Начало работы на нивѣ соціализма.

1888 г. Организуетъ и приводитъ къ блестящему концу забастовку работницъ на спичечныхъ фабрикахъ.

1889 г. Встрѣчаетъ Е. П. Блаватскую и дѣлается теософкой.

1891 г. Первая поѣздка въ Америку. Смерть Е. П. Блаватской. Путешествіе въ Индію.

1892 г. Вторая поѣздка въ Америку.

1893 г. Участвуетъ въ качествѣ представителя Теософическаго Общества на конгрессѣ религій въ Чикаго.

1907 г. Дѣлается президентомъ Теософическаго Общества.

В. Стэдъ говоритъ о ней:

... „Анни Безантъ одна изъ трехъ самыхъ выдающихся женщинъ нашего поколѣнія. Г-жа Бутсъ *), г-жа Бутлеръ **) и г-жа А. Безантъ составляютъ замѣчательное тріо пламенныхъ пропагандистокъ, энтузіазмъ, усердіе и энергія которыхъ оставили глубокій слѣдъ на нашемъ времени. Изъ нихъ г-жа Безантъ самая молодая... Можетъ быть ей еще придется, вмѣстѣ съ г-жей Фажэттъ, возсѣдать въ Парламентѣ... Недавно она стояла во главѣ общественнаго передового движенія... никто не можетъ сказать, гдѣ она будетъ завтра, но можно съ увѣренностью сказать, что она всегда будетъ горѣть любовью и участіемъ къ оскорбленнымъ и униженнымъ и всегда будетъ возбуждать горячую любовь во всѣхъ, кто будетъ знать ее"...

Въ статьѣ „Заря новой эры" г. Ж. Сютклиффъ обращаетъ вниманіе на сходство астрономическихъ условій въ февралѣ 5101 г. до Р. Х. (наступленіе Темнаго Цикла, Kali Yuga) съ условіями въ декабрѣ 1899 г. (конецъ Kali Yuga). Эти два момента ознаменовались солнечнымъ затмѣніемъ. Авторъ дѣлаетъ обзоръ знаковъ зодіака и напоминаетъ ихъ соотношеніе съ человѣческими расами

---

*) Г-жа Бутсъ—дочь генерала Бутса, основателя Арміи Спасенія.

**) Г-жа Бутлеръ—основательница движенія аболюціонизма (борьбы съ проституціей).

и съ историческими циклами. Пятой арійской расѣ соотвѣтствуетъ Скорпіонъ, имѣющій отношеніе къ разрѣшенію половой проблемы. Тѣ, кто хочетъ участвовать въ образованіи 6-й расы, должны побѣдить зло пола, ибо это зло будетъ имѣть конецъ въ 5-ой расѣ. Извѣстно, что каждый разъ, когда Нептунъ вступаетъ въ созвѣздіе Рака (съ этимъ созвѣздіемъ тѣсно связана судьба Е. П. Блаватской и Теософическаго Общества), то наступаетъ періодъ крупныхъ перемѣнъ. Такой моментъ наступилъ въ 1901 г. (смерть Е. П.) и наканунѣ 1907 г., когда скончался г. Г. Олькоттъ и г-жа А. Безантъ приняла бразды правленія. Въ 1910 г. долженъ начаться періодъ необычайной силы и славы для Теософическаго Общества, когда вліяніе его будетъ признано на всемъ земномъ шарѣ.

Статья А. Банкс'а „Путь христіанскій“ посвящена папирусу, найденному въ 1903 г. среди раскопокъ Окирхипгус'а, когда-то большого египетскаго города. Этотъ цѣнный документъ разбирался и комментировался учеными, д-мъ Грэнфель и Гэнт'омъ, нашедшими папирусъ. Онъ покрытъ изреченіями, которыя приписываются Іисусу Христу. Одно изъ нихъ слѣдующее: „Пусть ищущій не перестаетъ искать, пока не найдетъ, и когда онъ обрѣтетъ, онъ будетъ дивиться; дивясь, онъ достигнетъ царства; достигнувъ царства, онъ успокоится“...

Очерки объ „Архитектурѣ въ свѣтѣ Теософіи“ продолжаются. Они иллюстрированы многочисленными рисунками.

Статья „Оккультизмъ въ Макбет'ѣ“ указываетъ на оккультную подкладку знаменитой Шекспировской драмы. Авторъ предлагаетъ съ этой новой точки зрѣнія изучить всѣ пьесы великаго драматурга.

Статья А. Макъ-Ферди указываетъ на то, что Америка представляетъ широкое и богатое поле для психическихъ изслѣдованій. Въ Сѣверной Америкѣ еще живы краснокожіе, потомки Атлантовъ; на Югѣ остались памятники великихъ цивилизацій Мексики и Перу. Все это полно интереса для Теософіи.

Отдѣлъ религіозно-философскій даетъ статью: цѣнность прагматизма для теософіи, въ которой разбираются ученые труды профессора Джэмса, и статью: критика и прогрессъ, которая рекомендуетъ философамъ не спорить съ современнымъ боевымъ критицизмомъ, а твердо и спокойно совершать созидательную работу Теософіи.

„Письмо изъ Адіара“ разсказываетъ исторію Адіара и подробно описываетъ главную теософическую квартиру.

Вышелъ II выпускъ библіографическаго Теософическаго Вѣстника „Т. Р. S. book notes“, издаваемаго г-жей Э. Вардъ.

Въ „Lotus—Journal“ мы находимъ задушевный и поэтическій разсказъ „Миссія цвѣтка“, описаніе недавно бывшаго въ Лондонѣ конгресса въ защиту животныхъ и Исторію маленькой дѣвочки. Въ отдѣлѣ для младшаго возраста описаніе нѣскольких ручныхъ птицъ и исторія „Какъ кошка выказала доброту“.

Нѣмецкій журналъ „Isis“ даетъ статью о Іогѣ, А. Безантъ, въ которой авторъ ясно отдѣляетъ школу Hatha Yoga отъ высшей школы Raja Yoga. Первая развиваетъ психическія силы, не требуя предварительнаго очищенія; Raja Yoga есть путь духовный, путь подвижничества. Оккультныя исканія на Западѣ въ большинствѣ случаевъ стоятъ на пути Hatha Yoga и ведутъ къ разстройству нервной системы и къ многимъ заболѣваніямъ. Особенно предупреждаетъ авторъ противъ упражненій съ дыханіемъ. Европейская наслѣдственность, мясной режимъ, привычка пить вино и возбуждающая нервы жизнь дѣлаетъ эти упражненія въ высшей степени опасными для западнаго человѣка.

„Исканіе счастья“. А. Безантъ, утверждаетъ, что исканіе счастья есть безсознательное исканіе Бога.

Статья „Духи природы“ принадлежитъ перу Ч. Ледбитера.

„Theosophy in India“ посвящаетъ довольно много мѣста сравнительному изученію религій. Въ августовскомъ № есть разборъ Yasna (части Zend Avesta), исторія арабскаго пророка Кхалида и очеркъ Albarus: Этика буддизма, въ которомъ подробно разбираются тѣ качества, которыя мѣшаютъ духовному освобожденію, и тѣ, которыя ему способствуютъ. Авторъ указываетъ, что буддизмъ, въ его глубинахъ проникнутъ идеей Бога и вѣчности.

„Bolletino della Sezione Italiana“ посвѣщаетъ статью тому же папирусу съ изреченіями Іисуса, недавно найденному въ Египтѣ.

Статья Ч. Ледбитера „Солнце, какъ центръ притяженія“ посвящена жизненному началу, Пранѣ, получающему свою силу въ солнечной энергіи и имѣющему проводникомъ наше эфирное тѣло. Статья есть призывъ къ здоровой жизни въ природѣ.

К. Жанаржадаза указываетъ на статьи проф. О. Лоджа, въ которыхъ ученый высказываетъ гипотезу объ особенномъ эфирѣ, связывающемъ міръ матеріи съ проявляющейся въ ней энергіей.

„Ultra“ даетъ мистическіе очерки Дример'а „На порогѣ“, продолженіе литературныхъ статей, посвященныхъ Данте, и большую научную хронику.

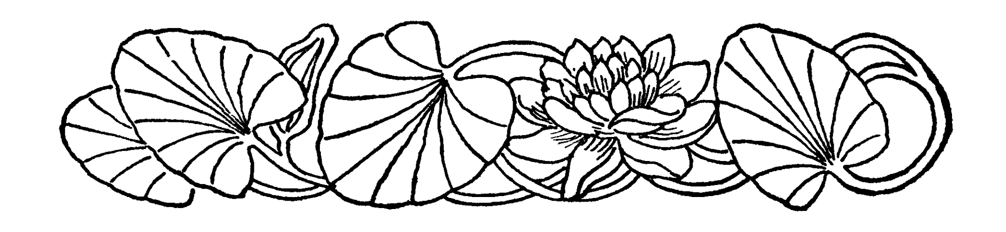
„I piccioli piaceri della vita“ (малыя радости жизни К. Филопанти) указываетъ на неблагодарность и несправедливость человѣка, жалующагося на жизнь. Правда, большія радости рѣдки, но такъ же рѣдки и большія несчастья, тогда какъ безчисленныя малыя радости разсѣяны на нашемъ пути, и мы часто ихъ не замѣчаемъ. Если взять только тѣ радости, которыя даетъ намъ природа своимъ чистымъ воздухомъ, опрокинутымъ надъ нами голубымъ куполомъ, солнечнымъ сіяніемъ или мерцаніемъ звѣздъ, благоуханіемъ травъ и цвѣтовъ, прохладой лѣсовъ, сверканіемъ рѣчныхъ и морскихъ волнъ, то этой красоты одной достаточно, чтобы перетянуть вѣсы въ сторону радостей жизни. Но есть много и другихъ радостей: книги, музыка, общеніе съ животными и людьми, духовное творчество, жизнь въ Богѣ... Если бы человѣкъ сознавалъ, сколько онъ счастья незамѣтно непрестанно получаетъ, онъ былъ бы всегда яснымъ и свѣтлымъ.

„Hindu College Magazine“ даетъ рѣчь А. Безантъ объ истинномъ патріотизмѣ. Нація не можетъ расти и подниматься безъ любви къ отечеству, но эта любовъ должна быть чистая и глубокая. Она не должна сосредоточиваться на части націи или страны, иначе она выродится въ узкій національнамъ, который нисколько не лучше какого-нибудь другого коллективнаго эгоизма. Истинный патріотизмъ поднимается надъ всѣми предразсудками, не знаетъ національной или кастовой узости; онъ стремится обнять своей любовью всѣхъ дѣтей своей матери-отчизны и послужить ей всѣми силами своего существа.

Интересенъ очеркъ Albarus, посвященный рыцарству. Авторъ разбираетъ психологическія черты средневѣковаго рыцарства и указываетъ на то, что и въ современномъ обществѣ встрѣчаются царственныя натуры, истинные „рыцари духа“, которые умѣютъ съ свѣтлой улыбкой взять на себя ношу другихъ, всегда готовые броситься на помощь, всегда готовые отдать свою радость и свою жизнь ради блага другихъ.

Шри Пракаша описываетъ Gurukul, индусскую школу, учрежденную обществомъ Aria Samaj для воспитанія юношества въ духѣ Индусскихъ идеаловъ. Школа прекрасно устроена. Она имѣетъ читальню, библіотеку, лабораторію и общежитіе. Авторъ невольно сравниваетъ этотъ нѣсколько сурово замкнутый коллэджъ съ Hindu College въ Бенаресѣ, гдѣ столько жизнерадостной дѣятельности и любовнаго общенія, и жалѣетъ, что въ Gurukul'ѣ не знаютъ ни гимнастики, ни дѣтскихъ игръ.

**Alba.**



# Хроника теософическаго движенія.

═ 31 іюля н. с. Президентъ Теософическаго Общества А. Безантъ пріѣхала въ Нью-Іоркъ. Въ день своего пріѣзда она уже читала лекцію.

═ Изъ Нью-Іорка А. Безантъ проѣхала въ городъ Aulbany и посѣтила Рочестеръ, Буффало, Грандъ-Рапидсъ; 12 августа она была въ Чикаго, гдѣ прочла цѣлую серію лекцій. Въ сентябрѣ она читаетъ въ Клевеландѣ, Вашингтонѣ, Бостонѣ, Нью-Іоркѣ, Бруклинѣ. 2 октября она оставляетъ Америку и возвращается на нѣсколько недѣль въ Европу.

═ Въ Южной Америкѣ, повидимому, также зачинается теософическое движеніе. Въ Коста-Рика издается теософическій журналъ „Virya“, на испанскомъ языкѣ, а въ Бразиліи, на португальскомъ языкѣ, издается „Дхарма“.

═ На о. Кубѣ былъ недавно теософическій съѣздъ; подробностей еще нѣтъ.

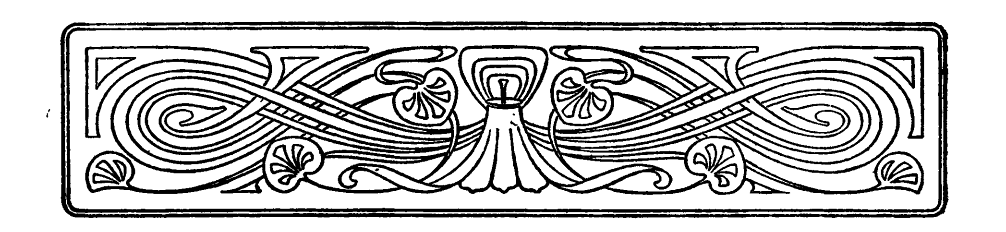
═ Послѣдній № американскаго органа „Теософическій Вѣстникъ“ разошелся въ 6.500 экземплярахъ.

═ Въ Амстердамѣ состоялся годовой теософическій съѣздъ. За выбытіемъ г. Фрике, секретаремъ Голландіи выбранъ г. Ж. Кноопъ-Коопмансъ. Съѣздъ прошелъ очень хорошо и въ большой гармоніи.

═ Въ Новой Зеландіи теософическое движеніе дѣлаетъ успѣхи. По послѣднему отчету въ одномъ центрѣ въ Аукланд'ѣ больше 108 членовъ. Этотъ теософическій центръ весьма дѣятельный.

═ Въ Америкѣ внесено предложеніе образованія новаго союза при Теософическомъ Орденѣ Служенія „Братство жизни“. Его цѣль—осуществить идею братства во всѣхъ царствахъ природы и содѣйствовать установленію нормальныхъ отношеній между всѣми живыми существами—отношеній, основанныхъ на полномъ довѣріи и взаимопомощи. Члены должны быть строгими вегетаріанцами.

**Alba.**



# Хроника жизни.

— Недавно въ С.-Петербургѣ былъ съѣздъ старо-католиковъ, стремящихся къ возсоединенію всѣхъ христіанскихъ церквей. Этотъ съѣздъ встрѣтилъ сочувствіе православнаго духовенства.

— 15 сентября состоялся первый всероссійскій съѣздъ евангелическихъ христіанъ въ С.-Петербургѣ. Интересно, что этотъ съѣздъ принялъ резолюцію, устанавливающую въ году день, посвященный посту и молитвѣ, чтобы „Богъ способствовалъ желанію евангельскихъ христіанъ въ дѣлѣ объединенія всѣхъ вѣрующихъ во Христа".

Это всеобщее стремленіе къ единенію есть знаменіе времени. Помѣщаемъ краткій отчетъ объ этомъ съѣздѣ („Рѣчь", № 255).

### Первый всероссійскій съѣздъ евангельскихъ христіанъ.

На засѣданіи 15 сентября всероссійскій съѣздъ евангельскихъ христіанъ обсуждалъ вопросъ о необходимости поднятія высшаго образованія среди евангельскихъ христіанъ Россіи. Рядомъ ораторовъ было отмѣчено отсутствіе въ настоящее время среди евангельскихъ христіанъ достаточнаго числа лицъ съ высшимъ научно-богословскимъ образованіемъ, которыя могли бы удовлетворять духовныя нужды христіанъ.

Послѣ продолжительнаго и всесторонняго обмѣна мнѣній по этому вопросу, съѣздъ единогласно постановилъ открыть съ декабря мѣсяца текущаго года въ Петербургѣ высшее учебное заведеніе подъ названіемъ „Библейскій институтъ". Главная задача института—подготовка наставниковъ-проповѣдниковъ и другихъ духовныхъ лицъ. Въ институтѣ должно быть обращено особое вниманіе на изученіе философіи, исторіи, библіи, священныхъ

книгъ и т. д. Для подготовки къ слушанію лекцій въ институтѣ будутъ открыты для желающихъ предварительные курсы. Кромѣ лицъ, окончившихъ эти курсы, рѣшено принимать въ институтъ также лицъ, окончившихъ курсъ реальныхъ училищъ и гимназій.

На томъ же засѣданіи съѣзда вновь былъ поднятъ вопросъ о желательности объединенія всѣхъ христіанскихъ народовъ въ общій, могучій христіанскій союзъ. Съѣздомъ принята резолюція, устанавливающая въ году день, посвященный посту и молитвѣ, чтобы Богъ способствовалъ желанію евангельскихъ христіанъ въ дѣлѣ объединенія всѣхъ вѣрующихъ во Христа.

Затѣмъ было прочитано заявленіе перваго русскаго книгоиздательства евангельскихъ христіанъ „Радуга" о предположенномъ выпускѣ ими въ недалекомъ будущемъ журнала „Спасеніе", спеціально посвященнаго религіознымъ, экономическимъ и политическимъ нуждамъ евангельскихъ общинъ. Съѣздъ весьма сочувственно отнесся къ этому заявленія и постановилъ оказать редакціи журнала, по мѣрѣ возможности, моральную поддержку.

Вопросъ объ организаціи кружковъ и союзовъ среди молодежи евангельскихъ христіанъ вызвалъ оживленныя пренія. Всѣ привѣтствовали эту идею, находя, что она можетъ объединить всѣхъ сыновъ христіанской церкви.

Постановлено немедленно приступить къ организаціи союзовъ и кружковъ молодежи евангельскихъ христіанъ и баптистовъ.

Вопросы практическаго и организаціоннаго характера рѣшались на съѣздѣ большинствомъ голосовъ, а вопросы въ области догматической стороны вѣроученія евангельскихъ христіанъ постановлено рѣшать большинствомъ двухъ третей присутствующихъ на съѣздѣ.

═ 15 сентября въ Соляномъ городкѣ пріѣхавшій изъ Англіи проф. Гринъ *) дѣлалъ докладъ объ англійскомъ воспитаніи. Съ полной искренностью указывалъ онъ на недостатки современной англійской школы, на слишкомъ большую отвлеченность преподаванія, на недостатокъ гибкости методовъ и на преувеличенное увлеченіе физическими упражненіями въ ущербъ умственнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сообщилъ, что англійскіе педагоги достигаютъ блестящихъ результатовъ въ отношеніи развитія въ ученикахъ чувствъ собственнаго достоинства. На вопросъ: какимъ образомъ это достигается? проф. Гринъ отвѣтилъ: Очень просто: мы *вѣримъ*

---

*) Въ собраніи О-ва Эспериментальной Педагогіи.

ученику, что онъ желаетъ всего хорошаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возлагаемъ на него сразу извѣстную отвѣтственность. Изъ сочетанія этихъ психологическихъ элементовъ: *довѣрія* и *отвѣтственности* въ ученикѣ рождается чувство собственнаго достоинства.

Проф. Гринъ привѣтствовалъ начинанія проф. Нечаева и высказалъ увѣренность, что дружескій обмѣнъ мыслей по дѣлу воспитанія поможетъ еще большему сближенію Россіи и Англіи. Аудиторія отнеслась къ докладу съ большимъ сочувствіемъ. Пренія затянулись до поздней ночи.

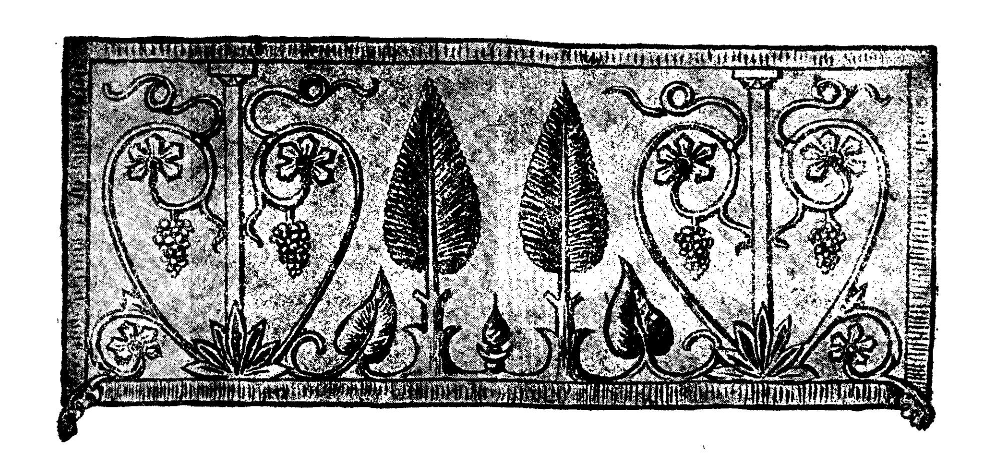
---

## Изъ газетъ и журналовъ.

Въ газетѣ „Кіевскія Извѣстія" надняхъ появилась симпатичная статья Е. Кузмина, нашего сотрудника: „Школа и Красота". Авторъ горячо ратуетъ за красоту въ школѣ и приводитъ интересные примѣры введенія эстетическихъ начинаній въ жизнь школы въ Швейцаріи и Америкѣ. Авторъ вѣрно замѣчаетъ, что „безъ красоты человѣческой жизни нѣтъ", потому что красота одно изъ первыхъ проявленій *безкорыстія*, утверждающаго жизнь человѣка, какъ эгоизмъ характеризуетъ жизнь звѣря. И первое проявленіе истинной человѣчности былъ не первобытный каменный молотокъ, не искусно сработанный дротикъ, даже не великое завоеваніе огня, а первый наивный рисунокъ, первый „безполезный" узоръ на обожженной еще глинѣ первобытной чашки или кувшина. Въ этомъ узорѣ утвердился человѣкъ, впервые заявивъ, что не одинъ только умъ, расчетливый, холодный, взвѣшивающій, руководитъ его поступками, но также и духовное начало; что порождаетъ энтузіазмъ не только взять, но и дать, способность творчества не только во имя свое, для себя, но и ради самого процесса творчества, чуждаго всякаго расчета"... Если общество желаетъ воспитать типъ благороднаго человѣка, способнаго на великодушіе и отреченіе, то общество должно воспитывать въ дѣтяхъ любовь къ красотѣ.

Мы убѣждены, что Е. Кузминъ правъ, и что школа, ставящая передъ собою цѣли идеальныя, должна прививать молодымъ поколѣніямъ любовь къ красотѣ. Поклоненіе идеалу красоты вноситъ въ жизнь дитяти элементъ поэзіи и элементъ религіозности, которые приведутъ его къ Богу.

**Alba.**



# О первохристіанствѣ.

С. Н. Булгакова. „Русская Мысль“, май, іюнь.

Много умнаго, серьезнаго, ученаго можно нагромоздить въ изслѣдованiи о зачинающейся религіи. Пытливой мыслью охватить всѣ элементы той атмосферы, гдѣ она слагалась, прослѣдить всю родословную вошедшихъ въ нее идей, болѣе или менѣе остроумно отвѣтить на всѣ „почему“ и всѣ „отчего“, но горы фактовъ, документовъ, изысканій заговорятъ только о трупѣ, если не будутъ оживлены и согрѣты тѣмъ, что исходитъ изъ самой сущности жизни. Религію, какъ и идею, нельзя только *понимать*, ее нужно и *пережить*, и только въ этомъ случаѣ она раскроетъ свои сокровенныя тайны, свой сокровенный и настоящій смыслъ. Проф. Булгаковъ не только заставляетъ понимать, но и дѣйствительно переживать основные мотивы первохристіанства, чѣмъ раздвигаетъ рамки своего „опыта характеристики“ далеко за предѣлы простого научнаго изслѣдованія.

„Благодаря особенностямъ предмета, пишетъ онъ, въ исторіи христіанства личная вѣра, личная религія, личная интуиція имѣютъ первостепенное значеніе, ибо вѣдь въ совершенно разномъ свѣтѣ представляется *вся* исторія возникновенія первохристіанства для увѣровавшихъ во Христа или для невѣрующихъ въ Него, но вѣрующихъ только въ Его Отца (современная нѣмецкая школа

ричиіанскаго богословія), или совсѣмъ невѣрующихъ ни въ Сына, ни въ Отца. Этимъ объясняется, между прочимъ, поразительная религіозная слѣпота невѣрующихъ изслѣдователей, которые находятъ возможнымъ объяснять христіанство безъ Христа, вообще помимо всякаго вліянія религіозныхъ индивидуальностей, изъ какихъ-либо естественныхъ, стихійныхъ, напр. экономическихъ факторовъ; это подобно тому, какъ если бы кто-либо сталъ писать исторію музыки не только не понимая, но питая отвращеніе къ музыкѣ" (май, стр. 71.).

И безъ интуиціи, дѣйствительно, едва ли возможенъ былъ бы слѣдующій выводъ:

„Первохристіанство было тѣмъ зерномъ, изъ котораго выростаетъ многовѣтвистое дерево историческаго христіанства. Ясно, что хотя бы въ зародышѣ, въ простой неразвитой формѣ, но оно должно имѣть въ себѣ то, что существенно для христіанской религіи вообще. Въ настоящее время при сложности его духовной культуры, мы имѣемъ религіозную философію, религіозную исторію и безконечно разростающуюся литературу о религіи. И свое желаніе имѣть настоящую живую религію, или же свои идеи о ней, или, за отсутствіемъ таковыхъ, хотя бы свои слова о ней, мы часто принимаемъ за подлинную религію, теряя способность фальшивую ассигнацію отличить отъ полновѣсной монеты. И сопоставленіе первохристіанства съ его простотой, но и великой правдивостью и современной философіей наглядно показываетъ, какова разница между религіозной философіей или наукой, на какой бы высотѣ онѣ ни стояли, и религіей, между безправной, отвлеченной теоріей и живымъ непосредственнымъ фактомъ. Въ зернѣ своемъ религія есть не теорія, а жизнь, переживаніе божественнаго, религіозный опытъ; строго говоря, этой религіи нельзя научиться усвоеніемъ извѣстныхъ идей, ей учитъ только самая жизнь. Если есть это зерно, то есть религія, есть стволъ, около котораго можетъ разростаться дерево, а нѣтъ его, то нѣтъ ничего, одни сухіе листья, шумящіе, но мертвые. Это личное переживаніе и затѣмъ соединеніе многихъ личныхъ переживаній въ коллективное, церковное, и является существеннымъ для христіанства, только это и было, но зато въ высочайшей степени, въ первохристіанствѣ.

И въ этой религіозной непосредственности своей оно является для насъ нормой, землей обѣтованной, радостной зарей новаго дня" (іюль, 121).

Каковы же главные элементы, изъ которыхъ слагалась первохристіанская жизнь?

Первый изъ нихъ кажущаяся внѣшняя безоружность христіанскаго ученія передъ высокой древней культурой.

„Христіанство вступило въ міръ неземными путями. Оно не воспользовалось какими либо средствами, взятыми изъ исторически сложившейся среды, оно явилось какъ совершенно новая и особая сила, внѣкультурная и внѣисторическая, отрицающая кривые и ломанные историческіе пути. Оно обращалось не къ исторической оболочкѣ человѣка и даже не къ разуму, но къ его сердцу, брало его волю, зажигало въ немъ новую жизнь". Особенно ярко выражено это въ огненной проповѣди 1 посланія къ Коринѳянамъ (гл. 1, 17—29), гдѣ „юродство проповѣди" противопоставляется премудрости человѣческой и открыто утверждается то, что „для Еллиновъ безуміе" и для іудеевъ—„соблазнъ".

Вторымъ элементомъ была „пламенная увѣренность въ близости конца, нетерпѣливое и страстное ожиданіе его и порывъ на встрѣчу Грядущему. Въ этомъ порывѣ поднялось надъ землей и отдѣлилось отъ нея первохристіанство, сдѣлало себя безразличнымъ къ земнымъ цѣнностямъ", что, прибавлю отъ себя, невольно сближаетъ его съ нѣкоторыми теченіями и современной мысли, скорѣе современнаго чувства.

Но эта жажда конца не притупляла, а даже скорѣе разжигала отрицательное отношеніе первохристіанства къ языческой культурѣ и къ наиболѣе яркому ея проявленію—языческому государству, олицетворявшему въ себѣ „царство міра сего". На этой религіозной, а не политической почвѣ, и столкнулось христіанство съ римскимъ государствомъ и начало съ нимъ неравную борьбу, окончившуюся, хотя и не побѣдой римскаго государства, но и отнюдь не полною побѣдой христіанства, надѣвшаго вериги государственности".

Очень интереснымъ въ освѣщеніи проф. Булгакова является отношеніе христіанства къ рабству. Многихъ смущало, да и теперь смущаетъ, предписаніе апостоловъ рабамъ „повиноваться своимъ господамъ не только добрымъ, но и строптивымъ". Въ этомъ требованіи якобы заключается косвенное одобреніе самого института рабства. Но, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, „первохристіанство обращалось не къ спеціальному положенію, не къ классу, но къ личности, къ внутреннему человѣку, и обращалось притомъ съ проповѣдью немедленнаго личнаго обращенія, покаянія, перерожденія". Осуществленіе же этого внутренняго обращенія во внѣшней жизни всецѣло лежало на свободномъ, чуждомъ всякаго принужденія вполнѣ личномъ выборѣ самого человѣка.

Христіанство не „предписывало“ освобожденія рабовъ, (предписаніе уничтожило бы въ корнѣ свободу, а потому и цѣнность подвига), но „совѣтовало, одобряло“; иногда же „производило это изъ общинной кассы, впрочемъ, въ видѣ исключенія (Игнатій Богоносецъ въ посланіи къ Поликарпу предостерегаетъ рабовъ: „пусть не домогаются получить свободу на общій счетъ, чтобъ имъ не сдѣлаться рабами страсти“)“.

Но чуть ли не самымъ важнымъ, на мой взглядъ, является устанавливаемое пр. Булгаковымъ, а съ нимъ и большинствомъ изслѣдователей, отношеніе первохристіанства къ догматамъ.„ Внѣ спора стоитъ тотъ основной фактъ, что богословски выработанной догматики, которую можно было бы формулировать въ символѣ вѣры и въ катехизисѣ, тогда не было. Острыя логическія грани, отточенныя опредѣленія, продуманныя и проработанныя до послѣдней іоты религіозно-философской мыслью, начали изыскиваться позднѣе.

Это была работа ряда поколѣній богослововъ, начиная съ Оригена, продолжавшаяся въ теченіе эпохи вселенскихъ соборовъ и, по нашему пониманію, продолжающаяся и послѣ нихъ и имѣющая продолжаться до конца исторіи“.

Относительно первохристіанской іерархіи мы также почерпаемъ чрезвычайно интересныя свѣдѣнія.

„Несомнѣнно, что уже съ самаго начала, въ соотвѣтствіи своему существу, по мѣткому выраженію одного нѣмецкаго ученаго *), „церковная организація стала не аристократической и не демократической, но *хорисматической*“, т.-е. въ зависимости отъ наличности тѣхъ или иныхъ „даровъ св. Духа“. Каковы были эти дары можно судить потому, что преп. Макарій Египетскій считаетъ, напр., даръ откровенія и пророчества, служеніе слова, даръ разсудительности, изгнаніе бѣсовъ и исцѣленіе болѣзней только низшимъ обнаруженіемъ мистическаго единенія души съ Богомъ. Высшей же ступенью „обоженія“ является совершенное измѣненіе самой природы человѣка, ея обновленіе и преображеніе, называемое имъ совершенной любовью. Къ числу даровъ относится и дарованіе различенія духовъ**). Проф. Булгаковъ останавливается также на такъ называемыхъ глоссолаліяхъ, т.-е. „произнесеніи въ

*) Weinel: „Die Stellung des Urchristenthums zum Staat“, 37.

**) См. по этому вопросу интересное изслѣдованіе С. Смирнова „Духовный отецъ въ древ. восточ. церкви“, Сергіевъ Посадъ 1906 г., стр. 45 и И. В. Поповъ „Мистич. оправданіе аскетизма“ Богос. Вѣст. 1904 г., ноябрь. 562 и 565.

состоянія экстаза словъ и фразъ загадочнаго, не всегда понятнаго самому лицу содержанія или же другими, имѣвшими даръ истолкованія".

Остается еще сказать нѣсколько словъ объ отношеніи первохристіанства къ нравственности и къ внутреннимъ душевнымъ настроеніямъ.

„Христіанство выступило въ міръ не съ новымъ ученіемъ,— довольно ихъ проповѣдовали философы!—но съ началами новой жизни". И его побѣдная сила могла и должна была сказаться именно въ способности перерождать, вызывать къ новой жизни старое, загнивающее общество. Яркой иллюстраціей этого является приводимая авторомъ цитата изъ Апологіи св. Іустина: „Если же найдутся такіе, которые не такъ живутъ, какъ училъ Христосъ, тѣ, да будетъ извѣстно, не христіане, хотя и произносятъ языкомъ ученіе Христово". „Мы пропустили бы весьма существенную черту, далѣе говоритъ проф. Булгаковъ, если бы не упомянули о религіозной радости, этомъ величайшемъ Божьемъ дарѣ, который дается людямъ. Христіане чувствовали Бога, и воскресшій Христосъ былъ ихъ жизнью. И чувствовать Бога не есть ли высшая радость, „радость совершенная"?... Соберите въ душѣ своей воспоминанія о короткихъ и быстроубѣгающихъ моментахъ религіознаго просвѣтлѣнія, и ваше ухо откроется, можетъ быть, для этого гимна религіозной радости, который звенитъ въ книгѣ „Дѣяній Апостольскихъ", вѣдь самъ ап. Павелъ писалъ: „Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь, о всемъ благодарите". (I Фесс. V 16—18) и „Царствіе Божіе не пища и питіе, но правда, миръ и *радость* о Духѣ святомъ". (Римл. XIV—17). Менѣе извѣстно, но не менѣе „любопытно воззрѣніе середины II вѣка, выразившееся въ „Пастырѣ" Эрма, что „печаль есть самый злой изъ всѣхъ духовъ и самый вредный для рабовъ Божіихъ...

Всякій радующійся человѣкъ дѣлаетъ доброе и помышляетъ о добромъ и презираетъ печаль. А человѣкъ печальный всегда золъ, во первыхъ, потому, что оскорбляетъ св. Духа, который далъ человѣку радость; и, во вторыхъ, потому, что онъ дѣлаетъ беззаконіе, не обращаясь и не исповѣдуясь ко Господу. Молитва печальнаго человѣка никогда не имѣетъ силы восходить къ престолу Божію".

Эта радость не находится въ противорѣчіи (скорѣе наоборотъ) съ отношеніемъ первохристіанства къ мученичеству. „Въ этомъ отношеніи первохристіанство имѣетъ свои специфическія особенности, вытекающія изъ его свойствъ. Ибо въ живой вѣрѣ

его побѣждается смерть не судорожнымъ усиліемъ человѣческой воли, направленный къ подавленію естественнаго страха смерти, но со всей мистической реальностью". Изъ той же живой вѣры вытекалъ и аскетическій подвигъ, ибо „нѣтъ иного пути къ Богу и ко Христу, какъ черезъ внутреннее міроотреченіе, черезъ внутренній и совершенно интимный актъ самоопредѣленія въ любви: возлюбить Христа болѣе, чѣмъ все самое дорогое". И эта любовь была не теоріей, не философски обоснованнымъ выводомъ, а переживаніемъ, т.-е. дѣйственнымъ, ощутимымъ состояніемъ, необходимо выливающимся въ дѣла.

И это потому, что „первые христіане имѣли подлинное, непосредственное переживаніе Божества, они чувствовали себя въ реальномъ и непосредственномъ общеніе съ Христомъ, они горѣли радостью поклоненія Воскресшему"...

Я думаю, что читатели не посѣтуютъ за столь подробное изложеніе интереснаго изслѣдованія проф. Булгакова, сдѣланное, по возможности, его же собственными словами.—Отъ выводовъ я воздержусь—они столь очевидны, столь ярки, что каждый сдѣлаетъ ихъ самъ, освѣтивъ ими окружающую насъ дѣйствительность и тотъ путь, по которому надлежитъ идти къ обѣтованной землѣ.

**Е. Кузьминъ.**

---

Благо тому, кто не довольствуясь настоящею дѣйствительностью, носилъ въ душѣ своей идеалъ лучшаго существованія, жилъ и дышалъ одною мыслью — споспѣшествовать, по мѣрѣ данныхъ ему природою средствъ, осуществленію на землѣ идеала.

Благо тому, кто падая въ борьбѣ за святое дѣло совершенствованія, съ упованіемъ страстнаго блаженства погружался въ успокоительное лоно силы, вызвавшей его на дѣло жизни, и восклицалъ въ священномъ восторгѣ: „Все Тебѣ и для Тебя, а моя высшая награда: да святится имя Твое и да прідетъ Царствіе Твое!

(В. Бѣлинскій).

---

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**